

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ

Созижа́в
церкобъ мою,
и врата ѿшва
не ѿдохнётъ ѿн.
(Ев. Ил. XVI, 18)

Пише же и церкобъ
преславаєтъ,
буди тебѣ гако-
же газычникъ
и мытарь.
(Ев. Ил. XIII, 17)

1913

Апрель.

4

Митрополитъ
Филиппъ

Издание Чудова Монастыря.

Святитель АЛЕКСІЙ
Митрополитъ МОСКОВСКІЙ
и ВСЕЯ РУСІ.

БЛАГОДОСІЕ
ОБІТЕЛИ СВЯТИХ АЛЕКСІЯ

Митрополитъ
Іона

Пéтръ и
Апли рѣш
погиноватъ
са подобаєтъ
Бгови памъ
нежели че
вѣкшъ.
(Дѣян. Ап
5 г 29 ст.)

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ.

Ежемѣсячный церковно-общественный
журналь.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

1913 г. Апрѣль.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САДКОВСКІЙ ПР., СОБ. Д.
1913

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

О Т Д Е Л Ъ П ЕР В Й І.

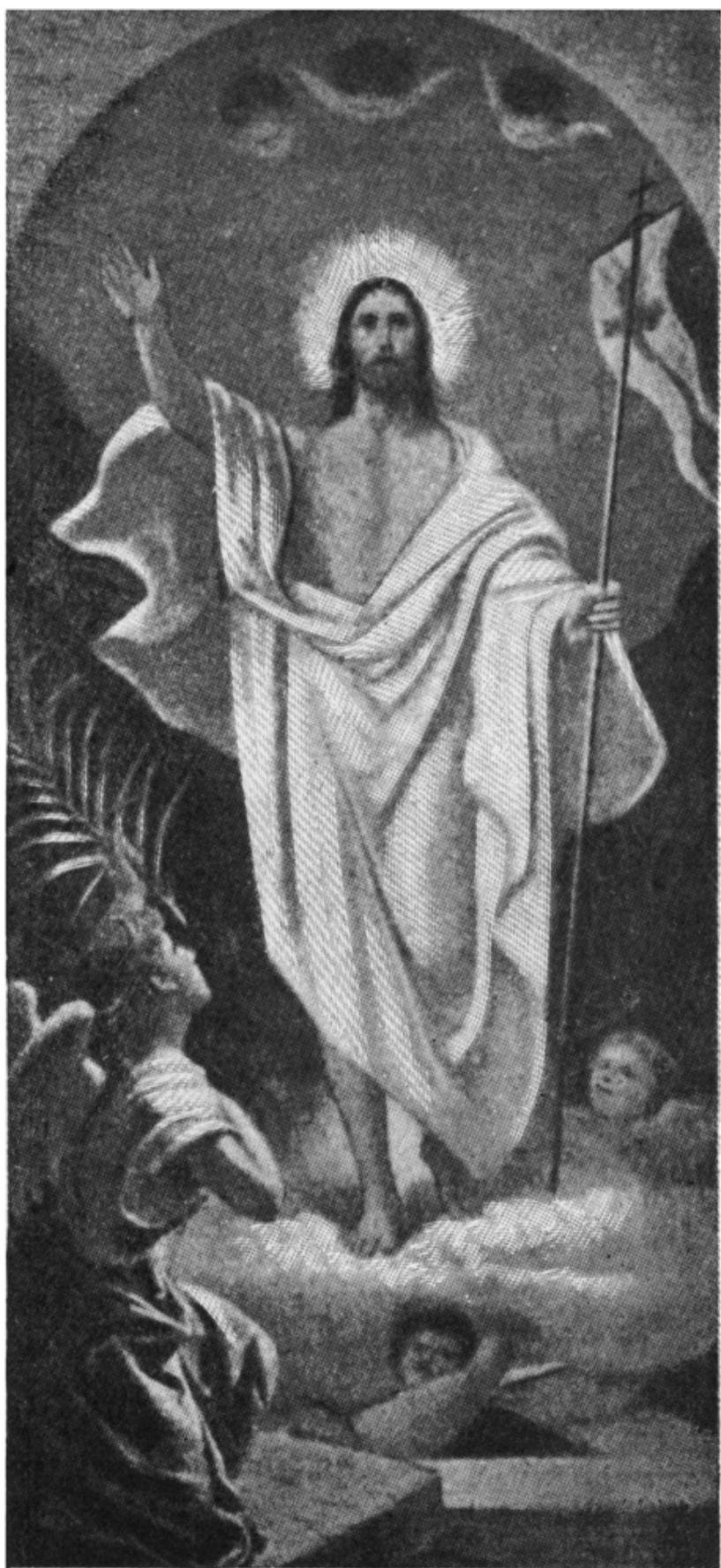
	<i>Стран.</i>
1. Христосъ Воскресе! — <i>Макарій</i> , Митрополитъ Московскій.	3— 7
2. Христосъ Воскресе! —* *	8— 8
3. Противъ ли нась (абстинентовъ) Библія? — <i>Владиміръ</i> , Митрополитъ С.-Петербургскій.	9— 18
4. Размысленія епископа.—Епископъ <i>Андроникъ</i> . .	19— 21
5. Духовный дневникъ.—Архимандритъ <i>Арсеній</i> . . .	22— 27
6. Гвіренія преюдобрного Макарія Єгипетскаго, въ ихъ систематическомъ изложениі.—Архим. <i>Арсеній</i> . . .	28— 39
7. Свѣточіи Православной Христовой Церкви. — Избраль <i>М. Новоселовъ</i>	40— 53
8. Домой на Пасу. — Свящ. <i>С. Соколовъ</i>	54— 78
9. Письма въ Бозѣ почишаго высокопреосвященнаго Николая, архиепископа Ялоускаго.	79— 82
10. Путь къ Богообщенію.—Іером. <i>Николай</i>	83— 91
11. Покаяніе въ Церкви и покаяніе въ католичествѣ — Доцентъ Моск. Дух. Академіи <i>В. Троцкій</i>	92—113
12. Новое религиозное движение — Иннокентіевщина.— Епарх. міссионеръ свящ. <i>О. Кирика</i>	114—121
13. Графъ Левъ Толстой.— <i>И. Айвазовъ</i>	122—140
14. Христіанство, гуманизмъ и соціализмъ, какъ факторы истории. — <i>В. Свѣтловъ</i>	141—151

О Т Д Е Л Ъ В Т О Р О Й.

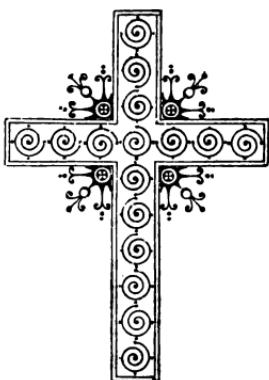
15. Наши новые законы и законопроекты о свободѣ совѣсти.—Профессоръ <i>И. Бердниковъ</i>	152—174
16. Русская гражданская исторія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.— <i>И. Айвазовъ</i>	175—182
17. Голосъ Церкви.—Іеродіаконъ <i>Евостій</i>	183—184

Редакція просить подпісчиковъ ускорить взносомъ подпісныхъ за 1913 годъ денегъ во избѣжаніе пристановки высылки журнала.

Хриетоєъ Воскресе!

Христосъ Воскресе!

Христосъ воскресъ, и сбылось то, что сказано было Имъ: подобаетъ Сыну Человѣческому убіену быти и въ третій день воскреснути. Христосъ воскресъ, значитъ, истинно все то, что Онъ говорилъ. А Онъ говорилъ, что Онъ — Сынъ Божій, что Онъ отъ Отца пришелъ спасти людей. Значитъ — мы дѣйствительно спасены Кровію Его; значитъ и мы воскреснемъ; и будемъ тамъ, гдѣ Онъ. Вѣдь все это Онъ возвѣстилъ. Какъ это отрадно для душъ вѣрующихъ, пребывающихъ въ союзѣ со Христомъ! Какъ отрадно для всѣхъ праведно живущихъ; отрадно и для грѣшниковъ кающихся! И все это потому радостно и отрадно, что Христосъ воскресъ. Если бы Христосъ не воскресъ, то суетна была бы вѣра наша (1 Кор. 15, 17), напрасны были бы ожиданія наши; мы были бы несчастнѣйшими изъ всѣхъ людей; ибо, отрекшись отъ земныхъ удовольствій, мы не получили бы и будущихъ, нынѣ ожидаемыхъ утѣшеній. Но воистину ли воскресъ Христосъ? Да, воистину

Христосъ воскресе! Какъ же Іудей говоритъ, что Христосъ не воскресъ; и язычникъ отрицаєтъ воскресеніе Христово, и современные безбожники и разнаго рода отрицатели и лжеучители не вѣрятъ воскресенію Христа? Всѣмъ этимъ ничего столько не хочется, какъ отвергнуть истину этого воскресенія, — почему? Потому, что на этой истинѣ непоколебимо стоитъ все зданіе Христовой Церкви. Благодаря этой истинѣ, вѣра христіанская стала быстро распространяться сперва среди іудеевъ, а потомъ среди всѣхъ народовъ. За эту истину святые Апостолы почти всѣ претерпѣли мученія и смерть; эта истина воздвигла сонмы мучениковъ изъ всѣхъ народовъ. На истинѣ воскресенія, главнымъ образомъ, утверждалось христіансское подвижничество. Вся Церковь Христова, во всѣ вѣка гонимая, волнуемая и обуревающая ересями и разнаго рода заблужденіями, стоитъ непоколебимо, утверждаясь на истинѣ ученія Христа воскресшаго. Поэтому, не напрасно Промыслу Божію угодно было обставить эту истину самыми неопровергнутыми доказательствами. Прежде всего нужно было засвидѣтельствовать истину смерти Христовой и вотъ, сердце Христово пронзается копьемъ и изъ него истекаетъ кровь и вода, значитъ, Христосъ умеръ не мнимою смертію, а умеръ дѣйствительно, былъ погребенъ и лежалъ во гробѣ столько времени, сколько, заранѣе, Онъ Самъ предрекъ и пророки предозвѣстили. Гробъ Христа былъ запечатанъ и охраняется стражей, поставленной врагами Его. Но эти стражи гроба стали въ то же время и достовѣрными свидѣтелями Христова воскресенія. Хотя они, подкупленные, и говорили, что тѣло Христа украдено учениками Его въ то время, когда они спали; но ложь эта была очевидна и не могла затмить истины Воскресенія Христова. Ибо, если бы воины дѣйствительно спали, то какъ они могли узнать,

что именно ученики приходили ко гробу, отвалили камень, сняли съ умершаго одежды (почему же не съ одеждю унесли), вынесли изъ пещеры и унесли куда-то. И стражи ничего этого, якобы, не слыхали. Можно ли этому повѣрить? Конечно, нѣтъ. А если воины не спали и видѣли, какъ уносили ученики тѣло Христа, то почему они не удержали похитителей? Если допустить и возможное, что воины дѣйствительно спали тогда, когда ученики уносили тѣло Христа, то можно спросить, для чего оно было нужно имъ. Для того ли, чтобы проповѣдывать о воскресеніи Его? Но они сами то не вполнѣ вѣрили въ возможность воскресенія. Хотя Господь Христосъ при жизни Своей говорилъ имъ, что Ему подобаетъ убіену быти и въ третій день воскреснути, Апостолы оказались настолько боязливыми, что когда враги пришли взять Господа, то всѣ они разбѣжались и потомъ, страха ради іудейскаго, сидѣли въ домѣ, заперши двери его. Могли ли эти люди рѣшиться идти ко гробу, чтобы взять умершаго, охраняемаго стражей? Дѣло невѣроятное. Могли ли они рѣшиться взять умершаго, чтобы проповѣдывать о воскресеніи, когда они не повѣрили истинѣ воскресенія даже и тогда, когда возвѣстили имъ о воскресеніи Его жены муроносицы? Когда же узнали о воскресеніи и кто сперва узналъ? Опять не ученики узнали, а женщины, пришедши помазать ароматами тѣло умершаго Христа. Имъ сперва возвѣстилъ Ангелъ, что Христосъ воскресъ и послалъ ихъ возвѣстить о томъ Апостоламъ. А потомъ и Самъ Воскресшій сталъ являться многократно, въ разныхъ мѣстахъ. Этими явленіями возбуждена и закрѣплена въ Апостолахъ вѣра въ воскресеніе настолько, что они потомъ пронесли проповѣдь о воскресеніи по всему миру, не боясь никого и ничего и за истину эту они полагали души свои. Христосъ не только воскресъ, но

и возшелъ на небеса и воссѣлъ одесную Отца. Свидѣтелемъ этого явился Духъ Святый, ниспосланный на Апостоловъ въ день Пятидесятницы, по обѣтованію Воскресшаго. По сошествіи Святаго Духа на Апостоловъ, полились, какъ рѣки, чудеса, сперва въ Іерусалимъ, потомъ по всей Іудѣѣ, наконецъ повсюду, куда являлись проповѣдники Воскресшаго Христа. Въ день сошествія Святаго Духа рѣчъ Апостола Петра привлекла къ вѣрѣ въ Воскресшаго Христа три тысячи народа. Исцѣленіе Апостолами Петромъ и Іоанномъ хромаго при храмѣ Іерусалимскомъ сопровождается крещеніемъ пяти тысячъ человѣкъ. Апостолы открыто свидѣтельствуютъ предъ старѣйшинами народа, что распятый ими Христосъ воскресъ, и силою Его совершаются видимыя ими чудеса, и начальники іудейскіе не смѣютъ отрицать этого и даже намека не дѣлаютъ, яко бы, на похищеніе тѣла Іисусова, послѣ того какъ они мздою убѣдили воиновъ распустить молву, что ученики украли тѣло Его. Христіанство, чѣмъ болѣе было гонимо, тѣмъ далѣе и далѣе распространялось. Все вооружилось противъ Христа: и власть, и богатство, и ученость, и невѣжество, и все это, въ концѣ концовъ, склонилось къ подножію креста. И теперь опять та же борьба,—борьба силъ ада со Христомъ и борьба ожесточеннѣйшая. Сатана изобрѣлъ новая оружія для разрушенія Церкви Христовой: онъ выслалъ противъ нея такъ называемую науку, впрочемъ не истинную науку, а лженauку. Онъ вооружилъ противъ нея литературу и всякаго рода книжничество, онъ воздвигъ противъ Церкви современный материализмъ, враждебный Евангелію соціализмъ, разнаго рода секты, ереси и политическія партіи: однѣ изъ нихъ хвалятся разрушить дѣло Христово такъ, что отъ Церкви останутся якобы только клочки; другіе какъ бы говорятъ о Христѣ и Церкви: *расторжемъ узы ихъ,*

отвержесемъ отъ насъ иго ихъ. Но вѣруемъ, что со всѣми этими случится то, что сказано въ пророчественномъ псалмѣ: Живый на небесѣхъ посмѣется имъ и Господь поругается имъ и Христосъ — Царь Сиона упасеть народы жезломъ желѣзнымъ, а противниковъ своихъ скрушитъ, яко сосуды скудельничи (Псал. 2, 3—9).

Итакъ, воистину Христосъ воскресъ. Дерзайте убо, дерзайте людіе Божіе! Побѣдитель ада и смерти побѣдить и всѣхъ враговъ, возстающихъ на Церковь Его, яко всесиленъ.

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его и да бѣжать отъ лица Его ненавидящіи Его!

Макарій, Митрополитъ Московскій.

Христосъ Воскресе!

Христосъ воскресе!—Ликуйте люди,
Забудьте скорбь и нищету,—
И гимнъ торжественный воспойте
Намъ рай отверзшему Христу!..

Воскресъ Господь, любовь принесшій,
Нарекшій братьями людей,
Рабовъ и нищихъ не презрѣвшій,
Призвавшій грѣшныхъ мытарей.

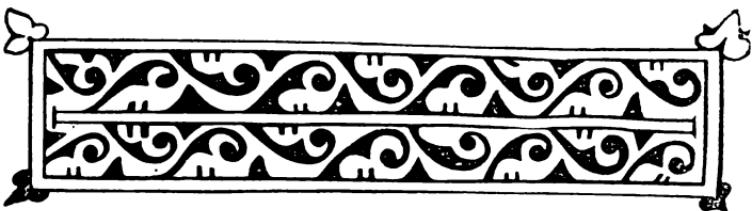
Всѣхъ предъ Собою уравнявшій:
И богачей, и бѣдняковъ,
За всѣхъ Себя на смерть предавшій,
Всѣхъ свободившій отъ оковъ.

Въ сей день торжественный, побѣдный
Пусть утѣшенье въ насъ найдетъ:
Больной, отверженный и бѣдный,—
Въ любви пусть духомъ оживетъ.

Христосъ воскресе! Ликуйте люди,
Сотрите скорби слѣдъ съ лица,
Объединяясь, съ любовью братской
Воспойте Господа Христа!

* * *

Противъ ли жасъ (абстинентовъ) йиблія? ¹⁾

II.

Всѣ вышеизложенные, научно очень плохо обоснованныя, соображенія и утвержденія профессора Гарнака касаются только, какъ замѣчено, одной части цѣлаго вопроса. Но слѣдуетъ при обсужденіи его принять во вниманіе и другія болѣе существенныя и важныя точки отправленія, а именно тѣ, которыя ветхозавѣтное отреченіе отъ вина и сикеры представляютъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ въ какомъ представляетъ его профессоръ Гарнакъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это освѣщеніе переносить насъ къ нынѣшнему стремленію къ воздержанію, къ его оправданію и даже необходимости. „Посвященные Господу“ еще давно заходили такъ далеко, что избѣгали вообще всякаго плода лознаго, слѣдовательно „возводили воздержаніе на самую высокую степень“. Можетъ быть это объясняется строгимъ закономъ относительно употребленія въ пищу „чистаго“ и „нечистаго“. Избѣжать нечистаго, навѣрное, можно было не иначе, какъ только путемъ строгаго и полнаго воздержанія. Броженіе въ винѣ происходило не такъ, какъ въ хлѣбѣ, не чрезъ прибавленіе кислаго кваше-

¹⁾) Продолженіе См. „Г. Ц.“ мартъ м. 1913 г.

наго тѣста, но наступало нѣкоторымъ образомъ само собою. Это могло происходить въ тѣхъ случаяхъ, когда виноградныя ягоды были перезрѣлыя. Можетъ быть и изъ другихъ основаній въ этомъ случаѣ считали за самое лучшее употреблять „чистую воду“.

Професоръ Гарнакъ въ отношеніи посвятившихъ себя Богу назореевъ и той заповѣди Моисеева закона, по которой священники не должны были вкушать никакого вина, когда они входятъ въ скинію собранія, говоритъ слѣдующее.

„Итакъ, въ томъ запрещеніи заключается признаніе того факта, что извѣстныя условія могутъ требовать воздержанія отъ употребленія вина, такъ какъ отъ злоупотребленія имъ могутъ происходить для человѣка вредныя послѣдствія“. Такимъ образомъ Гарнакъ, упрекающій проповѣдниковъ воздержанія (абстиненціи) въ томъ, что они ссылкою на библію предаются сильному самообману, здѣсь самъ выводитъ на сцену библію и при этомъ еще ветхозавѣтныя предписанія о воздержаніи отъ употребленія вина при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Онъ говоритъ: „...потому что отъ злоупотребленія виномъ могутъ происходить для человѣка вредныя послѣдствія“. Хотя не много найдется людей, коимъ неизвѣстны такія послѣдствія, однако профессоръ Гарнакъ здѣсь разумѣеть такихъ только людей, которые имѣютъ наклонность, предрасположеніе къ злоупотребленію, къ многопитію. Здѣсь дѣло идетъ собственно о священникахъ и „посвятившихъ себя Богу“. Кроме того основаніе, по которому священникамъ въ ветхомъ завѣтѣ запрещалось пить вино, ясно выражено въ книгѣ Левитъ 10 гл. 9—10 ст.:

„Это вѣчное постановленіе“, говорится здѣсь, „въ роды ваши, чтобы вы могли отличать священное отъ неосвященнаго и нечистое отъ чистаго“.

Такъ какъ алкоголь, какъ сказано выше, ослабляетъ и отуманиваетъ самыя тонкія движенія и чувствованія, а иногда разсѣиваетъ и то тяжелое душевное настроение, которое называютъ „божественнымъ голосомъ внутри насъ“, совѣстю, то нужно избѣгать его не ради только того дѣйствія, которое происходитъ отъ злоупотребленія, но и ради всякаго простого дѣйствія, производимаго и умѣреннымъ употребленіемъ.

У назореевъ требование воздержанія иногда начиналось уже отъ чрева матери, и это послѣднее требование совершенно основательно и резонно. Извѣстно, что алкоголь производитъ наслѣдственную порчу и что не только неумѣренно, но и умѣренно пьющіе дѣйствуютъ вырождающимъ образомъ на свое будущее потомство. Основаніе—достаточное для того, чтобы благочестивой матери назорея Сампсона, по зачатіи ею посвященнаго Богу, было воспрещено ангеломъ пить вино (Суд. — 13 гл. 4 ст.).

Почему же не дѣлаютъ вытекающаго отсюда полезнаго примѣненія? Древніе греки ставили въ женскихъ покояхъ (гинекеяхъ) красивыя фигуры и статуи, конечно, для того, чтобы совершенныя формы ихъ производили облагораживающее дѣйствіе на будущее поколѣніе. А въ настоящее время наши матери, напротивъ, чаще всего смотрятъ на рестораны, винные погреба и пивныя лавки, какъ на такія мѣста, которыя „облагораживающимъ и возвышающимъ“ образомъ дѣйствуютъ на тѣло и душу. Что же, поэтому, удивительнаго, если у насъ нараждается уже трактирное алкогольное поколѣніе?

Сампсонъ съ дѣтства не пилъ никакого вина и сдѣлался героемъ израильскаго народа. Въ настоящее же время выращиваютъ баварскимъ пивомъ и токайскимъ виномъ такое поколѣніе, которое уже нѣкоторымъ обра-

зомъ обречено на употребленіе алкоголя, и лучшіе изъ людей этого поколѣнія проявляютъ свое геройство чаще всего за пивнымъ столомъ и чувствуютъ себя крѣпкими, веселыми и свободными только при помощи глотка или только послѣ стакана водки.

Впрочемъ мы уже сказали, и снова и рѣшительно подтверждаемъ, что даже профессоръ Гарнакъ назорейству настоящаго времени, вопреки первоначальному крайне рѣзкому отрицанію, находитъ однакожъ нѣкоторое оправданіе, ссылаясь на библію.

. Но новѣйшиe назореи обыкновенно обосновываютъ свою правоту не на этой ссылкѣ, слѣдовательно большого практическаго значенія она (ссылка) для насъ не имѣть.

Нѣтъ, если христіане бываютъ вынуждены опираться на библію, то они дѣлаютъ это другимъ способомъ. Именно, они тогда ставятъ тотъ же самый вопросъ который приводить и Гарнакъ въ предисловіи; „Какъ, прежде всего, относится Христосъ, какъ относятся къ этому вопросу апостолы?“

Но отношеніе Христа къ вину уже было указано, а потому мы здѣсь прибавимъ къ этому очень немногое. Профессоръ Гарнакъ пишетъ: „Закроемъ глаза и не будемъ указывать и на характерный разсказъ евангелія Иоанна о чудѣ, совершенномъ Христомъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской“... Очень великодушно! Но вѣдь въ другихъ случаяхъ этимъ мѣстомъ особенно любятъ пользоваться противъ насъ, и есть немало умѣренныхъ и неумѣренныхъ людей, которые чаще всего ссылаются на это мѣсто Священнаго Писанія.

Но что же знаемъ мы о томъ винѣ? Только то, что оно было „хорошее“, и довольно указать на двукратное повтореніе слова „хорошее“ (Иоан. 2, ст. 10), чтобы отразить всякое нападеніе. Для насъ, слѣдовательно,

нѣтъ надобности закрывать глаза на этотъ разсказъ!— „Установленіемъ вечери предъ своею смертію Христосъ возвысилъ вино съ хлѣбомъ до самаго высокаго символа Христіанской церкви“, говоритъ далѣе Гарнакъ. Въ другихъ случаяхъ обыкновенно считаютъ этимъ высшимъ символомъ Крестъ. Съ другой стороны, символомъ Крови считается натуральная, ничѣмъ неоскверненная кровь виноградной лозы, какъ она сотворена Богомъ. Кто можетъ это оспаривать? Но здѣсь умѣстно прямо замѣтить, что и всѣмъ, давшимъ обѣтъ воздержанія, равно и сочленамъ самыхъ строгихъ обществъ трезвости, позволительно употреблять при таинствѣ причащенія всякое вино.

Если, далѣе, Христосъ сравниваетъ Себя съ лозою виноградною, то это съ вопросомъ объ алкогольныхъ напиткахъ не имѣеть ровно ничего общаго. Но совершенно въ другомъ мѣстѣ является предъ нами это сравненіе, когда мы читаемъ то, что пишетъ докторъ Павелъ Кассель въ своей книгѣ: „Отъ Нила до Ганга“.

„Особенное значеніе имѣль,—говоритъ онъ,—во времена первого христіанства у греческихъ азіатовъ культъ Бахуса. Его отожествляли съ Зевсомъ и Плутономъ. Онъ былъ богомъ весны. Его мистеріи, вакханалии были демоническими оковами для сердецъ народовъ, пока они наконецъ не пали предъ словами евангелія. Въ то время какъ тысячи христіанъ проливали кровь свою, потому что они не хотѣли принимать участія въ вакханалияхъ, языческие учителя говорили своимъ слушателямъ, что когда они проповѣдуютъ о Діонисѣ, какъ умъ Зевса (*Διὸς γοῦς*), то они должны обращаться къ истинному разуму Бога...

Бахусъ же былъ почитаемъ въ Антіохіи и въ Бейрутѣ, какъ виновникъ культа весны, плодовъ и виноградныхъ лозъ; его называли сыномъ Зевса (*Διὸς ὥιος*);

въ противоположность ему христіане проповѣдывали о Томъ, Который сказалъ о Себѣ: „*Я есмь истинная виноградная Лоза, а отецъ Мой виноградарь* (Іоан. 15, 1)“.

Если Кассель, дѣлая такое объясненіе, правъ, а оно во всякомъ случаѣ очень достопримѣчательно, то отношеніе апостола Павла къ вину отнюдь не такъ дружелюбно и пристрастно, какъ это предполагаетъ профессоръ Гарнакъ. Далѣе, всякому извѣстно, что первенствующіе христіане жили крайне просто и умѣренно. Не говоря уже объ особенныхъ христіанскихъ подвижникахъ—аскетахъ,—и всѣхъ вообще первыхъ христіанъ ненавидѣли въ особенности за ихъ ученіе, осуждающее мірскія удовольствія (Цельсъ). Мы знаемъ, далѣе, изъ библіи, что апостоль Тимоѳей пилъ только одну воду; онъ, слѣдовательно, былъ abstinentъ, и что исключительно только „ради слабаго желудка“ (стомаха), Ап. Павелъ совѣтовалъ ему пить вино. Но какое вино? необходимо снова спросить здѣсь и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить, что мы противъ докторскихъ врачебныхъ предписаній въ случаѣ болѣзни, съ нашей точки зрѣнія, ничего не дозволяемъ себѣ возражать. Но кто изъ этого совѣта хочетъ сдѣлать новое оружіе противъ нашихъ стремленій, черезчуръ высоко оцѣнивая медицинскія познанія апостола, тотъ не въ правѣ удивляться тому, что напримѣръ американскіе содержатели рабовъ также ссылались на апостола Павла. Они говорили, что апостоль Павелъ прямо одобрялъ рабство, когда онъ убѣжившаго раба Онисима возвратилъ своему господину (Посл. къ Филимону).

Но мы знаемъ, что уже тогда происходили споры изъ-за употребленія вина вообще, безъ опредѣленія свойства этого вина. Въ богатыхъ общинахъ стали обнаруживаться, вмѣстѣ съ утонченными нравами и обычаями, дурныя послѣдствія употребленія спиртныхъ на-

питковъ. Скоро образовались два направлениія, которыя пошли войной другъ противъ друга. Дѣло шло о жертвенномъ мясѣ и винѣ. Поэтому кто называетъ взглядъ апостола Павла несвободнымъ отъ предразсудка, предубѣжденнымъ въ смыслѣ профессора Гарнака, тотъ поистинѣ допускаетъ неправду. Мы можемъ и въ этомъ дѣлѣ много поучиться у него, и онъ выражается правильно и корректно.

Павелъ—апостолъ язычниковъ—вовсе не выдвигаетъ на первый планъ того, что дѣлаетъ веселымъ. Гдѣ онъ выступаетъ за христіанскую свободу, которая стояла въ противорѣчіи съ строгими законами о пищѣ и другими ритуальными предписаніями, которыхъ долго держались апостолы іудеевъ, тамъ для него свобода вкушениія нисколько не составляла высшаго закона, но имъ всегда руководили здѣсь другія основанія, другіе принципы, а эти послѣдніе имѣли корень въ истинно христіанскомъ принципѣ самоотверженія ради блага другихъ. Не во вкушениіи самомъ въ себѣ здѣсь дѣло, не идоложертвенное мясо или вино сами по себѣ составляютъ вредъ, не то оскверняетъ человѣка, что входитъ въ него, но нѣчто совершенно другое, чѣмъ вкушеніе, пища и питье, а именно; въ 14 главѣ посланія къ Римлянамъ, ст. 21 говорится: *Лучше не есть мяса, не пить вина и не дѣлать ничего такого, отчего братъ твой претыкается или соблазняется, или изнемогаетъ*. Такимъ образомъ суть дѣла заключается въ томъ, къ чему приводить примѣръ, а потому-то апостолъ Павелъ такъ убѣдительно и предостерегаетъ отъ злоупотребленія не алкогольскими напитками,—нѣтъ, а отъ злоупотребленія христіанской свободой. Вотъ на что преимущественно должны обратить вниманіе тѣ, которые ссылаются противъ настѣ на апостола Павла, на ученіе его о томъ, какъ нужно пользоваться свободой!

Пища не приближаетъ насъ, говоритъ онъ, къ Богу: ибо пьдимъ ли мы, ничего не пріобрѣтаемъ; не пьдимъ ли ничего, не теряемъ. Берегитесь, однакоожъ, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ". (1 Кор. 8, 8).

Но какъ стоитъ дѣло въ этомъ отношеніи въ настоящее время? Всѣ тѣ, которые хмельные напитки употребляютъ какъ вкусовое средство, только для удовольствія, содѣйствуютъ распространенію этой вредной привычки между своими собратіями. Тѣ, которые пьютъ умѣренно, могутъ соблазнить болѣе слабыхъ своихъ братій, увлечь къ употребленію того, что хотя они то сами и могутъ преодолѣть, но что можетъ оказаться выше силъ слабыхъ братій и погубить ихъ. Эта кажущаяся безопасность можетъ подвергнуть ихъ великой опасности. Тысячи людей, которые умерли пьяницами, сдѣлались таковыми потому, что въ своей жизни подражали умѣренно пьющимъ. Въ этомъ, а не въ другомъ какомъ-нибудь смыслѣ, слѣдуетъ понимать выражение и профессора Бунге; „умѣренные суть соблазнители". Такіе люди несутъ отвѣтственность за принудительное питье, которое приводитъ очень многихъ къ погибели.

Пусть эти „умѣренные", которые, идя противъ насъ, базируются на своей христіанской свободѣ, вспомнятъ, что говоритъ апостолъ Павелъ (1 Коринѣ. 10, 23, 24): „Все мнѣ позволительно, но не все полезно, все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ. Никто не ищи своего, но каждый пользы другаго", и 31-й стихъ:

„Итакъ пьдите ли, пьете ли, или иное что дѣлаете, все дѣлайте во славу Божію".

Да, апостолъ Павелъ идетъ еще далѣе и чтобы насъ (абстинентовъ) не считали фанатиками, слѣдуетъ только указать на 28-й стихъ 10-й главы 1-го посланія къ

Корине. И тогда станетъ яснымъ, что мы, по примѣру апостола, не пьемъ вина потому, что это можетъ соблазнить немощную братію нашу, какъ и онъ не ъль „идоложертвенного“ ради другихъ, которые этимъ внушенiemъ могли бы соблазниться...

Съ другой стороны эти увѣщанія апостола способствовали тому, что не менѣе 2500 священниковъ государственной церкви въ Англіи и Валлісъ живутъ абстинентами „ради немощныхъ своихъ братій“. Само собою разумѣется, что на это не существуетъ никакой общеобязательной и положительной заповѣди; для христіанина не обязательно быть непремѣнно абстинентомъ. Кто не видитъ всего того бѣдствія, которое проходитъ въ настоящее время отъ алкоголя, кто съ легкою душею можетъ способствовать развитію господствующей страсти къ винопитію, кого не угрызаетъ совѣсть, когда онъ видитъ лежащаго на пути въ безпомощномъ состояніи своего собрата, замученного убийцею—алкоголемъ и кто еще можетъ ставить вопросъ: „кто мой ближній?“, у того, конечно, ыѣть никакого нравственного побужденія принимать самоличное участіе въ дѣлѣ спасенія ближняго отъ губительного алкоголизма. Но не всѣ же, благодареніе Богу, таковы! Есть люди и съ другого рода совѣстію. Но послѣдніе необходимо должны, путемъ доводовъ, на существѣ дѣла основанныхъ, оказывать воздействиe на совѣсть и рѣшеніе первыхъ. Если же дѣло идетъ о христіанахъ, для которыхъ библія есть правило, руководство, то необходимо ли вѣрующему въ библію абстиненту опираться на библію? Существуютъ, именно, многія тысячи христіанъ, воздержаніе которыхъ отъ алкогольныхъ напитковъ свидѣтельствуютъ о томъ, что и они имѣютъ ту „христіанскую свободу“, которой учитъ апостолъ Павелъ. Они хотятъ именно завоевать свободу и разрушить тиранію

привычки къ пьянству, которая господствуетъ въ настоящее время и господствуетъ именно такъ жестоко и деспотично, что каждого, кто не пьетъ алкогольныхъ, опьяняющихъ напитковъ, выдаютъ за слабаго, больного человѣка и страннаго чудака.

Вотъ тотъ взглядъ на „біблію и алкогольные напитки“, который по преимуществу долженъ принадлежать библейски вѣрующему христіанину—абстиненту, но этимъ мы не хотимъ сказать того, что каждый абстинентъ непремѣнно долженъ защищать этотъ взглядъ. Это есть въ лучшемъ смыслѣ—„частное дѣло“.

Несмотря на то, что алкоголь есть злѣйшій врагъ каждой истинной религіи, иные думаютъ привлечь, какъ видите, лучшую изъ всѣхъ религій (христіанство) на свою сторону, чтобы одержать верхъ надъ нами и нашими стремленіями. Почему? Потому что смотрятъ на наше дѣло большею частью съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ и безъ надлежащаго изслѣдованія и произносятъ о немъ судъ общими, недостаточно обоснованными фразами. Но наступитъ время—и наступаетъ уже—когда все будетъ изслѣдовано, и получатся, мы увѣрены, совсѣмъ другіе результаты.

Владиміръ, Митрополитъ С.-Петербургскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Размышленія епископа, возвратившагося изъ путешествія по епархії*).

8. Воздушевленныя молитвенныя крестохожденія, воспитывающія живую народную вѣру.

Говоря о Богослуженіи, нельзя не упомянуть и о тѣхъ торжественныхъ народныхъ богомоленіяхъ и крестныхъ ходахъ, которые такъ любить нашъ народъ. Нужно поучаствовать за такими богомоленіями, чтобы видѣть то молитвенное благоговѣніе и восторгъ, которые преисполняютъ сердца молящихся. И поэтому усталости и старъ и младъ не чувствуютъ, хотя бы и подъ дождемъ прошли со Святынею нѣсколько часовъ. Святое и отрадное чувство богомоленія крестоходцевъ заражаетъ и любопытствующихъ, и мимо проходящихъ, и эти увлекаются святымъ чувствомъ и идутъ смишавшись со всею толпою, или—лучше—слившись съ нею въ общемъ благоговѣйномъ чувствѣ. Особенно если крестохожденіе совершается съ Чудотворною Святынею, неоднократно и дивно являвшою благодатную помощь людямъ; тогда всѣ идутъ за нею какъ за живою Владычицею или за живымъ Угодникомъ. Конечно, такія крестохожденія должны быть обставлены возможно торжественнѣе, умилительнѣе и молитвеннѣе. Крестный ходъ долженъ быть полонъ неумолкаемаго и самаго

*) Продолженіе. См. „Г. Ц“ Мартъ м. 1913 г.

разнообразнаго молитвеннаго пѣнія, особенно общенароднаго. Пусть это будетъ торжественный неустанный гимнъ отъ сердецъ богоомольцевъ во славу Бога или Богоматери или Угодника. Пусть въ этомъ пѣніи душа народная возносится къ Создателю и отъ Него испрашиваетъ благодати въ слухъ всего міра. Въ это время можно и всѣмъ знакомыя пѣснопѣнія распѣвать, и при помощи болѣе умѣющихъ пріучать и весь народъ къ гласовому пѣнію стихиръ съ канонархомъ, а акаѳисты громогласно читать съ общеноароднымъ распѣваніемъ заключительныхъ припѣвовъ. Такой опытъ нашихъ въ Новгородѣ крестныхъ ходовъ вполнѣ говоритъ за возможность всего этого. При такомъ совершениіи крестохожденій совершенно исчезаетъ всякая возможность разговоровъ отъ скуки, не бываетъ и отстающихъ отъ процессіи. И подъ палящими лучами солнца, и въ пыли, и подъ дождемъ и вѣтромъ одинаково усердно всѣ до единаго человѣка идутъ съ начала до конца крестнаго хода, умиляясь общимъ пѣніемъ, увлекаемые и общимъ молитвеннымъ настроеніемъ. Поэтому-то такъ и любить нашъ народъ такие крестные ходы. Они составляютъ приговоръ, прося, чтобы разрѣшили имъ крестный ходъ, чтобы разрѣшили имъ принести къ себѣ въ селеніе ту или иную Святыню. И скорбятъ, если почему либо не разрѣшатъ сего.

Да, это дивное воспитательное средство въ нашемъ распоряженіи. И всячески слѣдуетъ развивать такія крестохожденія, разумѣется принимая всѣ мѣры къ упорядоченію сего и къ возможно большей духовной полезности крестохожденій. Тѣмъ болѣе, когда сами православные просятъ, чтобы разрѣшили имъ совершить крестный ходъ напр. въ соѣднѣе село или обитель, или для встрѣчи выписанной напр. съ Аѳона иконы,— въ такихъ случаяхъ безъ всякихъ препятствій слѣдуетъ

непремѣнно разрѣшать крестные ходы. Кромѣ высокой духовной пользы, кромѣ молитвенного воодушевленія въ народѣ, кромѣ подъема духа въ православныхъ и торжества ихъ надъ всѣми насмѣхающимися надъ вѣрою и Святынями,—кромѣ всего этого полезнаго, ничего худого не могутъ принести народные крестные ходы. Наоборотъ, тогда все отрицательное, безрелигіозное, смѣющеся надъ вѣрой,—все это или скрывается отъ такого народнаго воодушевленія, самаго умилительнаго, не вынося его, или же само присоединяется къ нему, захватываемое общимъ воодушевленіемъ и общей вѣрой.

Но и здѣсь слѣдуетъ оговориться. Крестные ходы должны быть совершамы торжественно, стройно. Но торжественность опять должна заключаться не въ какой либо церемоніальности, граничащей съ напыщенностью безсодержательною; нѣтъ, это должна быть торжественность молитвенная, благоговѣйная отъ сознанія всѣхъ и прежде всего духовенства, что во славу Божію и предъ Его очами совершается это крестохожденіе. А потому восторженная и усердная молитва и пѣніе, пѣніе и молитва — вотъ что должно сообщать торжество духовное крестохожденіямъ. Отъ искусственности же и любованія красивой помпѣзностью и стройной церемоніальностью да хранитъ Господь всякаго изъ насъ служителей Таинъ Божіихъ, которыми мы людей вводимъ въ общеніе съ Самимъ Вседержителемъ. Да не соблазнится о насъ никто изъ молящихся.

Андроникъ, Епископъ Тихвинскій.

(Окончаніе с. 112 устрѣ).

Духовный дневникъ*).

„Всѣ вы сыны света и сыны дня...
Будучи сынами дня, да трезвимся,
облечинись въ броню вѣры и любви и
въ шлемѣ надежды спасенія“—(1 Фес-
сал. 5 г. 5, 8 ст.).

Въ человѣкѣ св. отцы-подвижники различаютъ умъ, сердце и духъ. Умъ и сердце грѣхомъ повреждены, и человѣку—христіанину надлежитъ задача ихъ очищать свѣтомъ Христовымъ, ихъ одухотворять. Что же касается духа, то это та искра Божества, которая и въ грѣховномъ человѣкѣ никогда не умираетъ, это та его внутренняя часть, въ которую вложенъ образъ Божій. Въ ней таится идея Божества, и изъ нея вырастаетъ и ею питается духовная жизнь человѣка. Черезъ духъ человѣкъ входитъ въ единеніе съ Господомъ.

Иногда ты желаешь себѣ здоровья въ тѣхъ видахъ, чтобы, пользуясь имъ, болѣе ревностно и успѣшно служить Господу. Но не всегда такъ бываетъ. Однимъ, дѣйствительно, здоровье какъ бы помогаетъ служить Господу и исполняться небесныхъ, возвышенныхъ мы-

*) Продолженіе.—См. „Г. Ц.“ 1913 г. м. Мартъ.

слей и чувствъ; для другихъ же оно можетъ служить только тормозомъ въ духовномъ дѣланіи; оно волнуетъ кровь, притягиваетъ къ землѣ, такъ что ты, вмѣсто того, чтобы имѣть и развивать духовную жизнь, начинаешь ползать по землѣ, какъ какое пресмыкающееся... Поэтому, вѣрь, что Господь лучше знаетъ, что для тебя полезнѣй: здоровье или болѣзненное состояніе организма, а потому спокойно довольствуйся тѣмъ здоровьемъ, какое Господь тебѣ даровалъ.

Истинный духовникъ долженъ имѣть слѣдующія нравственные качества: начитанность въ Словѣ Божиемъ и въ святоотеческихъ твореніяхъ, духовную опытность, молитвенный даръ, истинную ревность о спасеніи душъ, добродѣтельную жизнь. Пороки, которыхъ всякий духовникъ долженъ остерегаться, — слѣдующіе: холодность или небрежность въ своемъ дѣлѣ, пристрастіе, корыстолюбіе, самомнѣніе и самовосхваленіе, слабость или излишняя строгость.

Мы приходимъ на исповѣдь съ намѣреніемъ получить прощеніе грѣховъ отъ Господа Бога чрезъ священника. Такъ, знай-же что исповѣдь твоя бываетъ пуста, безцѣльна, недѣйствительна и даже оскорбительна для Господа, если ты идешь на исповѣдь безъ всякой подготовки, не испытавъ своей совѣсти, по стыду или другой причинѣ скрываешь свои грѣхи, исповѣдуешься безъ сокрушенія и умиленія, формально, холодно, механически, не имѣя твердаго намѣренія впередъ исправиться.

Нѣкоторые умудряются имѣть нѣсколько духовниковъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы одному говорить одни грѣхи, а другому—иные. Есть и такіе, которые не дорожатъ духовниками, а стараются перебрать ихъ какъ можно больше, оправдывая себя тѣмъ, что не попадутъ на хорошаго. Все это—плодъ внутренной сердечной распущенности.

Часто подходятъ къ исповѣди не приготовившись. А что значитъ подготовиться? Испытать усердно свою совѣсть, вызвать въ памяти и возчувствовать сердцемъ свои согрѣшенія, рѣшиться всѣхъ безъ всякой утайки повѣдать духовнику, въ нихъ покаяться и не только покаяться но и впредь ихъ избѣгать. А такъ какъ часто память намъ измѣняетъ, то хорошо дѣлаютъ тѣ, которые на бумагу заносятъ воспомянутые грѣхи. А о тѣхъ грѣхахъ, которыхъ ты, при всемъ своемъ желаніи, не можешь вспомнить, не беспокойся, что они тебѣ не простятся. Ты только имѣй искреннюю рѣшимость во всемъ покаяться и со слезами проси Господа простить тебѣ всѣ твои грѣхи, яже помнишь и яже не помнишь.

Сокрушеніе—необходимое условіе для исповѣди. Но какъ часто исповѣдуются безъ этого чувства! Признаки отсутствія сокрушенія слѣдующіе: когда кто открываетъ свои грѣхи какъ бы съ нѣкоторымъ безстыдствомъ, говоритъ о нихъ, какъ объ обыкновенныхъ, безразличныхъ дѣлахъ, извиняетъ свои поступки или слагаетъ свою вину на другихъ и не желаетъ предпринимать средствъ для прекращенія грѣховъ, доказывая, что онъ

не можетъ отстать отъ тѣхъ или другихъ своихъ недостатковъ,

На исповѣди недостаточно пересчитывать свои грѣхи, ибо въ такомъ случаѣ въ твоемъ сознаніи можетъ еще таиться помыслъ оправданія и извиненія, что-де грѣхи, хотя и совершены мною, но этому способствовало то и то... Нѣтъ, одновременно съ пересчитываніемъ грѣховъ, непремѣнно должно у тебя быть и глубокое чувство раскаянія, обвиненія и осужденія. Передъ исповѣдью молись: „не уклони, Господи, сердце мое въ словеса лукавствія, непщевати вины о грѣсѣхъ“¹⁾. Тогда ты отъ исповѣди будешь получать душевное облегченіе, а главное — твоя исповѣдь будетъ угодна Господу.

Не смѣй думать, что твои грѣхи такъ велики, что не стоитъ и каяться. Кто принимаетъ наше покаяніе, кто врачуетъ наши грѣховныя язвы? — Всемогущій Богъ. Замѣть: Всемогущій Богъ, Всемогущій Врачъ! и, какъ таковой, Онъ и прощеніе дѣлаетъ возможнымъ всѣхъ, самыхъ тяжкихъ грѣховъ. Покаяніе — это врачевство, подаваемое намъ Всемогущимъ Врачемъ — Богомъ.

На исповѣди часто говорятъ: мы уже исповѣдали свои грѣхи, но нась продолжаетъ беспокоить мысль, что они весьма тяжки, они намъ не простятся, а потому не можемъ ихъ никакъ предать забвенію. Что же? повторять ихъ снова на исповѣди или нѣтъ? На исповѣди говори все, что тебя беспокоитъ, что у тебя бо-

¹⁾ Непщевати — придумывать, изыскивать; вины — извиненія, оправданія.

литъ, не стѣсняйся, поэтому, лишній разъ сказать и о своихъ прежнихъ грѣхахъ. Это хорошо, это будетъ свидѣтельствовать, что ты постоянно ходишь съ чувствомъ своего окаянства и препобѣждаешь всякий стыдъ отъ обнаруженія своихъ грѣховныхъ язвъ.

Неисповѣданые грѣхи—это какъ-бы нашъ долгъ, который постоянно нами чувствуется, постоянно насъ тяготитъ. И на что лучше, какъ съ долгомъ расплатиться,—спокойно тогда на душѣ; то же и съ грѣхами,—этими духовными долгами нашими: исповѣдуешь ихъ предъ духовникомъ, и на сердцѣ легко-легко станетъ.

Есть духовники, которые располагаютъ къ тому, чтобы имъ спокойно, безъ утайки, искренно открывать всѣ грѣхи, всѣ помыслы. Отчего это? Не выдѣляй себя, духовникъ, отъ другихъ какими-нибудь преимуществами, ходи съ чувствомъ и сознаніемъ, что ты такой же несовершенный и грѣшный человѣкъ, какъ и всѣ, будь искреннимъ духовнымъ другомъ людей, люби всѣхъ, какъ братьевъ, желай всѣмъ отъ сердца душевнаго спасенія, посвящай всю свою жизнь Господу и ты привлечешь сердца многихъ.

Когда на исповѣди предъ тобою, духовникъ, проходитъ масса людей, подвергшихся тому или другому грѣху, отъ котораго тебя Богъ хранилъ, то не сравнивай себя съ этими людьми и не воображай, что ты не таковъ, какъ эти грѣшники, ибо это будетъ похоже на

гордаго фарисея, который молился: благодарю Тебя, Боже, что я не таковъ, какъ грабители, прелюбодѣи, или какъ сей мытарь. Берегись подобнаго сравненія и, наоборотъ, старайся пріобрѣтать такое расположение своего сердца, чтобы ты казался самъ себѣ хуже всякаго кающагося грѣшника!

Намъ, христіанамъ, необходимы частая исповѣдь и св. Причащеніе. Благодать Божія, дѣйствующая въ сихъ таинствахъ, осязательно производитъ то, что человѣкъ—христіанинъ дѣлается чувствительнымъ къ своимъ грѣхамъ и немощамъ, не такъ легко двигается на грѣховныя дѣла и укрѣпляется въ истинахъ вѣры. Для такого вѣра, Церковь и всѣ ея установленія дѣлаются родными, близкими сердцу.

Какъ св. Церковь, мать наша, умѣетъ духовно насытить! Возьмемъ Пасхальную недѣлю. Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и въ частныхъ привѣтствіяхъ только и слышишь: Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! И хочется, чтобы какъ можно дольше это привѣтствіе было у насъ на устахъ и сердцахъ: такъ оно отрадно, такъ оно умилительно и успокоительно! Не станемъ, поэтому, братіе, въ свѣтлые дни Воскресенія ничего другого ни говорить, ни думать, а только радостно взывать: *Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! Христосъ воскресе!!*

Архимандритъ Арсеній.

Творенія преподобного Макарія Египетскаго, въ ихъ систематическомъ изложениі.

Изученіе твореній преп. Макарія показываетъ, что у него были излюбленныя темы, на которых онъ готовъ былъ всегда говорить. У него былъ свой „религіозный интересъ“, наполнявшій всегда его душу. Этотъ его интересъ касался возсозданія человѣческой природы послѣ крещенія черезъ дѣйствіе благодати и при участії человѣческой воли. Мысли относительно этого у преподобнаго разсѣяны безъ опредѣленнаго порядка по всемъ бесѣдамъ. Чтобы установить послѣдовательность ихъ, нужно сначала намѣтить планъ, схему всего міросозерцанія преп. Макарія. И въ этомъ помогаетъ намъ самъ нашъ отецъ. У него бывали моменты, когда онъ въ нѣсколькихъ словахъ, кратко, какъ бы въ схемѣ высказывалъ приблизительно все свои задушевные взгляды¹⁾. Особенно въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія его 47-я бесѣда, гдѣ мы находимъ болѣе или менѣе подробный планъ всѣхъ его твореній. Основываясь, главнымъ образомъ, на этой бесѣдѣ мы можемъ предложить слѣдующій планъ систематического изложенія твореній преп. Макарія.

- I. Невинное состояніе первыхъ людей въ раю.
- II. Состояніе человѣка послѣ паденія.
- III. Падшій человѣкъ не могъ самъ спастись. Потребовалось пришествіе Господне. Величіе христіанъ.
- IV. Призваніе людей ко Христу. Взаимоотношеніе въ этомъ призваніи благодати Божіей и свободы человѣка. Остается

¹⁾ 4 бесѣда § 27; 23 б. § 3; 26 б. § 21; 38 б. § 4—5.

ли грѣхъ въ человѣкѣ послѣ его духовнаго возрожденія въ крещеніи.

V. Грѣховное состояніе немощныхъ христіанъ.

VI. Процессъ нравственнаго усовершенствованія христіанина. Трудничество.

VII. Плоды нравственнаго преуспѣянія христіанина.

VIII. Смерть и будущая жизнь.

I.

Невинное состояніе первыхъ людей.

Богъ безпредѣльный, неприступный, несозданный, недомыслимый по своей благости ¹⁾, безконечный и непостижимый ²⁾, праведный ³⁾, всевѣдущій ⁴⁾, вездѣсущій ⁵⁾, неописуемый и необъемлемый ⁶⁾, Божественная Троица ⁷⁾, Богъ—безконечная Любовь ⁸⁾, сотворилъ досточудныя твари—небо, солнце, луну, землю, воду, разныя растенія и всякаго рода животныхъ. Но ни въ одной изъ этихъ тварей Господь не утвердилъ Себѣ престола, не благоволилъ ни съ кѣмъ изъ нихъ вступить въ общеніе и единеніе. Это счастіе выпало лишь на долю человѣка ⁹⁾. Для него созданъ весь міръ, всѣ его красоты, самъ же онъ предназначенъ быть жилищемъ Господа, дабы въ тѣлѣ и душѣ его Творцу можно было бы упокоиваться, какъ въ своемъ домѣ ¹⁰⁾. Такому назначенію человѣка должна была соотвѣтствовать его природа. И вотъ онъ дѣйствительно создается по образу Божію ¹¹⁾, по образу добродѣтелей Духа ¹²⁾. Господь надѣлилъ его душою, которая поистинѣ есть великое и чудное твореніе Божіе ¹³⁾. Она есть весьма утонченное тѣло ¹⁴⁾. Душа—это умное, исполненное всякой лѣпоты твореніе, прекрасное подобіе и образъ Божій ¹⁵⁾. Душа—это нѣчто удобоподвижное, легкокрылое, неутомимое, способное въ одно мгновеніе перебѣгать мысленно большія пространства ¹⁶⁾. Душа—это бессмертная сущность, которая отъ Божества должна была почерпать себѣ духовную пищу ¹⁶⁾. Душа одна сама по себѣ много дороже цѣлаго міра и всякаго мірскаго царства ¹⁷⁾. Въ нее Творецъ

¹⁾ 4 бес. § 9; ²⁾ 26 б. § 17. ³⁾ 29 бес. § 6; ⁴⁾ 12 б. § 10; ⁵⁾ 12 б. § 12;

⁶⁾ 16 бес. § 5; ⁷⁾ 6 слово § 28; ⁸⁾ 49 б. § 1; ⁹⁾ 45 б. § 5; ¹⁰⁾ 49 б. § 4; ¹¹⁾ 49

б. § 5; ¹²⁾ 46 б. § 5. ¹³⁾ 46 бес. § 5; ¹⁴⁾ 4 б. § 9; 1 бес. § 7.

¹⁵⁾ 46 б. § 6; ¹⁶⁾ 1 б. § 10. ¹⁷⁾ 7 слово § 32.

вложилъ разсудительность, вѣдѣніе, благоразуміе, вѣру, любовь и прочія всѣ добродѣтели, но особенно въ душѣ при ея единствѣ выдѣляются слѣдующія царственныя силы: воля, совѣсть, умъ и сила любви (*τὸ δέλημα, ἡ συνείδησις, δοῦς, ἡ ἀγαπητικὴ δύναμις*). Ими управляетъ душевная колесница, въ нихъ-то и долженъ былъ почивать Богъ¹⁾). Но при всемъ этомъ нужно помнить, что Онъ—Богъ, а она (душа) не Богъ; Онъ—Господь, а она—раба; Онъ—Творецъ, а она—тварь; Онъ—Создатель, а она—созданіе; ничего нѣть общаго въ ея и въ его существѣ²⁾). Душа—не отъ Божія естества и не отъ естества лукавой тьмы; но есть тварь особаго рода³⁾). Она, хотя создана чистой, но не абсолютно совершенной. Ея задачей еще было преуспѣвать и совершенствоваться⁴⁾). Кромѣ души Творецъ надѣлилъ человѣка тѣломъ, которое есть подобіе души (*τὸ σῶμα ὅμοιωμα τυγχάνει τῆς ψυχῆς*), тогда какъ душа—образъ духа (*ἡ δε ψυχὴ εἰκὼν τοῦ Πνεύματος ὑπάρχει*⁵⁾). Она была свободна отъ страданій и болѣзни⁶⁾, и также предназначалась для жилища Творца⁷⁾). Кратко сказать: какъ мужъ тщательно собираетъ въ домъ свой великія блага, такъ и Господь въ домѣ своемъ—душѣ и тѣлѣ собралъ и положилъ все небесное богатство духа⁸⁾). Обладая такою природой, человѣкъ вполнѣ былъ годенъ къ общенію со своимъ Творцомъ. И дѣйствительно, Слово Божіе постоянно въ немъ пребывало: Оно было его наслѣдіемъ. Адамъ дѣйствовалъ въ согласіи съ Словомъ Божіимъ. Послѣднее для него было и одеждю, и славою, и ученіемъ. Нужно было Адаму дать имена земнымъ тварямъ. И, вотъ, какъ научилъ его Господь, такъ онъ и нарекаетъ⁹⁾. Адамъ жилъ въ Богѣ и для Бога—всѣ его внутреннія движенія души—вѣдѣніе, ощущеніе были направлены на Всесвятаго Творца. Какого-нибудь срамнаго плотскаго движенія у него не было—отсюда понятна его нагота. Онъ ея не замѣчалъ, ибо не оставалось у него ни одного такого мгновенія, когда бы мысль его отрѣшалась отъ Бога¹⁰⁾). Первые люди знали только одно добро. Они только его изучали¹¹⁾. Умъ ихъ всегда созерцалъ своего Владыку Госпо-

¹⁾ 1 бес. § 3; 46 б. § 6; Migne S. G. t. XXXIV. col. 452; 796. ²⁾ 49 б. § 4. ³⁾ 1 б. § 7. ⁴⁾ 4 слово, § 18. ⁵⁾ 30 б. § 3. Migne ibid. col. 724. ⁶⁾ 48 б. § 5. ⁷⁾ 49 б. § 4. ⁸⁾ 49 б. § 4. ⁹⁾ 12 б. § 6. ¹⁰⁾ 12 бес. § 7. ¹¹⁾ 12 бес. §§ 9—10.

да ¹⁾, украшался небесными красотами ²⁾, былъ полнымъ господиномъ надъ всѣми помыслами ³⁾. Онъ бытъ чуждъ демоновъ, чистъ отъ грѣха, пороковъ и страстей ⁴⁾. Небесная жизнь, почерпаемая отъ Бога ⁵⁾, небесныя блага—вотъ что было достояніемъ первого человѣка! Его покрывала небесная слава, подобно той славѣ, которую имѣлъ Моисей на горѣ ⁶⁾. Какъ царь земли Адамъ, далѣе, владѣль всѣмъ міромъ, ему покорялась вся природа. Ни огонь не жегъ, ни вода не потопляла, ни звѣрь ему не вредилъ, ни ядоносное животное не могло оказать надъ нимъ своего дѣйствія ⁷⁾. Въ услугу Адаму даны были всѣ твари ⁸⁾. Первый человѣкъ бытъ владыкою всего, начиная съ неба и кончая дольнимъ міромъ. Кратко сказать: первому человѣку было уготовано великое богатство и великое наслѣдіе. Представь себѣ большое село и оно имѣть много доходовъ; тамъ цвѣтущій виноградникъ, тамъ плодоносныя поля, тамъ стада, тамъ золото и серебро. Такъ и Адамъ до преслушанія бытъ дорогимъ селомъ ⁹⁾. Посмотри, человѣкъ, какъ необъятны: небо, земля, солнце, луна, не въ нихъ благоволилъ упокоиться Господь, а въ тебѣ! Ты драгоцѣннѣе всѣхъ тварей и не только видимыхъ, но и невидимыхъ—ангеловъ. Ибо обѣ архангелахъ Михаилѣ и Гавріилѣ не сказалъ Богъ: сотворимъ по образу и подобію нашему, но сказалъ это только обѣ умной человѣческой сущности (*περὶ τῆς νοερᾶς οὐσίας τοῦ ἀνθρώπου*)—бессмертной нашей душѣ ¹⁰⁾. Но все обиліе благодати первого человѣка не имѣло, однако, ничего приневоливающаго ¹¹⁾. Господь Самъ, будучи свободнымъ, создавая человѣка, по Своему образу и подобію, даровалъ туже свободу и ему ¹²⁾. На этой то свободѣ и должно было основываться дѣланіе человѣкомъ добра и исполненіе имъ райской заповѣди. Видимыя твари отъ самого творенія связаны какимъ-то неподвижнымъ естествомъ. Онѣ не могутъ выйти изъ того состоянія, въ какомъ созданы и не имѣютъ воли. Но не таковъ человѣкъ. Онъ существо свободное, какъ Богъ ¹³⁾. Ему дано самовластіе свободы, благодаря которой человѣкъ могъ устремляться къ

¹⁾ 20 бес. § 4; 45 6. § 1. ²⁾ 4 слово § 5. ³⁾ 15 6. § 23. ⁴⁾ 26 6. § 1. ⁵⁾ 12 6. §§ 6—8. ⁶⁾ 4 слово § 21. ⁷⁾ 4 слово § 3. ⁸⁾ 11 бес. § 5. ⁹⁾ 12 6. § 1.

¹⁰⁾ 15 бес. §§ 20, 41; Migne ibid col. 589—592, 604. ¹¹⁾ 15 6. § 23.

¹²⁾ 15 6. § 21. ¹³⁾ 15 бес. § 20.

лучшему и удерживаться отъ худого ¹⁾). Отсюда Адамъ какъ по собственной своей волѣ повиновался въ раю своему Творцу, такъ, затѣмъ, по своей же волѣ онъ и преступилъ заповѣдь. Великое богатство было уготовано первому человѣку! Но онъ не воспользовался имъ. Скорѣе онъ возымѣль худые помыслы и мысли; преступилъ заповѣдь Божію и чрезъ то погибъ для Бога! ²⁾)

II.

Состояніе человѣка послѣ паденія.

Послѣ грѣхопаденія первыхъ людей природа человѣка измѣнилась. Всѣ царственные силы его души теперь потеряли свою крѣпость, свое совершенство. Прежде всего что произошло съ умомъ? Послѣ паденія на умъ человѣка легли неудобносимыя горы, примѣщались къ нему порочные помыслы и стали какъ-бы его собственные ³⁾). Простое, доброе, небесное мудрованіе его теперь стало плотскимъ, стремящимся долу ⁴⁾). Умъ прежде тонкій, созерцавшій Владыку, теперь сдѣлался весьма ограниченнымъ. Особенно сильно эта ограниченность обнаруживается, когда человѣкъ вздумаетъ изслѣдоввать разумъ Божій. И что говорить разумъ Божій, человѣкъ не можетъ всецѣло понять,—не можетъ понять даже и все то, что ежедневно происходитъ въ немъ самомъ. Въ самомъ дѣлѣ, со дня рожденія твоего и донынѣ сумѣль-ли ты познать свою душу? Перескажи мнѣ помыслы, возникшие въ тебѣ съ утра до вечера? Разскажи мнѣ помышленія трехъ дней? Но ты не въ состояніи этого сдѣлать ⁵⁾). Прежде умъ видѣть и знать только добро, теперь очи его прозрѣли для пороковъ и страстей ⁶⁾), и въ тоже время ослѣпли для созерцанія той божественной славы, которая его до грѣха покрывала ⁷⁾. Умъ его сталъ слабъ, слабъ въ томъ смыслѣ, что потерялъ энергию.—Его безсиліе особенно ясно обнаруживается въ томъ, что онъ не въ состояніи владѣть своими *помыслами*. *Помыслы*—это *сужденія*, понятія или, лучше, мысли объ известномъ предметѣ, которые образуются разсудкомъ отъ созерцаній, представленій и чувственныхъ воспріятій. И вотъ со

1) 1 6. § 11. 2) 12 6. § 8. 3) 15 бес. § 23. 4) Слово 4-э § 5. 5) 12 бес. §§ 11—12. 6) 20 бес. § 4. 7) 45 бес. § 1.

времени паденія у человѣка стали возникать помыслы нечистые, грѣховные, непостоянны, обольстительные, метущіеся, суетные ¹⁾, и умъ не въ силахъ часто бываетъ ихъ подавить, вслѣдствіе чего помыслы пріобрѣтаютъ силу, приводить въ колебаніе все внутреннее существо человѣка и сквернить умъ и совѣсть ²⁾. Что, далѣе, произошло съ совѣстю? Совѣсть стала погрѣшительной, въ виду чего нужно ежедневно разбирать ее ³⁾. Воля также ослабѣла. Человѣкъ теперь не можетъ сколько желаетъ любить Господа, сколько желаетъ вѣровать, сколько желаетъ молиться ⁴⁾. Какое то „противленіе“ (*ἡ ἐναντιότης*) явно и тайно во всемъ овладѣло нами ⁵⁾, такъ что человѣкъ иной разъ неудержимо понуждается дѣлать худыя дѣла ⁶⁾. Онъ сталъ нравственно не свободнымъ. Его произволенія одичали, запустѣли, поросли терниемъ ⁷⁾. Особенно извращено сердце человѣка. Въ сердцѣ открылся источникъ и корень всякаго зла. Зло живеть и дѣйствуетъ въ сердцѣ, внушая лукавые и нечистые помыслы ⁸⁾. „Сердце малый сосудъ, но тамъ есть зміи, тамъ есть львы, тамъ вся сокровища порока“ ⁹⁾... Сердце со своею способностію любить стало обращаться къ дурному и продолжительная любовь чего-либо дурного образуетъ страсть ¹⁰⁾. Грѣхъ и вся нечистые помыслы струятся въ сердцѣ ¹¹⁾, которое облеглось вокругъ покрываломъ тьмы, застилающимъ для ума Бога и для сердца все доброе¹²⁾. Сердце падшаго человѣка исполнено зловонія, нечистотъ и мерзости запустѣнія¹³⁾. Оно стало въ каждомъ человѣкѣ какъ бы малымъ адомъ¹⁴⁾. Вмѣстѣ съ душою измѣнилось послѣ грѣхопаденія первыхъ людей и тѣло. Прежде здоровое, безболѣзненное, бодрое, оно теперь подверглось болѣзнямъ и страданіямъ и смерти. Рай—жилище первого человѣка—замѣненъ юдолю земною. Человѣкъ, отступивъ отъ данной ему заповѣди,—изъ райскаго наслажденія изгнанъ въ эту міръ, какъ бы въ плѣнь, какъ бы въ какую рудокопню, подпалъ страданіямъ и болѣзнямъ плоти, которыхъ прежде не зналъ¹⁵⁾ и, затѣмъ, поживъ 930 лѣтъ, какъ лишенный небеснаго и духовнаго услажденія, умеръ тѣлесно ¹⁶⁾. Помимо этого извращенія, къ

¹⁾ 5 бес. §§ 1—2. ²⁾ idid. ³⁾ 29 бес. § 7. ⁴⁾ 21 бес. § 2. ⁵⁾ 21 бес. § 2.

⁶⁾ 47 бес. § 6. ⁷⁾ 15 бес. § 51. ⁸⁾ 16 бес. § 6. ⁹⁾ 43 бес. § 7. ¹⁰⁾ 4 бес.

§ 9. ¹¹⁾ 15 бес. § 33. ¹²⁾ Слов. 4-е § 5. ¹³⁾ 15 бес. § 31. ¹⁴⁾ 11 бес. § 11.

¹⁵⁾ 48 бес. § 5. ¹⁶⁾ 7 слово § 26.

человѣку послѣ паденія пріобрѣлъ доступъ злой духъ. Если прежде онъ со внѣ смотрѣлъ на райскую жизнь Адама и могъ только со стороны приближаться къ нему, то теперь онъ овладѣлъ всѣмъ его внутреннимъ существомъ, воцарился надъ человѣкомъ¹⁾, и распоряжается имъ теперь какъ своимъ рабомъ, силясь всегда вовлечь его въ грѣхъ. Онъ всячески старается, чтобы онъ уже не смотрѣлъ и не желалъ такъ, какъ желаетъ, но чтобы онъ и видѣлъ лукавое и слышалъ лукавое и ноги его поспѣшали на злодѣяніе и руки его дѣлали беззаконіе и сердце помышляло лукавое²⁾. Послѣ грѣха лукавый какъ бы облекся въ душу, поэтому то душа и называется „тѣломъ лукавой тмы“ (*σῶμα τοῦ σκοτοῦ; πονηρίας*)³⁾. Этю тмою лукавый такъ обложилъ душу, какъ облекаютъ человѣка, чтобы сдѣлать его царемъ и дать ему всѣ царскія одѣянія и чтобы отъ головы до ногтей носилъ онъ на себѣ все царское. Такъ лукавый князь облекъ душу грѣхомъ, все естество ея, и всю ее осквернилъ, всю плѣнилъ въ царство свое, не оставилъ въ ней свободнымъ отъ своей власти ни одного члена ея, ни помысловъ, ни ума, ни тѣла, но облекъ ее въ порфиру тмы⁴⁾. Онъ положилъ на сердце человѣка свою печать, посѣялъ въ душѣ его сѣмена горечи⁵⁾. Подъ вліяніемъ двухъ указанныхъ faktorovъ, дѣйствующихъ въ падшемъ человѣкѣ: грѣховнаго начала и затѣмъ діавола, человѣчество, такимъ образомъ, пришло въ безотрадное положеніе. Вотъ картина этого безотраднаго положенія. Какъ въ темную и глубокую ночь дуетъ какой-нибудь жестокій вѣтеръ и приводить въ движение, смятеніе и сотрясеніе всѣ растенія и сѣмена: такъ и человѣкъ, подпавъ власти темной ночи діавола, страшно дующимъ вѣтромъ грѣха приводится въ колебаніе, сотрясеніе и движение; у него въ смятеніи вся природа: душа, помыслы и умъ, въ сотрясеніи и всѣ тѣлесные члены. Ни одинъ членъ души и тѣла не свободенъ и не можетъ не страдать отъ живущаго въ насъ грѣха⁶⁾. Состояніе падшаго человѣка похоже на пшеницу въ рѣшетѣ. Какъ пшеница просыпаемая въ рѣшетѣ взбрасывается, переворачивается—однимъ словомъ движется въ разныя стороны, такъ что одно зернышко безчи-

¹⁾ 30 бес. § 7. ²⁾ 2 бес. § 2. ³⁾ I бес. § 7; Migne ibid col 457. ⁴⁾ 2 бес. § 1. ⁵⁾ 11 бес. § 11. ⁶⁾ 2 бес. § 4.

сленное количество разъ перескакиваетъ съ одного мѣста на другое, ворочается, взлетаетъ, и, наконецъ, уже попадаетъ въ отверстіе и просыпается, такъ и душа грѣшнаго человѣка мятется отъ различныхъ земныхъ дѣлъ, злыхъ пожеланій, отъ постоянныхъ помысловъ и т. п. Определеніе, сказанное Создателемъ Каину: „стена, трясясь въ тревогѣ будеши на земли“ (Быт. IV, 12) послужило образомъ и подобіемъ для всѣхъ людей. Діаволъ сталъ употреблять всѣ усилия къ тому, чтобы привести человѣка въ такое мятущееся состояніе. Онъ какимъ то сокровеннымъ и жестокимъ вѣтромъ обуреваетъ и кружитъ человѣка, приводя его въ колебаніе и уловляя мірскими обольщеніями, плотскими удовольствіями, страхованіями, смущеніями¹⁾. Въ такомъ смятеніи находится весь міръ отъ царей до нищихъ. И люди часто сами не знаютъ причины этого зла, потому что зло „какъ нѣкая разумная сила“ тайно дѣйствуетъ во внутреннемъ человѣкѣ, а люди думаютъ, что все, что они не дѣлаютъ, дѣлаютъ естественно и по собственному своему разсужденію, а не по побужденію чуждой нѣкой силы²⁾. Такъ грѣховный человѣкъ потерялъ даже чутые различать свои поступки и сталъ дѣйствовать такъ, какъ подсказываетъ ему его грѣховая природа. Какъ иная богатая женщина, у которой много денегъ и великолѣпный домъ, остается безъ защиты; многие приходятъ, дѣлаютъ ей вредъ, опустошаютъ ея жилище, такъ и душа, по преступленіи, весьма много утѣсняется сопротивною силою, доведена до великаго запустѣнія; за преступленіе заповѣди вдовствуетъ и въ одиночествѣ остается; оставленная же Небеснымъ Мужемъ, она стала игралищемъ всѣхъ сопротивныхъ силъ. Онъ вывѣли ее изъ ума (ἐξέτραχ αὐτὴν τὸν ἕδιων φρεγῶν), подавивъ въ ней небесное разумѣніе³⁾. Да, слишкомъ грѣхъ послѣ паденія вкоренился въ природу человѣка. Онъ живетъ во всѣхъ членахъ его души и тѣла, какъ бы облекается въ душу и касается самыхъ составовъ костей⁴⁾, онъ владѣеть всѣми составами и пажитями сердца, всѣми сердечными помышленіями⁵⁾. Какъ въ тѣлѣ при болѣзни страждеть не одинъ его членъ, но все оно всецѣло подвержено страданіямъ,

1) 5 бес. §§ 1—3. 2) 15 бес. § 47. 3) 45 бес. § 5. Migne ibid col. 789.

4) 16 бес. § 6. 5) 50 бес. § 5; 41 бес. § 1; 1 бес. § 11.

такъ и душа вся пострадала отъ грѣха. Какая-то сокровенная скверна и какая-то тма страстей чрезъ преступлениe Адама вошла во все человѣчество вопреки чистой природѣ человѣка и это-то потемняетъ и оскверняетъ вмѣстѣ и тѣло и душу¹⁾). Человѣкъ въ плѣну, въ рабствѣ, онъ представляеть изъ себя ничто иное, какъ четырехъ-дневнаго смердящаго Лазаря²⁾). Жалкое и скорбное положеніе падшаго человѣка! Царь всей твари и чистое твореніе Господа сталъ рабомъ сопротивной и лукавой тмы! Самъ Творецъ послѣ паденія сожалѣль о немъ, ангелы, всѣ силы небесныя, земля и всѣ твари оплакивали смерть и паденіе его³⁾). Паль пер-вый человѣкъ Адамъ и грѣхъ, затѣмъ, распространился на весь родъ человѣческий. Каждый человѣкъ уже отъ материней утробы дѣлается причастнымъ грѣху. Отъ одного человѣка происходятъ всѣ люди и одна и также какая то страстная порча (*μία τις κακή τὸν παθῶν*), которой подвергся Адамъ, проникаеть на весь родъ человѣческий⁴⁾). Эта порча подобна закваскѣ. (*ἡ ζ' μῃ*). Закваска небольшая часть замѣшаннаго тѣста. Но когда ее положить въ извѣстное количество муки, то она заквашиваетъ все тѣсто, при этомъ, эта уже заквашенная часть можетъ заквасить еще большее количество муки и т. д. Тоже и со грѣхомъ Адама. Грѣхъ вошелъ въ природу первого человѣка. Отъ этого послѣдняго путемъ естественнаго рожденія стали являться люди, къ которымъ и переходитъ грѣховная закваска Адамова. Тамъ вскисаетъ тѣсто черезъ смѣщеніе закваски съ мукой.—Здѣсь вскисаетъ грѣхомъ человѣкъ черезъ плотское смѣщеніе его съ родоначальникомъ. Такъ закваска грѣха въ родѣ человѣческомъ растетъ и распространяется на все человѣчество⁵⁾). Всѣ мы сыны омраченного рода, всѣ причастны Адамова зловонія. Какою немощью пострадалъ Адамъ, тою же пострадали и всѣ мы происходящіе отъ Адамова сѣмени⁶⁾). Черезъ Адама смерть воцарилась надъ всякою душей⁷⁾). Вмѣстѣ съ человѣкомъ подверглась проклятию и вся тварь. И это такъ и должно было быть. Человѣкъ—царь, тварь—его достояніе. Между тѣмъ и другимъ существуетъ связь. Представь себѣ царя, у котораго есть достояніе и подвластные ему служи-

¹⁾ 4 слово § 9. ²⁾ 30 бес. § 8; 21 бес. § 2. ³⁾ 30 бес. § 7. ⁴⁾ 5 бес. § 3.

⁵⁾ 24 бес. § 2. ⁶⁾ 30 бес. § 8. ⁷⁾ 11 бес. § 5.

тели готовы къ услугамъ; и случилось, что взяли и отвели его въ плѣнъ враги. Какъ скоро онъ взять и уведенъ, необходимо служителямъ и приставникамъ его слѣдоватъ за нимъ же. Такъ и Адамъ чистымъ созданъ отъ Бога на служеніе Ему, и въ услугу даны твари сіи, потому-что поставленъ онъ господиномъ и царемъ всѣхъ тварей. Но коль скоро плѣненъ Адамъ, плѣнена уже съ нимъ вмѣстъ и служащая и покорствующая ему тварь ¹⁾. Человѣкъ самъ своимъ паденіемъ открылъ себѣ доступъ ко грѣху и ко власти діавола, но съ другой стороны порабощеніе его духами злобы, демонами и страстями есть вмѣстъ съ этимъ и наказаніе Божіе за грѣхъ, есть какъ бы гнѣвъ Божій на человѣка. Богъ предалъ Іерусалимъ на позоръ врагамъ и ненавидящіе Израїля стали господствовать надъ нимъ; такъ, прогнѣвавшись и на душу за преступленіе заповѣди, предалъ Богъ єё врагамъ, демонамъ и страстямъ ²⁾). Адамъ былъ въ чести и въ чистотѣ, а, преступивъ заповѣдь, изгнанъ изъ рая ³⁾. При всемъ своемъ глубокомъ паденіи человѣкъ однако окончательно не погибъ. Не говоримъ, что человѣкъ всецѣло утратился, уничтожился, умеръ: онъ умеръ для Бога, живетъ же собственнымъ своимъ естествомъ ⁴⁾). Послѣ грѣха природа человѣка стала только удобопріемлемою какъ для добра, такъ и зла. Душа есть образъ Духа (*εἰκὼν τοῦ Πνεύματος*) и послѣ паденія ⁵⁾). Главнымъ же образомъ у человѣка и послѣ паденія осталась свобода ⁶⁾.

Какъ же, спрашивается, въ падшемъ человѣкѣ оставшееся добро относится ко злу.

Грѣхъ въ падшемъ человѣкѣ сталъ жить какъ нѣчто самостоятельное, независимое отъ добрыхъ свойствъ его души. Змій вошедший сталъ владельцемъ дома и онъ остается при душѣ, какъ другая душа ⁷⁾). Въ насъ дѣйствуетъ зло со всею силою и ощутительностью, внушая всѣ нечистыя желанія, однажды срастворено съ нами не такъ, какъ иные говорятъ о смѣшніи вины съ водой, но какъ на одномъ полѣ растуть и пшеница сама по себѣ и плевелы сами по себѣ, или какъ въ одномъ домѣ находятся особо разбойники и особо владѣтель дома ⁸⁾). Когда свѣтить солнце и дуетъ

¹⁾ 11 бес. § 3. ²⁾ 28 бес. § 1. ³⁾ 12 бес. § 10. ⁴⁾ 12 бес. § 2. ⁵⁾ 30 бес. § 3 Migne ibid col. 724. ⁶⁾ 15 бес. § 21, § 38. ⁷⁾ 15 бес. § 33. ⁸⁾ 16 бес. § 1.

вътерь, то у солнца свое тѣло и своя природа и у вѣтра—своя же природа и свое тѣло. Такъ и грѣхъ примѣшался къ душѣ, но и у грѣха и у души своя особая природа ¹⁾. Но грѣхъ и душа, существуя отдельно другъ отъ друга, однако, могутъ соединиться и тогда получается нѣчто третіе—нечистое, грѣховное, такъ что уже не остается места добруму. Источникъ изливаетъ чистую воду, но на днѣ его лежитъ тина. Если возмутить кто тину,—весь источникъ дѣляется мутнымъ. Такъ и душа, когда бываетъ возмущена, срастворяется съ порокомъ. И сатана чѣмъ-то однимъ дѣляется съ душою; оба духа, напр., во время блуда или убийства составляютъ что-то одно ²⁾). Но душа, какъ сказали, можетъ дѣйствовать независимо отъ зла и злого духа, такъ сказать сомостоятельно, и тогда она способна творить добрыя дѣла ³⁾). Что же сильнѣе въ человѣкѣ: зло или же добро? Грѣхъ и остатки добра въ падшемъ человѣкѣ живутъ въ одинаковой степени. Нельзя сказать, чтобы грѣхъ осиливалъ человѣка, равно какъ и наоборотъ. Если говоришь, что порочная сила крѣпче и порокъ вполнѣ царствуетъ надъ человѣкомъ, то обвиняешь въ несправедливости Бога, который осуждаетъ человѣчество за то, что послушался сатаны. Умъ есть борецъ и борецъ равносильный *ισόφροπον* ⁴⁾). Представь себѣ станъ персидскій и станъ римскій; и вотъ вышли изъ нихъ два окрыленные мужествомъ и равносильные юноши и ведутъ борьбу. Такъ сопротивная сила и умъ равномощны между собою и равную имѣютъ силу, какъ сатана преклонять и лестію вовлекать душу въ волю свою, такъ опять и души прекословить грѣху и ни въ чемъ не повиноваться ему; потому-то обѣ силы могутъ только побуждать, а не принуждать къ злу и добру ⁵⁾). А утверждающіе, что грѣхъ подобенъ сильному исполину, душа же подобна отроку, говорятъ худо ⁶⁾). Ибо, если бы дѣйствительно было такое несходство, то несправедливъ быль бы Законоположникъ, который далъ человѣку законъ вести брань съ сатаною ⁷⁾). Еще одно замѣчаніе о живущемъ въ человѣкѣ зломъ началъ. Есть еретики, которые утверждаютъ, что вѣщество безначально и что оно есть корень, коренная сила,

1) 2 бес. § 2. 2) 16 бес. § 2. 3) ibid. 4) 3 бес. § 6. 5) 27 бес. § 22.

6) ibid. 7) 27 бес. § 22.

равносильная Богу. Отсюда и зло, какъ произведеніе венце-
ства, самостоятельно. Но утверждающіе это, ничего не
знаютъ. Долженъ быть Творецъ всего существующаго: Ка-
кимъ же Его нужно представлять? Несомнѣнно, совершен-
нѣйшимъ, всемогущимъ, всесвятымъ. А если такъ, то Онъ
и создать могъ *только* существа чистыя, простыя ¹⁾. Если
же скажемъ, что Создатель сотворилъ и существа злыхъ, то
во-первыхъ приписываемъ злочинческое начало Ему, безстрастному Божеству, во вторыхъ называемъ Бога несправедливымъ, Который сатану посыпаетъ въ огонь. Если существуетъ
зло въ мірѣ, то оно могло произойти только отъ самопроиз-
вола тварей. Какъ богоподобныя существа, ангелы и душа
были надѣлены свободой, которой они злоупотребили, уклон-
ившись отъ Бога и Его святаго закона ²⁾. Зло не само-
стоятельное, а случайное явленіе въ мірѣ.

Архимандритъ Арсеній.

(Продолженіе с. поддуетъ).

¹⁾ 16 бес. § 1. ²⁾ 16 бес. § 1.

Свѣточи Православной Христовой Церкви^{*)}.

Авва Виссаріонъ.

Авва Дула, ученикъ аввы Виссаріона, рассказывалъ слѣдующее: „шли мы однажды по морскому берегу; мнѣ захотѣлось пить, и я сказалъ аввѣ Виссаріону: „авва, мнѣ хочется пить“. Старецъ, створивъ молитву, говоритъ мнѣ: „пей изъ моря“. Вода сдѣлалась сладкою, и я напился. Послѣ налилъ я воды въ сосудъ, на случай, еслибы на пути опять захотѣлось пить. Старецъ, увидѣвъ это, сказалъ мнѣ: „для чего ты налилъ?“ Я отвѣчалъ ему: „прости мнѣ,—какъ бы еще на пути не захотѣлось пить“. Тогда старецъ сказалъ: „и здѣсь Богъ, и вездѣ Богъ“.

2. Въ иное время вошелъ я къ нему въ келью, и засталъ его стоящимъ на молитвѣ. Руки его были простиры къ небу, и онъ оставался въ этомъ подвигѣ четырнадцать дней. Послѣ того призвалъ онъ меня и сказалъ: „слѣдуй за мною“. Мы вышли и пошли въ пустыню. Почувствовавъ жажду, я сказалъ ему: „авва, хочу пить“. Старецъ, взявъ свою милоть, отошелъ на верженіе камня, и, створивъ молитву, принесъ мнѣ милоть, полную воды. Продолжая путь, мы пришли къ одной пещерѣ; вошедъ въ нее, нашли брата, который

^{*)} См. „Г. Ц.“ 1912 г. м. дек.

сидѣлъ и дѣлалъ веревку; онъ не взглянулъ на насъ, не привѣтствовалъ насъ, и совершенно не хотѣлъ заводить разговора съ нами. Авва Виссаріонъ сказалъ мнѣ: „пойдемъ отсюда; можетъ быть, старцу не угодно говорить съ нами“. Мы отправились въ городъ Лико, и пришли къ аввѣ Іоанну. Привѣтствуя его, мы сотворили молитву. Потомъ они сѣли и начали говорить о томъ, что кто видѣлъ. Сказывалъ авва Вассаріонъ, что вышелъ указъ объ истребленіи идолъскихъ капищъ, приведенъ уже въ исполненіе, и капища разрушены. На возвратномъ пути мы опять пришли къ пещерѣ, въ которой видѣли брата. Старецъ сказалъ мнѣ: „войдемъ къ нему; можетъ быть, Богъ внушилъ ему поговорить съ нами“. Когда мы вошли, то нашли его уже умершимъ. Старецъ говоритъ мнѣ: „пойдемъ, братъ, приготовимъ тѣло его къ погребенію; ибо для этого насъ прислалъ сюда Богъ“. Когда мы приготовляли его къ погребенію, нашли, что это была женщина. Старецъ удивился и сказалъ мнѣ: „вотъ какъ и женщины побѣждаютъ сатану; а мы въ городахъ безчинствуемъ“. Прославивъ Бога, Защитника любящихъ Его, мы удалились оттуда.

3. Одинъ братъ за какой-то грѣхъ высылаемъ былъ пресвитеромъ изъ церкви. Авва Виссаріонъ всталъ и вышелъ вмѣстѣ съ братомъ, говоря: „и я также грѣшникъ“.

4. Онъ же говорилъ: „Когда ты живешь въ мирѣ и не имѣешь борьбы, тогда еще болѣе смиряйся, дабы не хвалиться радостью, приходящей отвѣтѣ, и не подвергнуться искушенію; ибо часто Богъ; ради немощей нашихъ, не попускаетъ намъ подвергаться искушеніямъ, чтобы не погибли мы“.

5. Одинъ братъ, живущій съ другими братіями, спросилъ авву Виссаріона: „что мнѣ дѣлать?“ Старецъ отвѣчалъ ему: „молчи и не мѣряйся съ другими“.

6. Ученики аввы Виссаріона разсказывали, что жизнь его была подобна жизни какой-нибудь воздушной птицы, или рыбы, или земныхъ животныхъ, ибо онъ все время своей жизни провелъ безъ смущенія и безъ заботъ. Не озабочивало его попеченіе о домѣ, не овладѣвало, кажется, его душею ни желаніе имѣть поле, ни жажда удовольствій, ни пріобрѣтеніе жилищъ, ни переноска книгъ; но всецѣло являлся онъ свободнымъ отъ тѣлесныхъ заботъ, питаясь надеждою будущаго и утвердившись оградою вѣры. Онъ, подобно плѣннику, терпѣль то здѣсь, то тамъ, терпѣль холодъ и наготу, опаляемъ былъ жаромъ солнца, всегда находясь на открытомъ воздухѣ,

Авва Веніаминъ

1. Авва Веніаминъ, умирая, говорилъ дѣтямъ своимъ: „вотъ что дѣлайте, и можете спастись: *всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всемъ благодарите* (1 Солун. 5, 19—18).

Авва Віаръ.

1. Нѣкто спросилъ Авву Віара: „что мнѣ дѣлать, чтобы спастись?“ Онъ отвѣчалъ: „пойди, уменьши чрево свое и рукодѣлье свое, живи безмятежно въ своей кельѣ,—и ты спасешься“.

Авва Григорій Богословъ.

1. Авва Григорій говорилъ: „отъ всякаго человѣка, получившаго крещеніе, Богъ требуетъ слѣдующихъ трехъ добродѣтелей: правой вѣры отъ души, истины отъ языка и цѣломудрія отъ тѣла“.

Избралъ М. Новоселовъ.

Домой на Пасху.

(Изъ воспоминаний детства).

I.

Поѣздъ, миновавъ жиенькій березовый лѣсокъ, далъ протяжный свистокъ, убавилъ ходу, осторожно прошелъ по насыпи, въ одинъ бокъ которой плещется мутный, полный прудъ, и тихо остановился у деревянной платформы станціи „Дубки“. Кондукторъ, еще на ходу поѣзда ловкимъ и красивымъ движенiemъ соскочившій на платформу и идя вдоль еще двигающихся вагоновъ, свистнулъ въ свистокъ на цѣпочкѣ и особенно весело проговорилъ: „Дубки, двѣ минуты!“ Какъ будто онъ зналъ, что у насъ сегодня былъ роспускъ, что у меня въ билетѣ „по всѣмъ“ 5, и что отъ Дубковъ до моего милаго села К. — 12 верстъ. Изъ вагоновъ, спѣша и толкая другъ друга, полѣзли мужики съ огромными и туго набитыми мѣшками сзади и привязанными къ нимъ топорами и новыми, длинными сапогами спереди, съ пилами и новенькими детскими картузами въ рукахъ. Это—наши плотники.

— А-а, наше почтеніе!—радостно восклицаютъ они, увидѣвъ меня, снимая съ головъ картузы и потряхивая волосами.

— Ко дворамъ?

— Да, домой,—отвѣчаю я тоже радостно.

квартиры и, какъ грѣшникъ изъ ада, только вожделѣлъ теплоту и уютность домашней обстановки. Дверь отворялась на мгновеніе, и я только успѣвалъ увидѣть высокую, бѣлую печь въ передней; но я дополнялъ внутренность комнаты воображеніемъ. Печь эта,—думалъ я,—теплая, и хорошо бы подойти и прислониться къ ней щекой такъ, какъ я дѣлаю дома. Изъ комнаты направо льется мягкий полусвѣтъ. Тамъ, навѣрно, столовая, и самоваръ, и лампа подъ абажуромъ, и непремѣнно—кошка въ мягкому уголку дивана. А въ вокзалѣ холодъ ползетъ по полу, дымъ махорки ъстъ глаза, шумный говоръ, храпъ, дѣтскій плачъ... И я завидовалъ... завидовалъ всему, что было за этою дверью. Теперь не то. Можетъ быть, за этою дверью и хорошо, и уютно, но плохо—то, что тѣ, кто живетъ тамъ, не пойдутъ со мной. Они останутся тутъ, и къ нимъ будутъ подходить грохочущіе поѣзда, и паровозы — приносить дыханіе города. А, главное, какъ они будутъ встрѣчать и проводить празднікъ? У насть будутъ и вербы, и разноцвѣтные, бумажные фонари, и веселый трезвонъ на колокольнѣ. А у нихъ? У нихъ все звонки, свистки, „две минуты“, „седьмой вышелъ“, „третій опаздываетъ“, вѣчные узлы, а на полу пестрая шелуха отъ подсолнуховъ и скорлупа отъ яицъ... Вонъ и телеграфныя проволоки скучно повисли дугами на столбахъ, и рельсы побѣжали въ чужую даль. Я особенно не хочу видѣть этихъ рельсовъ, потому что они побѣжали туда, гдѣ вывѣски, тумбы, фонари, оглушительныя мостовыя. Тамъ стоятъ большиe, скучные, бѣлые или желтые дома, а въ домахъ—грязныя, изрѣзанныя и изгрызанныя парты, а въ партахъ лежать истрепанные учебники бр. Салаевыхъ, а въ учебникахъ „земледѣлецъ пашетъ землю“, „садъ моего дяди хорошъ“, „Ганнибалъ былъ хитрѣйшій полководецъ“, а „Агези-

лай былъ низокъ ростомъ и худощавъ тѣломъ "... Я хочу дороги, прихотливо извивающейся по полю и обѣгающей Демидовскій лѣсокъ съ бѣлыми березами и трепещущими осинами, — дороги съ хлюпающею подъ ногами лошади грязью, съ колеями, наполненными мутною водой. Эта дорога побѣжала туда, гдѣ сѣрыя избы разсыпались по горѣ, надъ Окой, а среди нихъ изъ зелени березъ привѣтливо бѣлѣетъ церковь съ кроткими, задумчивыми окнами. Тамъ мужикъ такъ и называется мужикомъ, а не земледѣльцемъ, тамъ никто не разсуждаетъ о томъ, что лошадь и корова — домашнія животныя. Тамъ я не буду ломать голову надъ тѣмъ, сколько ведеръ воды вливается въ какой-то бассейнъ или выливается изъ него. Да у насъ тамъ и нѣтъ никакихъ бассейновъ, а есть ключъ, бѣгущій по дну глубокаго оврага въ рѣку. По оврагу онъ пробирается съ чуть слышнымъ лепетомъ, а при впаденіи въ Оку онъ растекается по затвердѣвшему, глинистому дну на нѣсколько ручейковъ, которые текутъ беззвучно и даже какъ будто совсѣмъ не текутъ и только при солнцѣ переливаются, играютъ и блестятъ. Вотъ, это — милый ручей. Я люблю изъ него сдѣлать прудъ, пре-градивъ въ узкомъ мѣстѣ воду плотиной изъ камней, песку и грязи, а потомъ — сразу прорвать плотину и смотрѣть, какъ вода съ бѣшенствомъ мечется по камнямъ и яростно извивается, ища выхода на просторъ, къ рѣкѣ. А этотъ бассейнъ въ задачникѣ Малинина и Буренина — противный, и онъ мнѣ представляется огромнымъ, холоднымъ и синимъ.

— Теперь, пожалуй, и отправляться бы, — прерываетъ мои размышленія Петръ Михайловъ.

— Да, конечно, поѣдемъ, — почти безсвязно, но блаженно отвѣчаю я, заранѣе готовый на все и увѣренный, что все будетъ хорошо. — Лошадь у тебя тутъ?

— Лошадь-то?—вдумывается Петръ Михайловъ, переставивъ ноги и оставивъ на доскахъ платформы мокрые слѣды съ клѣтками отъ лаптей. — Лошадь-то, пожалуй, и не тутъ, а у Акима. Знаешь Акима? Ну, вотъ у него. Да, — пропади она, — боялся: испужается машины, послѣднюю сбруишку изорветъ. Ты, моль, не гляди, что она такая худая, лошадь-то моя, да тощая. Какъ уши навострить да понесетъ... о-го-го! Бо-знатъ куды унесетъ...

Въ вокзалѣ я радостно и весело смотрю на все, и все радостно и весело смотритъ на меня. Окна и двери отворены, и яркій свѣтъ теплого апрѣльскаго дня наполняетъ весь вокзалъ отъ полу до потолка. Вонъ и знакомый диванъ съ рѣзною спинкой, на которомъ я томился когда-то, въ тотъ темный январскій вечеръ. Поскорѣе—въ ту дверь, на крыльцо, гдѣ подъѣзжаютъ лошади, гдѣ садикъ. Въ садикѣ деревья стоять еще голыя, но уже полныя скрытой жизни. Сочныя прутья ихъ тихо покачиваются отъ теплого вѣтра и упруго гнутся подъ легкою тяжестью черныхъ востроносыхъ скворцовъ, наполняющихъ воздухъ своимъ протяжнымъ свистомъ. Да, хорошо! Теперь и въ нашемъ саду растяло и просохло. Только, должно быть, тотъ громадный сугробъ, который всегда наметаетъ около риги, еще цѣль, и грязный онъ теперь, да въ той ямѣ, около орѣшника, вода—чистая, чистая, холодная, по утрамъ со льдомъ.

— Ну, идемъ,—приглашаетъ Петръ Михайловъ,— вотъ, тутъ-то, около путя, будетъ посуше.—Да, туда, туда, на просторъ, гдѣ много воздуха и свѣта, гдѣ надъ просыхающей землей, въ прозрачной вышинѣ уже купаются и звенятъ жаворонки...

II.

У Акима, пока Петръ Михайловъ запрягаетъ лошадь, я дожидаюсь въ избѣ. Въ Акимовой избѣ большие стѣнныя часы съ пунцовыми букетами по угламъ циферблата, съ тяжелыми гирями и очень длиннымъ маятникомъ, который стучитъ спокойно и важно. Въ переднемъ углу много иконъ. Рядомъ съ иконами картины: Николай-Чудотворецъ, Страшный Судъ, какой-то вселенскій соборъ, гдѣ очень много желтыхъ кружковъ надъ головами сидящихъ, а дальше, по стѣнкѣ—переходъ черезъ Дунай, охота за жирафами. Длинные жирафы вытянули длинныя шеи, а изъ камыша выглядываютъ двѣ фески съ ружьями. Тихое постукиванье маятника, самоваръ подъ лавкой, въ боковой комнатѣ кровать съ одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ, на которой сидитъ Акимова жена и одной ногой качаетъ висящую передъ кроватью люльку,—все дѣйствуетъ на меня успокоительно; вотъ, тутъ начинается мирная семейная обстановка, и нѣтъ ни партъ, ни звонковъ.

Я гляжу въ окошко. Окна еще не выставлены, но первыя рамы отворены, и вѣтерокъ слабо потрогиваетъ паутину въ углахъ оконъ и лоскутки разноцвѣтной, теперь уже полинявшей, бумаги на полочкахъ, воткнутыхъ въ песокъ между рамъ. Солнышко такъ и бѣть въ окна. Напротивъ оконъ длинный сарай, у стѣнки сарая, въ тѣни кучка грязнаго снѣгу, колья, оглобли, рядъ колесъ съ черными отверстіями. „И молча въ открытые люки чугунныя пушки глядятъ“,—припоминается мнѣ. Нѣтъ, теперь не нужно люковъ, ни синыхъ волнъ океана... Акимъ повелъ поить лошадь. Лошадь идетъ, понуривъ голову, странно вскидывая задними ногами. Должно быть, опоена. Петръ Михайловъ

что-то крикнулъ ему,—мнѣ неслышно его голоса, а только видно, что онъ раскрылъ ротъ и указалъ на ворота. Акимъ махнулъ тоже по направленію ко двору и пошелъ съ лошадью. Петръ Михайловъ ушелъ во дворъ и воротился съ дугой въ рукѣ. Онъ отвязалъ свою лошадь отъ телѣги, изъ которой она спокойно доставала и жевала сѣно, и сталъ вводить ее задомъ въ оглобли. А солнышко сильнѣе свѣтить въ окно, такъ что подоконникъ сталъ теплый. Я отъ нечего дѣлать вожу ногтемъ по стеклу,—получается звукъ тоскли-вый и рѣжущій; у меня всегда мурашки бѣгаютъ по спинѣ отъ этого звука. Я прислоняюсь лбомъ къ стеклу—стекло теплое. А у насъ, въ училищѣ зимой стекла холодныя и потныя. Въ зимніе вечера я люблю вотъ такъ прислониться лбомъ къ стеклу. Въ классѣ горятъ лампы, пыльно и душно, около черной классной доски кусочки раздавленного ногами мѣлу. Въ воздухѣ—не-смолкаемый гулъ голосовъ: кто ходитъ отъ стѣны къ стѣнѣ, невнятно бормоча что-то, кто сидитъ на мѣстѣ и, раскачиваясь взадъ и впередъ, широко раскрывая и закрывая глаза, втягивая въ себя воздухъ, скоро-скоро шепчетъ: „когда Исаакъ состарѣлся... состарѣлся, и притупилось его зрѣніе, то... то... когда Исаакъ... Исаакъ... то притупилось его зрѣніе...“ У доски—кучка. Кто-то, сильно размахивая руками и стуча по доскѣ мѣломъ, громко говоритъ: „въ пять часовъ пѣшеходъ прошелъ 20 верстъ, а въ одинъ часъ?..“—многозначительно обводитъ глазами кучку рѣшающей задачу. „Два пишемъ, а одна—въ умѣ“,—началъ писать онъ подъ чертой, которую провелъ съ такимъ ожесточеніемъ, что мѣль разсыпался на кусочки. „Клочки волосъ лисы не пожалѣй, остался бъ хвостъ у ней“,—твержу я изъ грамматики, прислонившись къ стеклу. Вонъ тускло горитъ фонарь въ переулкѣ, свѣтъ падаетъ на заборъ и за-

хватываетъ голые, корявые сучья, которые свѣсились черезъ заборъ, а выше все потонуло во мракѣ. Сучья качаются отъ вѣтра, огонь дрожитъ въ фонарѣ. „Клочки волосъ лиса...“ Лбу становится холодно. Но не хочется оборачиваться назадъ, гдѣ свѣтло и шумно, а хочется уйдти отъ этого свѣта и шума — туда, гдѣ темно, гдѣ качаются голые сучья.

Дверь скрипнула, и Петръ Михайловъ, согнувшись, чтобы не стукнуться головой о перекладину, вошелъ въ избу. Онъ молится иконамъ, кланяется Акимовой женѣ и докладываетъ:

— Готово, теперь пойдемъ съ Господомъ.—Я очнулся отъ своихъ думъ. Страшныя думы! Слава Богу, никто не можетъ у меня отнять того, чѣмъ я теперь владѣю. Вонъ и лошадь Петра Михайлова „заложена“, весело помахиваетъ головой, въ телѣгѣ высоко взбито сѣно, покрытое полосатою дерюгой. Невыразимо сладостное сознаніе того, что я скоро, черезъ какіе-нибудь три часа буду дома, вдругъ вторгается въ мою душу, а невеселыя думы разлетаются, какъ дымъ. Восторгъ, сильный и неудержимый, охватываетъ меня всего, такъ что мнѣ хочется закричать изо всей мочи, прыгать, всѣхъ обнимать и цѣловать. Сердце мое вдругъ ощущаетъ страшный приливъ нѣжности къ Петру Михайлому, къ лошади, телѣгѣ, сѣну,—ко всѣмъ этимъ милымъ деревенскимъ предметамъ, которые служатъ теперь мнѣ, и которыхъ я не имѣлъ права считать своими *tamъ*.

— Это вашъ—валеные сапоги, а это... а ужъ это, я и самъ не знаю, что такое, одѣяніе какое-то, должно быть, ряса..., вотъ только рукавовъ никакъ не отыщу,—говорить Петръ Михайловъ, взявъ рясу за подоль и переворачивая ее передъ свѣтомъ.—Ну-ка, давай обу-

емся,—приступаетъ онъ ко мнѣ съ валенными сапогами, держа ихъ за носки.

— А какъ же, вѣдь грязно?

— А мы тебя перенесемъ. „На рукахъ возмутъ тя“,—небось слыхалъ? Оно хоть и весна, а такъ-то будетъ лучше. Береженаго, сказываютъ, и Богъ бережетъ.— Я перебываю въ сухie и теплые валеные сапоги, отчего ноги мои ощущаютъ пріятную теплоту, подвязываю уши, одѣваюсь въ рясу, которую Петръ Михайловъ туго перетягиваетъ кушакомъ, и стою во всемъ длинномъ, не имѣя возможности ни повернуться, ни двинуться. Мнѣ душно и жарко, хочется на воздухъ, лохматый воротникъ рясы непріятно щекочетъ мнѣ лицо.

— Счастливо оставаться, умница,—обращается Петръ Михайловъ къ Акимовой женѣ. Онъ беретъ меня на руки и несетъ въ телѣгу. Ухъ, какъ хорошо и покойно на мягкому взбитомъ сѣнѣ! Мы трогаемся. Телѣга грузно покачивается на густо облѣпленныхъ грязью колесахъ, которые глубоко уходятъ въ рыхлую, мокрую землю. Петръ Михайловъ сидитъ на передкѣ, свѣсивши наружу длинныя ноги. Какой онъ добрый и хороший, этотъ Петръ Михайловъ! Вотъ только зачѣмъ у него такие растрепанные лапти и, очевидно, мокрыя онучи? Вотъ моимъ ногамъ очень тепло.

Сзади насъ жалобно просвистѣлъ поѣздъ.—Вона, ишь свиститъ... Теперь свисти, милая, сколько твоей душѣ угодно, а намъ ты не нужна, мы и безъ тебя теперь доѣдемъ,—замѣчаетъ Петръ Михайловъ.—Эхъ, ты, ласковая!—Онъ крутить въ воздухѣ кнутомъ надъ лошадью, но не бьетъ ее.—Зачѣмъ она намъ теперь? а?—Петръ Михайловъ оглядывается на меня и широко улыбается. Я отъ всей души сочувствуя мысли, что машина намъ теперь совсѣмъ ненужна.—А ей что?—

киваётъ головой Петръ Михайловъ въ сторону машины.—Она себѣ свиститъ и свиститъ, благо умѣетъ. Ей только и дѣловъ. Она ъсть не проситъ...—Машина опять взвизгнула.—Ой, нѣтъ, пожалуй, и просить не хуже моей лошади. Но, милая!.. Давеча, какъ тебя-то дожидаль, все видалъ, какъ ее поили и кормили. Она какъ засвиститъ—засвиститъ, сердешная, да таково жалобно, точно и вправду голодна. Сейчасъ этотъ самый замазаный человѣкъ уtkнулъ въ нее трубу, и пошла вода, и пошла вода... Да страсть сколько лилось,—мнѣ думается, на цѣлый нашъ прудъ хватитъ воды этой. А нефти этой самой, изъ которой керосинъ гонятъ, сколько жгутъ—сила! Но, ты, оглашенная!

— А ты, Петръ Михайловъ, ъздилъ когда-нибудь на машинѣ?

— А куда мнѣ ъздить? Вонъ идола-то моего, зятя, отвезу до рѣчки, а тамъ иди себѣ пѣшкомъ до самаго города. Куда мнѣ ъздить? Оно, пожалуй, ъзди себѣ, да что въ этомъ толку? Вонъ дѣдъ Ларивонъ доѣздился... Гдѣ-гдѣ не былъ, и въ степяхъ ночевалъ, да и воротился слѣпой, идетъ да передъ собой палочкой нашупываетъ. А всѣхъ городовъ не обѣздишь. Въ церкви то вонъ что читають: „не имамы тутъ пребывающаго града, а грядущаго взыскуемъ“. Понялъ?..

Проѣзжаемъ церковь. Петръ Михайловъ снимаетъ шапку и крестится.—Господи, помилуй... „Въ рождество дѣвство сохранила еси“... Тутъ вѣдь Успенье—праздникъ... Гуляютъ шибко... А вонъ, гляди-ко колокольню надстроили: теперь въ ней и виду стало больше. А все противъ нашей не дойдетъ: наша колокольня, право, ее хоть въ городъ ставь,—не сконфузится.

Дорога пошла полемъ. Свѣсившись съ телѣги, я смотрю внизъ. Колеса оставляютъ узкій слѣдъ; жидкая грязь раздается, но потомъ обѣ стороны ея опять сплы-

ваются. Когда лошадь идетъ рысью, грязь прыгаетъ около колесъ, залетаетъ къ намъ, въ телѣгу и попадаетъ въ лицо. Въ низкихъ мѣстахъ стоятъ грязныя лужи. Послѣ проѣзда на водѣ вскакиваютъ мутныя пузыри, которые, проплыvъ немнogo исчезаютъ. Петръ Михайловъ зорко слѣдитъ гдѣ посушѣ; туда и направляеть лошадь, дергая одной возжей и приговаривая:—но, но, милая, вотъ, сюда, тутъ будетъ тебѣ посушѣ...

— Эге, солнышко-то шибко сползло въ низъ, только бы добраться засвѣтло. Выходитъ дѣло,—„пришедшее на западъ солнца“,—говорить Петръ Михайловъ, круто оборотившись и прищуренными глазами оглядывая западъ.—На западъ солнца... на западъ солнца...—меланхолично повторяетъ онъ, постегивая кнутомъ по мокрымъ лаптямъ.—Я вѣдь все это очень хорошо понимаю. „Пришедшее на западъ солнца“, т.-е. мы, примѣрно, уже день прожили, пожалуй, хоть и спать, видѣли свѣтъ вечерній, т.-е. какъ солнышко закатывается, ну... по этому самому дѣлу выходитъ, поемъ, воспѣваемъ... Добраго здоровья!—кричитъ онъ встрѣчному мужику на пѣгой лошади и круто повернуль свою лошадь на право.—Но, но,—задергалъ онъ возжами,—теперь опять на дорогу.—Петръ Михайловъ глубоко вздохнулъ.—Я вѣдь люблю все божественное... И опять же... въ церкви люблю: тепло, свѣтло, много образовъ, все въ золотѣ, народѣ... А дома, знамо, ребятенки, спокою нѣтъ. Въ церкви пѣніе и все такое... Вѣдь наши дѣячки хорошо поютъ, особенно въ праздникъ. Въ прошлое воскресенье, смотри, какъ служили! Бабы мои и то пришли отъ обѣдни, говорятъ: „нынче дѣячки добре хорошо служили“. Вотъ какъ запоютъ они, къ примѣру, про Адама, какъ онъ рыдалъ и плакалъ о своей наготѣ, сидѣлъ, примѣрно, предъ раemъ съ Евой и горько плакалъ,—слеза такъ и прошибаетъ. Адама-то, видимое

дѣло, въ рай тянетъ, потому что житье-то было очень правильное, одно слово—рай, а херувимъ съ огненнымъ мечемъ путь заграждаетъ: стой, моль, погоди, дальше ни-ни-ни...—Петръ Михайловъ сказалъ строго и даже погрозилъ кнутомъ.—А дѣдушка твой, о. Иванъ, тоже плачетъ, потому что человѣкъ-то онъ очень трогательный, все плачетъ во время службы. Пріотворитъ этакъ-то дверь изъ алтаря,—а у самого глаза заплаканые,—и скажетъ дьячкамъ: „ребятки, спойте еще что-нибудь“... Но, ты, окаянная!..—Петръ Михайловъ хлестнулъ лошадь кнутомъ, потому что она зашла въ огромную лужу, остановилась, стала бить по водѣ передней ногой и какъ будто даже обнаруживала намѣреніе ложиться въ водѣ. Получивъ должное возмездіе за это намѣреніе, лошадь дернула и, разбрасывая вокругъ грязныя брызги, выбралась на сухое мѣсто.—Что, бишь, я говорилъ?—продолжалъ опять Петръ Михайловъ.—Да! Отецъ-то Иванъ такъ и скажетъ изъ алтаря: „ребятки,—говорить,—спойте еще что-нибудь“. Ну, они еще: про Страшный Судъ, „книгамъ разгибаемымъ, дѣламъ испытуемымъ“ или про демонское стрѣляніе... Вѣдь отецъ Иванъ любить больше унывное. „Мы, говорить, тутъ, на землѣ — чужестранніе, а нашъ домъ — вонъ гдѣ“.—Петръ Михайловъ показалъ кнутовищемъ вверхъ.—Наша душа-то, къ примѣру, и убивается тутъ, ровно птица въ клѣткѣ...

Петръ Михайловъ поникъ головой. Голова его покачивается и трясется отъ неровностей дороги. Длинные, жидкіе волосы неопредѣленного цвѣта неровными косицами торчатъ изъ-подъ старой шапки. Онъ пристально смотритъ не то на свои мокрые лапти, не то на грязныя колеса, или, можетъ быть, ничего не видитъ.—Вотъ, съ отцомъ-то Иваномъ,—обернулся онъ въ мою сторону,—мы частенько-таки разсуждаемъ, такъ

разсуждаемъ, что мое почтеніе. Я,—ты самъ знаешь,— у него частенько прирабатываю. Онъ вѣдь какой! Придетъ, стукнетъ подъ окно и скажетъ: „Петя, приди, говорить на часокъ, тамъ кадка разсыпалась“. Я вѣдь по бондарной части маракую. Такъ прямо и скажетъ: „Петя, говорить, приди, говоритъ, на часокъ“. А то скажетъ: „Петруша, меня старуха бранитъ, кадку съ огурцами нужно въ погребъ спустить, иди скорѣе“... Ну, и идешь, потому что помнишь, къ примѣру, законъ: „другъ другу тяготы носите“. Вотъ какъ, бывало, работаешь что-нибудь у него, онъ и придетъ... Придетъ онъ, станетъ разговаривать, и тутъ пойдутъ у насъ разговоры всякие... — Петръ Михайловъ вдругъ разсмѣялся.

— Ты почему смѣешься?

— Да такъ: одно дѣло вспомнилъ... Вотъ, однажды я и скажи ему:—а что, моль, батя, какія мысли мнѣ лѣзутъ въ голову!—Онъ и говоритъ: „какія же, говорить, это мысли?“—А такія, говорю, мысли, что, пожалуй, имъ бы и не слѣдѣть быть, а онѣ вертятся въ головѣ. Вотъ, въ Писаніи сказано, и въ церкви я слыхалъ, что умираютъ, къ примѣру, только тѣлеса, а душа не умираетъ, что, дескать, будетъ общее воскресеніе, трубный гласъ, срѣтеніе на воздухъ и все тамъ прочее. А я въ мысляхъ своихъ грѣшныхъ и думаю: а ну-ка, дескать, все это не такъ, ничего этого не будетъ, а такъ, примѣрно, подожнешь, какъ какая-нибудь кошка скверная, возсмердишь, только и всего... Такъ ты что думаешь? Мой батя ничего не говоритъ. Поглядѣлъ въ землю, подъ ноги, поглядѣлъ на меня,— такъ съ боку, и говоритъ: „ты, говоритъ, Петръ, видаль вотъ это или нѣтъ?—Что, говорю?—А вотъ это, говоритъ, самое,—а самъ поднялъ свою клюку съ сучьями, — видаль? — Ну, говорю, видаль. — „Ну, то-то,

говорить, смотри: этихъ рѣчей больше не смѣй болтать,—ты, говоритъ, мелко плаваешь“. Я гляжу на него: брови сдвинулись, глаза сурьезные, клюку сжимаетъ рукой... Потомъ пообмякъ и говоритъ мнѣ тихо: „ты у самаго авиона стоишь, а нѣ слышишь, чего читаютъ“. — Что же, говорю, такое? — „А вотъ, говоритъ: „чего ты съешь, не оживется, аще не умретъ“. Слыхалъ ты это“? — Ну, говорю, слыхалъ. — „А коли слыхалъ, такъ о чёмъ же ты толкуешь?.. Ты, говоритъ, нынѣшній годъ сколько засъялъ?“ — Да, говорю, полторы четвертки. — „А сколько ржи высыпалъ?“ — Мѣры, моль, примѣрно три. — „А зачѣмъ же ты это сдѣлалъ?“ — Какъ, говорю, зачѣмъ? — „Да такъ, говоритъ: взялъ бы ты эту самую рожь, смололъ да ребятамъ пышки пёкъ, а ты ее всю въ землю бросилъ!“ — Вотъ чего сказалъ! — отвѣчаю ему. — Да я нынѣшнимъ лѣтомъ, коли Богъ пошлетъ, четверти три намолочу. — „Вотъ то-то и есть,—говоритъ о. Иванъ: бросаешь ты зерно въ землю, а самъ знаешь хорошо, что сгниетъ оно тамъ. А какъ сгниетъ, то и полѣзетъ отъ него ростокъ изъ земли, вылѣзетъ весь красненький на Божій свѣтъ... Такъ и наше съ тобой тѣло... Вотъ, говоритъ, когда бываешь въ полѣ, такъ и гляди, какъ наши тѣла воскреснутъ“. — Н-да,—заключилъ Петръ Михайловъ, поправивши свою шапку и обтерши ладонью свои слезящіеся глаза,—правильный человѣкъ—о. Иванъ! меня слѣдовало хорошенъко проучить, потому что, грѣшнымъ дѣломъ, не на свою линію попалъ...

III.

Вотъ и березы, вонъ и Чешуево.

— Петръ Михайлычъ, а какъ же вода?

— Вода? Не надо бы быть ей, водѣ-то. Давеча вы-

Ѣхалъ я рано, былъ утренничекъ и такой хороший, такъ онъ ее поприхватилъ маленько, ходу-то водѣ сверху и не было.Ѣхалъ — по ступицу не хватало. А что теперь, ужъ я и сказать не умѣю. Вотъ, только днемъ-то сильно грѣло, такъ оно... того... и распустило, должно быть. А утромъ было хоть куда. — Петръ Михайловъ повытянулся на телѣгѣ и сталъ смотрѣть впередъ. — Водѣ-то бы нѣ-кѣ-чemu быть. А тамъ Господь ее знаетъ, — размышляетъ онъ вслухъ. — Но, съ Богомъ! но! тамъ увидимъ! — Лошадь взяла подъ горку охотнѣе и пошла проворною рысью.

— У-лю-лю-лю, — пѣвуче произнесъ Петръ Михайловъ, обходя глазами лощину, къ которой мы подъѣхали. — Вода-то, вода-то полыщетъ!.. Вона какъ ее распустило. Это, выходитъ дѣло, „Чермный же понтъ тристаты египетскіе“... — Петръ Михайловъ съ кряхтѣньемъ слѣзъ на землю, привязалъ къ телѣгѣ возжи, вы сморкался, обошелъ для чего-то телѣгу и сталъ смотрѣть на воду. Лошадь, круто загнувъ въ-бокъ шею, почесала морду о конецъ оглобли, встряхнула головой, отфыркалась и тоже установилась головой на воду, поводя ушами, Вправо, за плотиной, стоитъ ровная и спокойная гладь воды, до краевъ наполнившей лощину съ пологими краями. Влѣво отъ плотины уровень воды гораздо ниже, но вода неспокойная; прорывши въ одномъ мѣстѣ плотину, она низвергается съ ея высоты широкимъ потокомъ, кипитъ и бурлитъ внизу, расходясь дальше широкими кругами. На той сторонѣ, у плотины, стоятъ мужики, засунувъ руки въ карманы и переговариваясь между собою: должно быть, обсуждаютъ наше положеніе. Тутъ всегда, въ половодье стоятъ мужики; они перевозятъ пѣшеходовъ на лодкѣ и за это берутъ деньги. Вонъ, на той сторонѣ, на выступѣ горы, — церковь, обнесенная новенькой оградой. Надъ самой во-

дой—риги съ всклокочеными соломенными крышами, а около ригъ—рядъ ветелъ, снизу затопленныхъ водой. Церковь на пригоркѣ высится особенно величественно и непоколебимо, какъ будто увѣренная, что вода никакъ не можетъ подойти къ ней.

— Держись лѣво! лѣво держись!—кричать намъ мужики, махая руками въ одну сторону.

— Ну, что-жъ, лѣво такъ лѣво,— успокоительно говоритъ Петръ Михайловъ, неторопливо и спокойно осматривая лошадь и упряжь.— Влѣво-то, влѣво, а вотъ, парень, сапожонки-то надо перемѣнить на холодные, а валенки—въ руки, а то, какъ подойдетъ вода въ телѣгу, такъ оно, къ примѣру, и неладно будетъ. Ты гляди, какая вода! Вѣдь это, можно сказать, „съ кораблемъ потопляема грѣхи“. — Я переобуваюсь. — И одѣянье-то нужно снять: вѣдь длинная штука-то, всю ее подмочитъ. А мы ее вотъ тутъ повыше положимъ.— Петръ Михайловъ повыше наложилъ въ одномъ мѣстѣ соломы, а на нее положилъ мой узелокъ и свернутую рясу. Оглядѣвши потомъ всю телѣгу и оставшись, по видимому, доволенъ всѣми приготовленіями, Петръ Михайловъ отвязалъ возжи, съ кряхтѣньемъ взгромоздился на телѣгу и перекрестился.— Ну-ка, съ Господомъ, милая,— тронулъ онъ возжами, направляя лошадь влѣво, въ то мѣсто, где въ воду входили грязныя колеи. Лошадь вошла въ воду, но сейчасъ же остановилась. — Что? аль лечь хочешь? Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, не дѣлай этого, не ложись. Но, но, голубушка! Ну же... эка ты какая, право... Н-но, каналья!— строго окрикнулъ Петръ Михайловъ, не спуская глазъ съ разстилавшейся впереди воды.— Лошадь потянула головой вправо, потянула влѣво и нерѣшительно пошла дальше, съ шумомъ разгребая воду ногами и разбрызгивая ее во всѣ стороны.

— Ой, какъ бы намъ не поплыть съ тобой! Стань-кака ты на ноги да держись за меня, ноги подмочишь, самъ сухъ будешь. — Я становлюсь на ноги и держусь за плечо Петра Михайлова, который сълъ на край телѣги. Лошадь идетъ дальше и дальше, въ глубину. Вода шумитъ около колесъ, нотише итише; колеса чуть видны изъ-подъ воды. Лошадь стала выше и выше поднимать голову и какъ-то особенно качаться. Скрылись и колеса.—Плыветъ! плыветъ!—кричитъ Петръ Михайловъ. — Экъ ее углубило! И мнѣ надо подобраться, а то того...—Петръ Михайловъ подобралъ ноги и сталъ на нихъ въ телѣгѣ во весь свой огромный ростъ. Лѣвою рукою онъ держитъ возжи, а правою махаетъ кнутомъ. Я стою и одной рукой высоко держу валенки, а другой держусь за кушакъ Петра Михайлова.—Но, но!—не перестаетъ онъ понукать лошадь, а самъ чмокаетъ, свиститъ, дергаетъ возжами, кружитъ вверху кнутомъ. Телѣга стала точно на рессорахъ, вода подняла ее всю и мягко покачиваетъ. Вода булькаетъ совсѣмъ подъ нами, показывается въ телѣгѣ... — Ничего, ничего, больше не будетъ, вотъ она и вся! Но, но, э-ге-ге,—ободряетъ Петръ Михайловъ меня, лошадь и себя. А вправо вода шумитъ и шумитъ черезъ плотину. Жутко отъ этого шума и отъ того, что мы посрединѣ, и кругомъ — вода. Голова кружится отъ быстраго теченія. Кажется: вотъ-вотъ вода накроетъ насъ и потечетъ поверхъ насъ...—Но, но, съ Богомъ! но, вотъ сейчасъ берегъ!—Мнѣ особенно мила въ это время лошадь, на которую вся надежда. Вонъ ея голова, уши и чуть видная изъ воды колыхающаяся спина. Милая, она, навѣрно, понимаетъ и чувствуетъ опасность нашего положенія. Но вотъ, лошадь перестала качаться, почувствовавъ подъ собою твердую почву, вода подъ нами стала опускаться ниже и ниже, показались мокрыя ко-

леса, вода ушла подъ ступицу, вотъ сухая земля, вотъ еще немного воды, и, наконецъ, тельга, беззвучно поѣхала въ гору. Лошадь стала скоро-скоро перебирать ногами; ноги у нея—тоненькия и глянцовитыя, хвостъ—узенький, заостреный, и съ него струится вода. Петръ Михайловъ слѣзъ съ тельги, бросиль мнѣ возки и пошелъ скорымъ шагомъ около лошади. На горѣ остановились. Лошадь сильно встряхнулась и громко отфыркалась. Петръ Михайловъ ласково похлопалъ ее по мокрой спинѣ, погладилъ по гривѣ, съ которой тоже стекала вода, выправиль чолку.

— Ну, слава Богу, переплыли,—обратился онъ и къ лошади, и ко мнѣ. — Теперь, молодецъ, опять давай обувать теплые сапоги: ножонки-то, небось, подмокли,— и онъ рѣшительно ухватился за мои холодные сапоги, намѣреваясь ихъ стаскивать.

— Мнѣ тепло, храбро заявляю я,—да теперь и недалеко.

— Нѣхъ, ужъ ты сдѣлай милость — не противься. О. Иванъ какъ вѣдь наказывалъ мнѣ: „смотри, моль, сбереги мнѣ мальчишку“. Онъ мнѣ проходу тогда не дастъ, въ случаѣ, если ты, къ примѣру, простудишься да помрешь. „Эхъ, скажетъ, Петя, не того, братъ, ты...“

— А какъ же ты-то?

— А что такое я-то?

— Да тоже простудишься. У тебя вонъ,—гляди,—и лапти мокрые, и шуба... — Петръ Михайловъ внимательно оглядѣлъ ноги и, кажется, теперь только увидѣлъ, что старые лапти были мокрѣхоньки, что снизу была подмочена даже овчинная шуба.

— Эге-ге, какъ же это я такъ? гдѣ же это я такъ?— заговорилъ онъ, топчясь на одномъ мѣстѣ, оглядывая себя со всѣхъ сторонъ, стараясь поглядѣть на себя

даже сзади, расправляя шубу, отжимая руками ея мокрый подолъ.—Эхъ-ма!

— Что, холодно?

— Какой тамъ холодъ! Я обѣ шубенкѣ сокрушаюсь: одна вѣдь она у меня, и вѣ праздникъ, и вѣ будни. Подолъ-то теперь высохнетъ, будетъ коль-коломъ, вотъ ты и иди вѣ ней вѣ церковь! А дѣло праздничное... Вотъ грѣхъ-то, вотъ грѣхъ-то! А обѣ ногахъ и рѣчи нѣтъ. Ногамъ ничего не подѣлается: онѣ не купленыя. Да ноги и не то еще видали. А шубенку жалко: только къ Рождеству спрavitъ... И какъ это я такъ, право? Вотъ грѣхъ-то, вотъ грѣхъ-то!..—сокрушается Петръ Михайловъ, продолжая оглядывать шубу. — Стой, ты, каторжная! — съ сердцемъ крикнулъ онъ на лошадь, которая было дернула.

— Ну, а переобуваться-то все-таки давай.—Петръ Михайловъ стащилъ съ меня холодные сапоги. Одинъ сапогъ онъ внимательно осмотрѣлъ, заглянулъ однимъ глазомъ даже внутрь его.—Лѣвый-то худенекъ, надѣ самой пяткой свѣтится дырочка. Ну-ка, нога-то?—Онъ ощупалъ мой чулокъ и покачалъ головой. — Снимай живо чулокъ и надѣвай валеный сапогъ на босу-ногу. Безъ чулка теплѣй будетъ, а то вѣдь онъ мокрый.—Послѣ обуванья Петръ Михайловъ одѣваетъ меня снова вѣ рясу и усаживаетъ, поправивъ мокрую солому для сидѣнья.

— Но, милашка!—Лошадь трогается. Мокрая телѣга не издаетъ никакого скрипу. Я оглядываюсь назадъ. Вода все также шумитъ, подъ плотиной расходятся широкіе круги, мужики также стоять, машутъ руками и кричатъ на тотъ берегъ, гдѣ остановилась повозка, запряженная парой. Вода, мужики, вся дорога отъ станціи до воды—все это хорошо и мило мнѣ, но все это прошло и будто давно прошло; всего этого мнѣ не

жаль, потому что ужъ слишкомъ хорошо то, чѣо впереди.

Вотъ и церковь, вотъ и часовенка съ кружкой, вдѣланной въ столбъ. Удалили къ вечернѣ. Дьячекъ дергаетъ снизу за веревку, опустивши голову и какъ будто прислушиваясь къ звону. „Общее воскресеніе,—шепчетъ Петръ Михайловъ, снявши шапку и крестясь.—Лазарева суббота завтра,—обернулся онъ ко мнѣ,—икру, сказываютъ, можно єсть.—Старикъ съ длинной палкой, снявши шапку, очищаетъ на нижней ступенькѣ церковнаго крыльца грязные сапоги. Черезъ дорогу пробирается къ церкви маленькая старушка, стараясь попасть съ камушка на камушекъ, которые кто-то додгадался набросать поперекъ дороги. Сѣро и грязно вокругъ, какъ только сѣро и грязно бываетъ въ деревняхъ Великимъ постомъ. Избы самыя старыя, покосившіяся, съ заплатанными окнами, съ полуразрушенными воротами, смотрятъ кротко и ласково. Это не то, что бѣлые каменные дома, холодные и гордые, съ большими стеклами, съ сіяющими на дверяхъ подъѣздовъ дощечками и ручками, съ наглою запертymi воротами, надъ которыми строгія надписи: „безъ звонка не входить“, „свободенъ отъ постоя“. Мнѣ мила церковь, милы старикъ и старушка, милы сѣрыя избы. И мнѣ что-то очень жаль ихъ. Старушку жаль за то, что она въ лаптяхъ пробирается по грязи съ камня на камень; старика—за его обнаженную, старческую голову съ рѣдкими, сѣдыми волосами,—человѣкъ съ обнаженною головой на открытомъ воздухѣ всегда дѣляется жалокъ;—избы жаль, почему онѣ такія сѣрыя и подслѣповатыя. А церковка эта деревянная, маленькая и бѣдная. Когда-то она была выкрашена въ желтую краску. Прибитыя кое-гдѣ внизу новыя доски похожи на заплаты. Окна маленькия, прутья желѣзныхъ

рѣшотокъ тоненькие, деревянное крылечко маленькое, съ затоптанными грязными ступенями. Бѣдно будетъ въ церковкѣ на Пасху! Но и здѣсь будетъ воскресшій, радостный Христосъ, среди простыхъ и вѣрующихъ сердецъ... Къ одной сторонѣ ограды робко прижалось кладбище. Глинистые холмики съ деревянными крестами или просто бѣлыми камушками тамъ и сямъ разсыпались по склону горы. Въ окнахъ церкви видны огоньки. Сейчасъ тамъ будутъ читать повечеріе и правило.

IV.

Вечерѣетъ все больше и больше. Небо, чистое, окрашенное легкими, весенними тонами вечерней зари, опрокинулось надъ нами. Мы ѿдемъ по большой и открытой равнинѣ. Пахнетъ влажною землей. Кое-гдѣ бѣлѣется снѣгъ. Вонъ видны три церкви; наша—самая дальняя. Она выше, колокольня ея стройнѣе. Среди этой равнинѣ, подъ этимъ большимъ, прозрачнымъ небомъ какіе мы—и лошадь, и телѣга, и я, и Петръ Михайловъ—одинокіе и маленькие! И всѣ мы какъ будто чувствуемъ это. Лошадь идетъ молча, не фыркая, какъ будто опасаясь потревожить вечернюю тишину; телѣга, чуть-чуть поскрипывая, движется по начинающей темнѣть дорогѣ. Петръ Михайловъ совсѣмъ замолчалъ, даже не покрикиваетъ на лошадь, а молча дергаетъ вожжами и помахиваетъ въ воздухѣ кнутомъ. И мнѣ не хочется говорить. Я, запрокинувъ голову, смотрю на небо. Кое-гдѣ замигали звѣздочки. Онѣ точно силятся свѣтить ярче, но не могутъ: засвѣтять—засвѣтить, потомъ вдругъ задрожатъ—задрожатъ и потухнутъ. Вонъ тѣ семь звѣздъ въ видѣ кастрюли. Онѣ теперь свѣтятъ и надъ нашимъ селомъ, надъ самymъ садомъ нашего дьячка. А что теперь дома? Вечерня,

конечно, отошла. Дѣдушка, исповѣдавши тѣхъ, кого не успѣлъ днемъ, пришелъ домой. Онъ утомился, а въ это время онъ бываетъ немного суровъ и молчаливъ.

— Что, отецъ, усталъ?—говорить бабушка, робко заглядывая ему въ глаза.

— Извѣстное дѣло—усталъ, вѣдь я не на лежанкѣ грѣлся,—сухо отвѣчаетъ дѣдушка. Онъ молча раздѣвается, снимаетъ сапоги, чулки.

— Ты бы погрѣлся, отецъ,—кругко говоритъ бабушка, стараясь чѣмъ-нибудь задобрить дѣдушку.

— Что?

— Погрѣлся бы, говорю, на лежанкѣ: кости-то и отошли бы.

— Эка невидаль какую сказала: погрѣлся бы!.. Я и безъ тебя знаю, гдѣ лежанка. Бабушка умолкаетъ, видя, что всѣ ея договариванья не достигаютъ цѣли. Дѣдушка беретъ съ кровати подушку, кладетъ ее на лежанку и молча укладывается. Молчаніе. Бабушка не можетъ выносить этого молчанія.

— Посушить что-ли твои чулки?—робко спрашиваетъ она.

— Что жъ, посушки.—Бабушка съ кряхтѣньемъ нагибается къ полу, чтобы поднять чулки. Дѣдушка пристально смотритъ на нее. Видѣлъ маленькой старушки, съ трудомъ наклонившейся, чтобы услужить, растро-гиваетъ его.—И стара ты стала, мать,—погляжу я,— право, стара.—Дѣдушка смеется.

— А ты молодъ?—полушутя, полусерьезно отвѣчаетъ бабушка.—Будешь стара, право. День-деньской ковы-ляешь-ковыляешь, маешься-маешься, иногда закачаетъ тебя всю,—уже слизливымъ голосомъ продолжаетъ ба-бушка.—Давеча помутилось въ глазахъ, насилиу до по-стели доползла...—Она совсѣмъ расплакалась; нервы ея не выдержали.

— Ну, во-отъ! Охъ, ужъ эти бабы! Чего ты разнюнилась?

— Да ужъ и сама не знаю—чего.—Бабушка стала вытираять глаза и вдругъ разсмѣялась.—Такъ, подъ старость глупа стала, въ ребенка обратилась.—Напряженное состояніе разрѣшилось слезами. Обоимъ стало легче.—Ты бы, мать, достала изъ кармана исповѣдныя деньги да пересчитала,—кrottкимъ и примиреннымъ голосомъ говоритъ дѣдушка,

— Да ты въ какомъ подрясникѣ ходилъ: овчинномъ или ватномъ?

— Извѣстное дѣло, въ овчинномъ: въ церкви холдъ.—Бабушка достаетъ изъ кармана овчиннаго подрясника мѣдныя деньги и съ громомъ высыпаетъ ихъ на столъ.—Стой, никакъ серебряный? Да, пятіалтынnyй и есть!—восклицаетъ она.—Кто же это положилъ?

— Кто-о? Должно быть, Максима Филиппова жена, толстая такая.

— Максима Филиппова? Вотъ какъ! Она говѣеть? Это—что зимой въ атласной шубѣ съ куньими хвостами ходитъ?

— А ужъ я право не знаю, съ хвостами она ходить или безъ хвостовъ. Больше не кому положить. Развѣ вашъ писарь?

— Ну, нашелъ кого! Писарь норовитъ, какъ бы съ кого взять, а попу какъ бы копѣйку положить.—Бабушка пересчитываетъ деньги. Слышится позвякиванье мѣдныхъ монетъ, и какъ она приговариваетъ; „два гроша—копѣйка, двѣ полушки—грошъ, еще двѣ полушки, значитъ—двѣ копѣйки; стало быть,—тридцать пять тридцать шесть“...

— Что ты, мать, долго такъ возишься съ деньгами?—говоритъ дѣдушка.—А ты бы раскладывала на кучки;

копъйки къ копъйкамъ, гроши къ грошамъ, полушки къ полуушкамъ...

— Я и то на кучки. А грошей-то, полушекъ-то! Одни гроши да полушки. И что за народъ, и что за народъ! Попъ для нихъ стой, гни спину, попъ для нихъ работай, служи, вставай въ полночь, а они вотъ какъ... Ну, сколько же, бишь, тамъ? Да..., тридцать шесть, тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять, сорокъ... А вотъ, какая-то совсѣмъ стертая: ни орла на ней, ни надписи... Куда такую денешь?.. Сорокъ одна, сорокъ двѣ, сорокъ три... Батюшки, никакъ пуговица? пуговица и есть! солдатская... Гляди, отецъ: пуговица!—Бабушка несетъ показывать пуговицу. Дѣдушка смотритъ, поворачиваетъ ее съ той и другой стороны.

— Ну, что жъ, возьми и пришай ее куда-нибудь,—невозмутимо говоритъ онъ, отдавая бабушкѣ пуговицу. Бабушка не понимаетъ сразу, шутка это или нѣтъ.

— Вотъ, я возьму и пришью ее къ твоей рясѣ и ходи такъ, какъ отставной солдатъ, какъ нашъ Ермилычъ,—съ сердцемъ говорить она, возвращаясь къ деньгамъ,

— Ну, что жъ, пришай. — Дѣдушка неудержимо смеется.

— И пришью, и пришью. Тебѣ хоть щепокъ наклади, ты все домой принесешь. Эхъ-ма! Ужъ и горе съ тобой, право, горе...

Полы теперь вымыты, столъ покрытъ. Меня ждутъ. Какъ при отъѣздѣ изъ дома мнѣ казалось, что всѣ меня забываютъ, такъ теперь, при возвращеніи, представлялось, что всѣ только и заняты моимъ прїѣздомъ.

— Пора бы ставить и самоваръ,—говорить дѣдушка.—Теперь время ужъ и прїѣхать. Во сколько приходитъ машина?

— А кто ее знаетъ—во сколько,—отвѣчаетъ бабушка.—Испоконъ вѣку приходитъ передъ вечеромъ, а во сколько часовъ, кто ихъ тамъ знаетъ.

Мать, накинувши на-скоро на голову платокъ, на-вѣрно, уже нѣсколько разъ ходила за ворота посмот-рѣть, не ъдуть ли. Она напряженно смотритъ въ сто-рону церкви, изъ-за которой всегда показываются ъду-щіе въ нашу улицу. Почти стемнѣло, и мать возвра-щается.

— Что, не видать? не ъдуть?—спрашиваетъ дѣдушка съ лежанки.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ мать.

— Да ужъ восемь,—взволнованнымъ голосомъ отвѣчаетъ мать.—Пора бы пріѣхать. Развѣ вотъ дорога плоха...

— Дорога... А лошадь-то? Вѣдь ее нужно бить да бить, чтобы рысью пошла. И поглядѣть-то на нее—не лошадь, а кошка,—говоритъ бабушка.

— Велѣли бы самоваръ пока ставить: пока скипѣлъ бы, пока что...—говорилъ дѣдушка.

— Что жъ ему безъ дѣла кипѣть?—громко отвѣ-чаетъ бабушка изъ залы.—У насъ и то постоянно такъ: мы лежимъ въ сумерки, а онъ кипитъ, мы лежимъ, а онъ кипитъ. Ну, чего ему кипѣть? Пріѣдутъ — и по-ставимъ. Да вѣдь и бабу услали на базаръ.

— Какую бабу?—кричитъ дѣдушка.

— Какъ какую? нашу... работницу.

— А-а, такъ бы и сказала. А то: баба... Подумаешь: какая баба съ требой приходила, а вы отослали...—Дѣдушка понижаетъ голосъ и говоритъ самъ съ со-бою:—эти женщины—что галки, начнутъ тараторить, а чтобъ, къ чemu,—не соберешься. Баба-баба, баба-баба... А какая баба...

— Господи, и что же не ъдуть? и что не ъдуть?—

сокрушается мать, качая головой.—Ночь на дворѣ, а ихъ нѣтъ... Ужъ живы ли? Вѣдь вода-то теперь рѣвм-реветъ, а лошаденка-то возьметъ еще да ляжетъ въ водѣ...

— Что ты, Господь съ тобой!—утѣшаетъ бабушка.—Зачѣмъ ей ложиться? Какая тамъ вода! чай, не рѣка. Да и лошадка, право, ничего себѣ: она, кажется, такая шустрая. Зимой я ъхала на ней на станцію—такъ она все бѣжитъ, все бѣжитъ... Такая, право, вострая.

— Охъ, Господи! — плаксивымъ голосомъ говоритъ мать.—Утонуть нешто долго? утонуть не долго. А не утонешь—такъ простудишься на смерть.

— Кто утонетъ?—кричитъ дѣдушка.

— Какой вѣдь любопытный! — ворчитъ бабушка, а сама всетаки идетъ въ спальню объяснять.—Вотъ, она беспокоится, какъ бы чего не случилось въ дорогѣ.

— Да что такое?—не понимаетъ дѣдушка.

— Извѣстное дѣло, боится: большая вода... Какъ бы, дескать, не утонулъ.

— Вотъ еще что!—догадался дѣдушка.—Ишь о чёмъ раздумалась! Утонетъ..., Что же дѣлать? Нужно быть ко всему готовымъ. И утонуть можетъ... Что же подѣлаешь? ничего не подѣлаешь.

— Эхъ, ты! Чѣмъ бы утѣшить человѣка, а онъ свое читаетъ,—съ сердцемъ говорить бабушка и идетъ опять къ матери.

V.

— А-а, кавалеръ, кавалеръ...—весело говоритъ кто-то, выходя изъ комнаты нальво и на ходу застегивая подрясникъ. Это онъ, милый, несравненный дѣдушка, съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами! Я складываю руки для благословенія. Дѣдушка благословляетъ, даетъ цѣловать руку и крѣпко цѣлууетъ меня, прижимая къ груди

мою голову. Все въ какомъ-то радостномъ туманѣ. Я все вижу и какъ будто ничего не вижу: вотъ, впереди свѣтъ, движутся какія-то знакомыя фигуры, кто-то будто всхлипываетъ, идутъ ,въ прихожую, меня распоясываютъ и раздѣваютъ. Я перехожу изъ рукъ въ руки. Меня обнимаютъ, цѣлуютъ, у кого-то лицо мокрое, меня срашиваютъ, не озябъ ли я, предлагаютъ пойдти на лежанку. Я говорю, что не озябъ; но самъ не знаю и не соображаю, озябъ я или нѣтъ. Всетаки очутился на лежанкѣ. У, какъ свѣтло, тепло и уютно въ комнатѣ! Около постели дѣдушки ярко горитъ лампа, раскрыта книга, должно быть „Письма святогорца“, на книгѣ очки съ чернымъ шнуркомъ. Мнѣ не сидится на лежанкѣ. Я соскаакиваю и бѣгу къ одному окну. Темно, но еще видно: милый садъ! вонъ и огромный вязъ обрисовывается на вечернемъ небѣ, а вонъ и сугробъ бѣлѣется... Бѣгу къ другому окну: милый дворъ съ соломенной крышей! коровы стоятъ неподвижно и лѣниво двигаютъ челюстями.

Во входныхъ дверяхъ, почти доставая головой о верхнюю перекладину, появляется Петръ Михайловъ, бережно держацій въ рукахъ мой узелокъ. Онъ, снявши шапку, молится, и дѣдушка его благословляетъ.

— Ну, здравствуй, рабъ Божій Петръ. Хорошо ли добрались?

— Ничего, благодаря Бога,—отвѣчаетъ Петръ Михайловъ,—только въ Чешуевѣ маленько поплавали. Подѣѣзжаемъ...

— Небось, озябъ и промокъ?—перебиваетъ дѣдушка. Не хочешь ли погрѣться? Вѣдь сущимъ въ пути разрѣшается, да и „Душеполезную совершивше четыредесятницу“—пѣли давеча. И лапти-то,—гляди,—у тебя всѣ мокрые.

— Что же, выпью во славу Божію, — говоритъ

Петръ Михайловъ, оглядывая свои лапти. Дѣдушка наливаетъ рюмку, а Петръ Михайловъ приготовляется; сморкается въ сторону, отворачиваетъ край овчинной шубы и имъ утирается.— Ну, благословите, батюшка, и здравствуйте, — произносить онъ, крестится, кланяется и пьетъ, а его слезливые глаза моргаютъ, и онъ смотритъ ими не то въ потолокъ, не то на рюмку. Дѣдушка наливаетъ другую. Петръ Михайловъ пьетъ и другую, потомъ глубоко, однимъ носомъ тянетъ въ себя воздухъ и плюетъ. Ему подаютъ чернаго хлѣба съ соленымъ огурцомъ.

— Подѣзжаемъ,—продолжаетъ Петръ Михайловъ, звучно откусывая огурецъ,—глянуль я: батюшки мои! вода-то, вода-то... такъ и реветь черезъ плотину. Ну, просто „житейское море воздвигаемое“... Перекрестился я, и пошелъ въ воду! И ничего: лошаденка моя вывезла. Только встать на ноги пришлось. Слава Богу! Это видно про меня сказано: „яко Петра мя, Управителю, спаси“...—Петръ Михайловъ смеется своей находчивости. Смеется и дѣдушка.—Эхъ, ты, книжникъ, во дьячки ты годишься... Ну, ступай съ Богомъ, отдохни... Спасибо тебѣ, что мальчишку сберегъ.

— Ничего не подѣлаешь, — какъ будто извиняется Петръ Михайловъ, что сберегъ мальчишку, прощается и низко нагибается, чтобы идти въ дверь. Mnѣ очень его жаль, что онъ не остается съ нами, въ свѣтлой и сухой комнатѣ, около самовара, а пойдетъ въ свою темную и сырью избу, гдѣ кричать ребятишки, и теленокъ у печки тонкими ногами скользить и падаетъ на сырому полу. Тусклая лампа освѣщаетъ только темные лики иконъ на полкахъ, цвѣтистые обои въ переднемъ углу, картину св. града Йерусалима, столъ съ хлѣбными крошками да одно окно съ мокрыми стеклами; печь, двери, задніе углы тонутъ во мракѣ. Петръ Ми-

хайловъ еще будетъ распрягать лошадь, которая будетъ покорно стоять, низко опустивъ голову отъ усталости, будетъ задавать ей корму, посмотритъ остальную скотину подъ темнымъ навѣсомъ.

Марья, наша кухарка, внесла кипящій самоваръ. Меня, какъ новаго человѣка, усаживаютъ на стуль съ мягкимъ сидѣніемъ. Всѣ усѣлись около стола. Марья, поставивши на столъ самоваръ, поздравила меня съ пріѣздомъ и, остановившись въ сторонѣ, стала меня разматривать.—И-и-и, — закачала она головой, — худой-то какой, тощій какой! Или ужъ васъ тамъ кормятъ плохо? а?

— Это отъ ученья, а не отъ ъды,—наставительно поясняетъ бабушка.

— Учиться-то не то, что хлѣбы мѣсить,—говорить дѣдушка.

— Да чemu ужъ, батюшка, учиться-то?—обращается къ дѣдушкѣ Марья.—Вѣдь онъ,—она указала на меня глазами,—и такъ грамотный и, кабы не былъ малъ, годился бы въ попы, право. Наши мужики и то постоянно говорятъ: „ужъ и ловокъ, молъ, по церкви этотъ Сережа поповъ,—и кадило разжигаетъ, и на колокольнѣ звонить, и на крылосяхъ поетъ“... Чего еще надо?—Марья продолжаетъ пристально глядѣть на меня, качать головой и приговаривать: „худъ, худъ“.

Самоваръ клокочетъ, бурлитъ, пуская во всѣ стороны клубы пара. Наконецъ-то,—самоваръ, а не противные чайники: маленький и большой, какъ на казнѣ. За чаемъ я принимаю привычную съ дѣтства позу: поставивъ ноги на нижнюю перекладину стула, придерживая блюдечко обѣими руками, но не поднимая его со стола, я громко тянулъ въ себя горячій чай. Мнѣ положили „въ накладку“ ради прѣзда.

— А у васъ, въ училищѣ, уже не полагается казен-

наго чайку?—обращается ко мнѣ дѣдушка, протягивая пустую чашку къ самовару.

— Нѣтъ.

— Значитъ, кто хочетъ, пей свой?

— Да.

— А какая ужъ особенная радость въ чаю?—говоритъ бабушка, продолжая пить съ усиліемъ съ блюдечка чай и не глядя ни на кого.—Иной разъ такъ надоѣстъ, чашку насилиу выпьешь. Вода она—вода есть, только желтая. Никакой пользы я въ немъ не вижу: только запотѣешь. А сахару какой переводъ!

— Не хочется—не пей,—говоритъ дѣдушка.

— Да оно какъ будто требуется. Вечеръ настанетъ, нужно законъ исполнить. Чашками загрѣмятъ, ну, и идешь къ столу.

Молчаніе. Слышно, какъ всѣ дуютъ на чай и пьютъ его съ блюдечекъ.

— Что про владыку слышно?—прерываетъ молчаніе дѣдушка, опрокинувши на блюдечко пустую чашку и перекрестившись.—Бываетъ ли онъ у васъ?

— Былъ постомъ.

— Ну, что же, вы ему „ис-полла“?

— Да.

— А онъ васъ благословилъ?

— Да. Ряса на немъ синяя.—Глаза дѣушки блестятъ. Онъ всегда съ восторгомъ слушаетъ и говоритъ про архіереевъ.

— Да какъ у насъ звать теперь архіерея?—спрашиваетъ бабушка.

— А ты и не знаешь?—укоризненно качаетъ головой дѣдушка.—Палладій. А ты, видно, только и знаешь, какъ твою Марью звать?..

— Да я ужъ и счетъ архіереямъ потеряла: они постоянно мѣняются. Дьяконъ нашъ и то постоянно

ошибается. Чуть привыкнетъ поминать одного, глядь: ужъ другой... Да имена-то все трудныя: весь языкъ изломаешь.

— Да...—вдумчиво говоритъ дѣдушка, подперши рукой сѣдую голову,—много я пережилъ ихъ. Это теперь какой? Девятый либо десятый... Да! Когда поступилъ я учиться, былъ Сергій,—это было, видно, въ 1820 году. — потомъ?.. — Дѣдушка сталъ загибать на рукахъ пальцы. — Филаретъ... Филаретъ... Потомъ... потомъ... Кто же потомъ?.. Дай Богъ памяти... Да! Григорій—вотъ кто, строгій такой, онъ потомъ былъ въ Петербургѣ. Потомъ: Евгеній, умнѣйшій человѣкъ, этотъ меня рукополагалъ въ 1832 году. Не могу его забыть. Сначала я былъ въ одной слободѣ, около города, много раскольниковъ, ну, я и пріунылъ. Пріунылъ и я подаю ему прошеніе о переводаѣ сюда, написалъ и про раскольниковъ. Что же вы думаете? Положилъ резолюцію: „видитъ волка грядуща, и оставляетъ овцы, и бѣгаетъ“... Всетаки перевелъ. Боже мой, никогда я этого не могу забыть... Ну, потомъ—Гавріилъ, добрѣйшій человѣкъ! Послѣ Гавріила... вотъ забылъ имя... ты не помнишь, мать?

— Чего?

— Какъ звать этого архіерея? онъ еще у насъ, въ домѣ былъ.

— Да ихъ у насъ много перебывало.

— Такой горячій... Онъ,—сказываютъ,—еще говоривалъ: „мой прадѣдъ — еврей, дѣдъ — іерей, отецъ — протоіерей, а я—архіерей“.

— Можетъ быть, Смарагдъ?

— Вотъ - вотъ! — радостно подхватилъ дѣдушка.— Смарагдъ... Смарагдъ... Господи Боже мой,—умиляется дѣдушка,—сколько прошло времени! А больше всѣхъ въ памяти Преосвященный Гавріилъ. Вотъ, ужъ ис-

тино ангельской души быль человѣкъ! Я при немъ быль двадцать пять лѣтъ благочиннымъ. Онъ и любилъ меня очень. А за что? Ужъ очень я не любилъ бумагъ всякихъ, особенно кляузныхъ. „Отецъ благочинный,—спрашиваетъ однажды онъ меня,—или у тебя, въ благочиніи всѣ ладно живутъ? кляузъ отъ тебя мало“. А я и говорю ему:—Ваше Преосвященство, я съ ними по-просту.—„Какъ такъ, говоритъ, по-просту? вѣдь они не ангелы у тебя“. А я отвѣчаю:—Владыко святый, простите, я вотъ какъ дѣлаю. Провинится въ чемъ-нибудь, скажемъ, дьячекъ, а я пріѣду въ это село, все сдѣлаю, что мнѣ нужно, да и говорю этому дьячку:—запрягай, братъ, лошадь и вези меня до слѣдующаго села.—Вотъ, ъдемъ. Мой дьячекъ молчитъ да знай лошадь погоняетъ: хочется ему поскорѣе доправить меня. А я ему:—ты, братецъ, дай-ка лошади вздохнуть.—А самъ его давай пробирать:—да какъ ты смѣль это сдѣлать? а? Я на тебя Владыкъ... Ужъ я его, ужъ я его!.. Подъ конецъ заплачетъ мой дьячекъ: „простите, отецъ благочинный, сроду больше не буду“. И никогда бумагъ жалобныхъ не пишу.—Одобрилъ меня Владыка, похлопалъ по плечу и говоритъ: „иди и впредь твори такожде“. Вотъ, какъ прежде было. А нынче? Бумаги, отношенія, номера, входящія, исходящія... А ссоры все больше да больше. Эхъ, грѣхи наши тяжкіе!—Дѣдушка склонилъ свою сѣдую голову и молчитъ.—Ну, а не сѣкуть васъ въ училищѣ?—обращается онъ ко мнѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчаю я,—насъ на колѣна ставятъ, а то за голодный столъ сажаютъ.

— Насъ-то!—опять предается воспоминаніямъ дѣдушка, полузакрывая глаза и скрестивъ на груди руки,— и кормили кашей съ червями, и учили въ нетопленныхъ классахъ, и сѣкли!.. Вы теперь живете, какъ баре.

— И тебя съкли?—не безъ лукавства освѣдомляется бабушка у дѣдушки.

— Одинъ только разъ... И надоумилъ меня лукавый отъ греческаго удратъ. Я себѣ тихонько... въ садъ, да хотѣлъ было черезъ стѣну махнуть... Не тутъ-то было: кто-то за ногу хватъ! Гляжу: самъ о. инспекторъ... „Стой, Добротворцевъ“! Свалился я со стѣны, какъ мѣшокъ. И всыпали мнѣ горячихъ; иду да почесываюсь. Съ тѣхъ поръ *finis*: не сталъ отъ классовъ бѣгать.

— Это что же такое финисъ?—опять съ лукавствомъ и сдерживая улыбку, спрашиваетъ бабушка.—Начальникъ какой-нибудь?

— Ха-ха-ха,—смѣялся дѣдушка,—а ты у дьячихи спроси: можетъ быть, это приправа какая—въ огурцы класть. Ха-ха-ха...

— А, можетъ быть, обѣ этомъ въ моихъ метрикахъ написано?—хочетъ бабушка.

— Ужинать лучше собирай. А то,—глядитъ,—малый совсѣмъ глаза заводитъ. Да что ты все ёжишься?— обращается дѣдушка ко мнѣ.—Видно, покусываютъ? Его нужно хорошенъко обыскать,—говорить онъ моей матери,—а то вѣдь,—я знаю,—на казнѣ живности водится много: небось, и въ волосахъ, и въ рубашенкѣ...— Въ день моего пріѣзда домой все это исполнялось матерью: голова тщательно вычесывалась частымъ гребешкомъ, бѣлье освобождалось отъ насѣкомыхъ, которыхъ было множество въ казенныхъ одѣялахъ и которыхъ я всегда въ изобилии привозилъ домой, и только тогда меня допускали до постели.

Но вотъ, я и въ кровати, рядомъ съ дѣдушкой, у стѣнки. Все плохое и мучительное куда-то ушло: Японія, Китай, пыль, матрацы, звонки, тумбы, извозчики... Даже все пріятное, что меня приближало къ

дому: дребезжащія въ вагонѣ стекла, узлы, щеголеватый кондукторъ, грязная дорога, вода, плотина,—все точно задернулось завѣсой. Осталось одно хорошее, радостное, веселое. Въ комнатѣ тепло и тихо. Лампа на дѣдушкиномъ столикѣ ярко освѣщаетъ комнату. Картины со всѣхъ стѣнъ смотрятъ на меня, и я точно видаюся съ ними: „Османъ-паша отдаетъ свою саблю“, „Совѣщеніе во дворцѣ султана послѣ взятія Плевны“, и султанъ, поджавши подъ себя ноги на диванѣ, глубокомысленно приставилъ указательный палецъ ко лбу, „Вотъ, на пути село большое, туда ямщикъ мой посмотрѣль“. Надъ самой лежанкой, на перегородкѣ какіе-то африканскіе дикари, лохматые, полуобнаженные, съ огромными дубинами,—какія-то необыкновенныя птицы, барыни въ кринолинахъ. Бабушка очень любить эти картины. „Отецъ, погляди,—говоритъ она часто дѣдушкѣ,—зачѣмъ они всѣ голые? или имъ очень жарко?—Кому жарко?—недовольнымъ голосомъ отвѣчаетъ дѣушка, которому не хочется отрываться отъ книги.— „Да вотъ этимъ мужикамъ съ дубинами. Должно быть, въ той странѣ жара страшная. И зачѣмъ они съ дубинами?—уже одна размышляетъ бабушка.—Можетъ быть, они—разбойники, такъ и бродятъ по лѣсамъ... А, можетъ быть, и начальники какіе-нибудь, какъ у насъ сотскій Артёмъ все съ палкой ходитъ... Волосы у нихъ какіе длинные да вспуклченные, точно у нашего Данилы... А что они—крещеные?—Кто?—„Да я все про этихъ, про дикарей“.—А кто-жъ ихъ знаетъ! я тамъ не былъ, должно быть, некрещеные...— „И люблю я на эти картины глядѣть,—опять размышляетъ бабушка:—право, точно въ тѣхъ мѣстахъ побываешь“.

Дѣушка гаситъ лампу. Сначала дѣлается очень

темно, потомъ проступаютъ оконныя клѣтки, смутно обрисовывается печь, чуть бѣлѣютъ картины на стѣнахъ. Я думаю о томъ, какъ завтра церковный сторожъ Абрамъ поѣдетъ за вербами, какіе у нихъ пушистые, круглые шарики, и какъ хорошо этими шариками пройти по лицу. Дѣдушка шепчетъ что-то, чего нельзя разобрать. Слышно только: „Общее воскресеніе“...

Священникъ **С. Соколовъ.**

Письма въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнаго Николая, архіепископа Японскаго¹⁾.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переписка въ Бозѣ почившаго знаменитаго Архіепископа Николая Японскаго съ Начальникомъ Корейской Духовной Миссіи Архимандритомъ Павломъ началась съ 1906 г., послѣ того какъ послѣдній предъ отправленіемъ въ Сеулъ, къ мѣсту своего новаго служенія, побывалъ въ г. Токіо для получения благословенія и наставлений отъ Аввы—міссионера (Объ этихъ наставленияхъ см. „Прав. Благовѣстникъ“ за 1906 г.—„Письмо къ другу міссионеру“): Переписка эта прекратилась въ 1911 г. незадолго предъ смертю Архіепископа Николая и состояла главнымъ образомъ изъ руководственныхъ наставлений Аввы своему ученику—міссионеру, почему она и имѣетъ не только обще-литературный, но и въ частности міссионерской интересъ и можетъ служить материаломъ для обрисовки личности выдающагося православнаго русскаго дѣятеля, апостола Японіи...

1) Въ „Гол. Церк.“ (см. 1912 г. м. Апрѣль) уже печатались письма + архіепископа Японскаго Николая. Теперь намъ доставлены *новыя* письма + архіеп. Николая къ начальнику Корейской Духовн. Міссіи архим. (нынѣ епископу) Павлу.

Письмо первое.

31 Июля 1906

Токио.

Русская Дух. Миссия.

*Ваше Высокопреподобие, досточтимый и достолюбезнѣйший отецъ
Архимандритъ Павелъ!*

На дняхъ я получилъ прилагаемое письмо для Васъ, а третьяго дня новый подарокъ Вашъ: двѣ книги: „ко Гробу Господню“ и „Благодарственная пѣснь Искупителю“. Полученіе книжекъ удостовѣрило меня, что Вы благополучно достигли Владивостока. Благодарю Васъ за добрую память; книжки поступать въ библіотеку на всегдашнее воспоминаніе о Васъ.

Изъ сегодняшнихъ телеграммъ видно что Г. Плансонъ ¹⁾ уже въ Кореѣ. Вы скоро ли туда? Даи Богъ поскорѣе, и благослови Васъ Боже развить дѣло Миссіи тамъ блестательно!

Здѣсь послѣ соборной сутолоки ²⁾ все успокоилось.

Я сижу и пишу письма въ Россію, да хожу иногда посмотретьъ на производящіеся ремонты, обычное капикулярное дѣло.

Вчера рукоположенъ въ іеря для русскихъ въ Нагасаки діаконъ Антоній Такан. Съ недѣлю будетъ учиться служить по-русски, и потомъ отправится въ Нагасаки служить для русскихъ, проповѣдывать Японцамъ.

Высокопреосв. Евсевію прошу свидѣтельствовать мой низкій поклонъ и просить молитвъ Его и благословенія для меня и всей Японской церкви.

У Васъ также прошу Св. молитвъ и благословенія, и въ свою очередь, призываю благословеніе Божіе на Васъ и Ваше дѣло, съ сердечною братскою любовію и глубокимъ уваженіемъ къ Вамъ остаюсь Вашимъ покорнѣйшимъ слугою и богомольцемъ

Архієпископъ Николай.

¹⁾ Е. А. Плансонъ, упоминаемый въ письмахъ, состоялъ русскимъ Генеральнымъ Консуломъ въ Кореѣ.

²⁾ Ежегодный соборъ Японской Церкви въ 1906 г. особенно былъ многолюдный, такъ какъ совпалъ съ празднованіемъ 25 л. юбилея въ Епископскомъ санѣ Архиеп. Николая.

Письмо второе.

2/15 Октября 1906.
Токіо. Суругадай.
Русская Дух. Миссія.

Достоуважаемый и дорогой отецъ Архимандритъ Павелъ!

Да благословитъ Васъ Господь на мѣстѣ Вашего служенія! Привѣтствуя Васъ съ прибытіемъ и водвореніемъ.—Да какая же у Васъ полная Миссія¹⁾! Японія такой у себя никогда не видала, а если видала иногда, то только для того, чтобы сказать ей: „здравствуй и прощай“. Дай Богъ чтобы у Васъ этого не было. Часто пересаживаемое растеніе едва ли приносить хороший плодъ; и дай Богъ, чтобы и Вы сами и тѣ, которые съ Вами, глубоко пустили корень въ Корейскую почву.—Господь несомнѣнно благословитъ Васъ тогда многимъ плодомъ, такъ какъ Господь всегда же вѣдь желаетъ всѣмъ—и Корейцамъ—спастися и въ разумѣ истины прійти. Прямо видно, что благословеніе Божіе осѣняетъ Васъ и Корейскую Миссію,—иначе откуда бы у Васъ разомъ столько сотрудниковъ²⁾?—Будьте любезны сообщить, какъ устроились, какъ начато дѣло Божіе.

Почтенному Егору Антоновичу Плансону съ его супругой прошу передать мой душевный привѣтъ и поклонъ.

И здѣшнюю Миссію Господь, кажется, хочетъ посѣтить милостью. Слышно, что о. Архимандрита Андроника назначаютъ сюда викаріемъ. Дай Богъ!

Здѣсь все по Миссії и церкви идетъ обычнымъ порядкомъ. О. Симеонъ Мію, въ качествѣ благочиннаго, вмѣстѣ съ редакторомъ (бывшимъ на Соборѣ секрѣтаремъ), Петромъ Исакова, путешествуетъ по церквамъ, чтобы вырвать у христіанъ пожертвованіе для содержанія катихизаторовъ. Нынѣ они въ церквяхъ Хоккандо (эзо); дѣло идетъ довольно успѣшно,—вездѣ христіане отзываются и обязываются жертвовать ежемѣсячно,—хотя—небольшія суммы,—больше 4-хъ

¹⁾ Сеульская Миссія въ то время имѣла: іером. Владимира, псаломщика іерод. Кирилла и сверхштатнаго регента монаха Феодосія помимо Начальника Миссії.

²⁾ Архиеп. Николай удивляется, что весь скучный штатъ Сеульской Миссії (3 лица) былъ замѣщенъ, а это рѣдкое явленіе для Миссії.. Не характерно ли все это для обрисовки нашего мис. дѣла!..

энъ въ мѣсяцъ катихизатору еще ни одна церковь не дала; но слава Богу и за это!

Въ Семинарію къ намъ съ о. Сахалина рыбопромышленникъ Юркевичъ привезъ своихъ двухъ сыновей и упросилъ взять на воспитаніе; а теперь еще изъ Харбина военное начальство просить принять уже 23 мальчиковъ,—дѣло, очевидно, для насъ совсѣмъ неиспытанное,—помѣстить негдѣ, но на 10 мы послали согласіе,—столько какъ нибудь размѣстимъ по комнатамъ между японскими учениками,—и пусть одолѣваютъ сначала японскій языкъ, а потомъ—общее образованіе.—У Васъ какъ школа идетъ? Увѣдомляйте почаше о себѣ и своихъ дѣлахъ по Миссіи. Будемъ вмѣстѣ радоваться всему добруму, и посмотримъ вмѣстѣ, если Господь и нежелательнымъ чѣмъ посѣтитъ.

За Шекинскую Миссію можно только радоваться. Тамъ, кажется, все отлично идетъ. Преосвяц. Иппокентій съ своею молодою энергию ведетъ дѣло великколѣпно.

Молитвенное благословеніе и всѣ благожеланія Вамъ и всей Вашей братіи! Да укрѣпляетъ Васъ всѣхъ Господь, и да дастъ неукоснительно возрастать изъ силы въ силу въ Вашемъ богоугодномъ служеніи!

Истинно любящій и уважающій Васъ Вашъ слуга и богоомолецъ

Архіепископъ Николай.

Путь къ Богообщенію *).

Какъ физически больной, хотя бы его болѣзнь была и продолжительна и опасна, надѣется прийти въ здоровое состояніе,—такъ и человѣкъ христіанинъ, какъ бы силою духовной проказы (страстями) не быть охваченъ, не лишенъ надежды при помощи благодати Божіей оздоровить свою душу. Онъ чаетъ своего горячаго отечества, идѣ же Богъ. Ему, какъ больному, предносится это древнее отечество и владычественное въ немъ пребываніе и соцарствованіе со своимъ Владыкою. Только тамъ, только въ Немъ онъ видить назначеніе и цѣль своего бытія: въ Томъ, откуда онъ произошелъ и отъ Кого получилъ свое Божественное благородство. „Хотя и изъязвлена душа язвами постыдныхъ страстей, хотя ослѣплена грѣховною тьмою, однако имѣеть волю возопить къ Иисусу и призвать Его, чтобы пришелъ Онъ и сотворилъ душѣ вѣчное избавленіе ²⁾“.

Изъ отцовъ—аскетовъ особенно ясно выраженное ученіе о назначеніи человѣка мы находимъ у преп. Макарія Египетскаго. *Послѣднюю цѣль и верховное благо человѣка онъ полагаетъ въ Богообщеніи; нѣть иной такой благости и взаимности, какая есть у души съ Богомъ и у Бога съ душою*“, говоритъ Св. отецъ. Близость эта выражается въ томъ, что Богъ вступилъ не съ тварями, Имъ созданными, въ общеніе, а съ однимъ человѣкомъ, и только въ немъ одномъ почиваетъ, какъ на своемъ престолѣ. Человѣкъ чрезъ такое тѣсное общеніе со своимъ Богомъ дѣлается Его взаимнымъ сродникомъ ³⁾. Онъ сталъ ея Женихомъ, она—Божественной

*.) *Очеркъ пятый.*—См. „Гол. Ц.“—1912 г. м. Дек.

¹⁾ Древ. Пат. Сл. Авввы Пимена X, 77; XI, 80.

²⁾ Мак. В. 20, 7.

³⁾ Бес. 45, 5.

Невѣстой¹⁾. Высоко достоинство человѣка. Посему онъ и не находить нигдѣ покоя, какъ только въ Богѣ²⁾. Въ такомъ сродствѣ съ Богомъ человѣкъ состоить по первоначальному назначенію въ твореніи. Имѣя такое высокое назначеніе человѣкъ быль приспособленъ къ нему уже въ самомъ твореніи, въ твореніи онъ быль поставленъ у цѣли жизни³⁾. Первые люди и были дѣйствительно въ Богѣ, и обладали они великими преимуществами и благами, ибо „были облечены Божіею словою⁴⁾. Человѣкъ, имѣя чистый умъ, созерцалъ Владыку своего и царствовалъ наѣтъ своими помыслами и блаженствовалъ, покрываемый Божественною словою⁵⁾. Само пребывавшее въ немъ Слово было для него всѣмъ: и человѣкъ быль въ чести и чистотѣ, чуждъ быль въ чести и чистотѣ, чуждъ быль демонамъ, чистъ отъ грѣха, или отъ пороковъ,—быль Божіимъ подобіемъ⁶⁾.

Когда человѣкъ палъ, то, свободно разорвавъ родственный союзъ съ Богомъ, удалился отъ Источника жизни—истиннаго Бога. Преступленіе внесло въ природу богоподобной луши его зло, разстроившее такъ сильно душу, что для возсоединенія прежде бывшей въ немъ гармоніи и возстановленія родственаго съ Богомъ союза, надлежало явиться во плоти на землю для страданій самому Сыну Божію. Христосъ—Господь совершилъ спасеніе человѣка: привель его къ Своему Отцу давъ ему и нужную благодать Св. Духа. Теперь остается человѣку выйти изъ ограниченности своей природѣ и претвориться снова въ Божественное естество. Душъ, истинно во Христа вѣрующей, должно изъ нынѣшняго порочнаго перейти въ состояніе иное, доброе, и нынѣшнее уничтоженное естество измѣнить въ естество иное, божественное, и содѣлаться естествомъ новымъ, при содѣйствующей силѣ Святаго Духа⁷⁾. Отсюда, мудрыя дѣвы, это тѣ, которые стремятся къ необычайному для своего естества, а юродивыя—это люди, оставившіеся при собственномъ есте-

¹⁾ Тамъ-же, 49, 5.

²⁾ Тамъ-же, 45, 5. Ис. Спр. 56 сл.

³⁾ Тамъ-же, 46.

⁴⁾ Тамъ-же 12, 8.

⁵⁾ Тамъ-же 45, 1; 15, 23; 12, 6.

⁶⁾ Тамъ-же, 26, 1.

⁷⁾ Мак. Вел. 45, 5.

ствѣ¹⁾). Человѣкъ, приблизившійся къ совершенству, дѣлается чѣмъ-то большимъ себя самого, потому что обожается и становится сыномъ Божіимъ²⁾). Его душа, соединяясь съ Духомъ Святымъ, становится свѣтомъ, вся—окомъ, вся—духомъ, вся—радостю, вся—упокоенiemъ, вся—радованiemъ, вся—любовью, вся—милосердіемъ, вся—благочестію и добро-тою³⁾). Достигши этой степени совершенства суть сыны, господа и боги, цари и владыки⁴⁾). Силою Духа они не только возвращаются къ первобытному совершенству Адама, но становятся выше его, потому что дѣлаются обожженными⁵⁾.

Огсюда слѣдуеть съ непререкаемою убѣдительностью, что человѣкъ можетъ жить только тогда, когда войдетъ въ живое общеніе со своимъ Богомъ, Который есть истинная самосущая Жизнь и полнота благъ. Внѣ этого благодатнаго общенія, внѣ пріобщенія этой Жизни, человѣкъ не можетъ жить: отступленіе отъ Бога есть смерть⁶⁾. Если Богъ есть Свѣтъ, говоритъ преп. Феодоръ Студитъ, Жизнь и Истина, то какъ не вожделенно стремиться къ Нему, искать общеніе съ Нимъ живого и достигнуть его. Такимъ образомъ, предъ каждымъ изъ насъ лежитъ жизнь и смерть. Емлемся за жизнь, емлемся за бессмертие; отъ тьмы же, мрака и пагубы отбѣжимъ, да сподобимся царствія небеснаго во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ⁷⁾.

Путь къ такому богообщенію у человѣка долженъ состоять въ развитіи въ себѣ всѣхъ тѣхъ даровъ духовныхъ, какими онъ преимущественно былъ надѣленъ отъ Своего Творца, чрезъ достижение чистоты души, которая „есть первоначальное дарование нашего естества“⁸⁾. Достиженію этой необходимой чистоты душевной на землѣ и мѣшаютъ страсти человѣческія. Страсть—это дверь, заключенная предъ лицомъ Чистоты. Если кто не отворитъ этой двери, тотъ не войдетъ

1) Мак. Вел. 4, 6, 8.

2) Мак. Вел. 15, 33.

3) Мак. Вел. 18, 10.

4) Мак. Вел. 17, 1, 27, 3.

5) Мак. В. 26, 2.

6) Григор. Г. противъ Еви. VIII, кн. V, ч. 135.

7) Добр. IV, 345.

8) Ис. Сир. 54 сл.

въ непорочную и чистую область сердца¹⁾. Между тѣмъ чистота души составляетъ единственное, необходимое и обязательное условіе для достиженія созерцательнаго единенія съ Богомъ²⁾. Кто не побѣдилъ грѣховныхъ страстей, въ комъ хоть нѣсколько еще живутъ плотскія страсти, тотъ не можетъ видѣть Бога, какъ и Самъ Онъ говорить: не возможешъ видѣти Лица Моего³⁾. Какъ невозможно, чтобы кто-либо видѣлъ лицо свое въ мутной водѣ, такъ и душа, если не очистится отъ чуждыихъ (т. е. страшныхъ) помысловъ, не можетъ созерцательно молиться Богу⁴⁾. Поэтому, говорить св. Григорій Богословъ, сперва надо очистить себя, а потомъ уже бесѣдовать съ Чистымъ⁵⁾. Надо истребить въ себѣ языческіе народы (страсти) и тогда, вошедши въ обѣтованную землю, можно успокоиться во святынищѣ Богожіемъ⁶⁾. Итакъ, если страсти препятствуютъ душѣ быть чистою предъ Богомъ, и если онѣ служатъ преградою сокровеннымъ добродѣтелямъ души⁷⁾, чрезъ упражненіе въ которыхъ она можетъ достигать этой спасительной для нея чистоты, — то борьба съ ними является неизбѣжной и необходимой⁸⁾.

Этотъ неизбѣжный путь борьбы со страстями и пороками, по учению отцовъ-аскетовъ, для человѣка составляетъ приналежность всей его истинно-христіанской жизни. Борьба эта должна быть неуклонной и постоянной⁹⁾: она не должна прекращаться даже и тогда, когда чрезъ побѣду надъ страстями достигнетъ безстрастія, и поэтому ведется истиннымъ христіаниномъ, пока онъ во плоти,—до смерти¹⁰⁾.

Изъ сказаннаго уже съ очевидностью открывается, что человѣку, для достиженія цѣли богообщенія, необходимымъ путь борьбы съ самимъ собою — со своими домашними врагами „страстями“. Этотъ путь борьбы — есть *отрицательный*

¹⁾ Ис. Сир. 4 сл.

²⁾ Тамъ же 58, 305; 32, 152.

³⁾ Ин. Кас. Соб. I, 15.

⁴⁾ Древн. пат. гл. 12, 16.

⁵⁾ Твор., ч. III, 39 сл. 213. Изд. М. Д. Ак.

⁶⁾ Мак. Вел. 25. 7.

⁷⁾ Ис. Сир. 72 сл.

⁸⁾ Мак. В. 15, 11; ср. Ефр. С. III, 72, 365.

⁹⁾ Добр. II, 456, 102; 678, 103.

¹⁰⁾ Ин. Кас. кн. V, 19; IV, 37; Добр. I, 574, 25.

путь достижения человечкомъ своей цѣли. Если бы человѣку можно было идти прямо только путемъ положительного развитія и усвоенія содержанія, предлагаемаго христіанскою нравственностью, то, конечно, и подвижничество излишне, но въ силу состоянія его падшей природы ему необходимъ оказывается прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ подавленія въ себѣ нажитаго имъ содержанія жизни ¹⁾). Однако этотъ (отрицательный) путь борьбы одинъ не можетъ привести человѣка къ достиженію имъ совершенства на землѣ и полнаго безстрастія, которое есть палата Небеснаго Царя ²⁾). Каждый желающій спастись, долженъ не только не дѣлать зла, но обязанъ дѣлать и добро, какъ сказано въ Исаімѣ: уклонися отъ зла и сотвори благо ³⁾). Слѣдовательно, человѣкъ на ряду съ процессомъ его борьбы необходимо долженъ заботиться о насажденіи добродѣтелей: необходимъ положительный путь ведущій прямой стезей въ Горнное Отечество. Работа здѣсь совершается одновременно двойная: разрушеніе и созиданіе, насажденіе и искорененіе, ибо пороки побѣждаются противоположными добродѣтелями и искорененіе порока есть ничто иное, какъ насажденіе добродѣтели, и совершается только подъ этимъ условиемъ. Земля сердца не остается и не можетъ оставаться пустою, и поскольку добродѣтели входятъ во владѣніе его, поскольку исторгаются пороки ⁴⁾). Поэтому, является полная возможность соединенія въ процессѣ религіозно-нравственного совершенства христіанина двухъ, ведущихъ къ этому совершенству, путей: положительного и отрицательного ⁵⁾). Болѣе того, отрицательный моментъ аскетического дѣланія человѣка неразрывно—органически связанъ съ моментомъ положительнымъ и получаетъ настоящую свою силу и значимость въ духовной жизни именно вслѣдствіе преуспѣянія въ послѣднемъ, въ мѣру его дѣйствительнаго осуществленія ⁶⁾). Такимъ образомъ, потребность подвижничества, по взгляду отцовъ-аскетовъ, коренится въ глубинѣ природы падшаго человѣка и

1) Іером. Феодоръ. Аскетич. въз. I. Кассіана—118 стр.

2) I. Лѣстv. 19, 14.

3) Авва Дороѳ. п. 12, 143.

4) I. Кас. Соб. V, 23; Ис. Сир. 54 сл.; Авв. Дороѳ. П. II, 125.

5) Еп. Ф. Путь ко спасенію 266—267.

6) См. Заринъ. Аскетизмъ II ч. 307.

есть необходимое явление жизни на началахъ души по преимуществу и въ интересахъ его нравственного усовершенствованія ¹⁾.

Само собой теперь возникаетъ вопросъ о томъ, гдѣ искать подвижнику средствъ для борьбы съ такимъ многочисленнымъ и сильнымъ врагомъ (сильнымъ потому, что на сторонѣ испорченной человѣческой природы съ ея страстями и пороками не малыми пособниками являются злые силы— демоны ²⁾). Отвѣтомъ на это служить ученіе отцовъ-аскетовъ о природной способности человѣка къ добру и о благодати Божіей, какъ необходимомъ средствѣ спасенія. По ученію преп. Макарія Вел., человѣкъ имѣть въ себѣ для проявленія духовной жизни нѣкоторое наличное количество тѣхъ силъ, которыя, бывъ сообщены ему Богомъ въ началѣ, послѣ грѣхопаденія не потеряли возможности направлять его къ добру. Несправедливо, говорить этотъ св. отецъ, иные утверждаютъ, что человѣкъ рѣшительно умеръ и вовсе не можетъ дѣлать добра ³⁾, ибо зло не совсѣмъ умертило человѣка ⁴⁾: въ немъ послѣ грѣхопаденія осталось видѣніе ⁵⁾, остался и умъ, который живеть, разсуждаетъ, имѣть волю ⁶⁾, осталась въ человѣкѣ и свобода, какую Богъ далъ ему вначалѣ ⁷⁾. Поэтому, продолжаетъ св. отецъ, въ разсужденіи рачительности къ добрымъ дѣламъ никто да не представляетъ въ предлогъ, что не въ силахъ онъ совершать дѣль, спасающихъ душу, потому что Богъ не повелѣваетъ рабамъ Своимъ чего-либо невозможнаго, но явилъ столь преизобилійную и богатую любовь и благость Божества, что каждому даетъ возможность, *по волѣ его*, сдѣлать что-либо доброе и никто изъ имѣющихъ рачительность не остается безъ возможности спастись ⁸⁾). Такимъ образомъ, человѣкъ не утратилъ способности самоопределѣнія къ добру и злу.

Однако при всемъ пламенномъ желаніи и крѣпкой рѣши-

¹⁾ Іером. Феодоръ, цит. м.

²⁾ Феод. Студ. Добр. IV, 314, 1; Мак. В. 26, 12; I. Кас. 1, 19, 20.

³⁾ Сл. 46, 3; ср. I. Кас. XIII. Соб.

⁴⁾ Тамъ же 12, 2.

⁵⁾ Мак. Вел. 12, 8.

⁶⁾ Мак. Вел. 26, 1.

⁷⁾ Тамъ же 15, 38.

⁸⁾ Тамъ же 343.

мости человѣкъ одними собственными силами не можетъ обеспечить себѣ успѣха въ борьбѣ со страстями. При помощи своей свободы онъ можетъ противиться діаволу, но не можетъ при этомъ имѣть власти не только надъ страстями и освободиться отъ нихъ, но—онъ не можетъ освободиться и отъ борьбы съ помыслами¹⁾, ибо все-таки зло въ насть дѣйствуетъ со всею силою и ощущительностю²⁾. Грѣхъ такъ глубоко проникъ во все существо человѣка, что съ нимъ можно бороться, можно его ослаблять и предотвращать его проявленія въ дѣяніяхъ, но искоренить его собственною силою не дано и невозможно человѣку: сіе можетъ быть совершено только Божію силою³⁾. Здѣсь нужна помощь Божественная; нужна человѣку благодать Св. Духа, подаемая намъ ради заслугъ Сына Божія, которую для успѣха человѣкъ „обязанъ призывать“. Обращеніе къ Богу зависитъ отъ насть. Скорѣе и правымъ образомъ, говорить преп. Макарій Вел., обратимся къ Богу, взыскавъ Его помощіи, а Онъ готовъ спасти насть, потомучто ожидаетъ горячаго, по мѣрѣ силы нашихъ устремленія къ Нему воли нашей. Хотя изъявлена душа язвами постыдныхъ страстей, хотя ослѣплена грѣховною тьмою, однако имѣеть волю возопить къ Иисусу и призывать Его, чтобы пришелъ Онъ и сотворилъ душѣ вѣчное избавленіе. Слѣпой и кровоточивая не могли исцѣлиться собственными силами. Они могли только хотѣть исцѣленія и вызывать къ Божественному человѣколюбію о помощи. Такъ если кто не приступитъ ко Господу по собственной волѣ и отъ всего произволенія не будетъ умолять Его съ несомнѣнностью вѣры, то не получитъ онъ исцѣленія и отъ страстей⁴⁾, хотя бы онъ къ тому приложилъ и много усердія и много трудовъ⁵⁾. Дѣланіе самого человѣка не можетъ принести достойныхъ плодовъ Господу, если человѣкъ ограничится однимъ своимъ дѣланіемъ, и не будетъ надѣяться пріять нѣчто иное, и если не повѣрють на душу вѣтры Духа Свя-

1) Мак. Вел. 16, 1.

2) Тамъ же 3, 4.

3) Ефр. С. Добр. II, 436, 21.

4) Ефр. Сир. 20, 7—8.

5) I. Лѣст. 15, 25; 26, 34.

таго, не явится небесное облако, не снидеть съ неба дождь ¹⁾. т.-е. не поможеть ему Божественная благодать.

Божественная благодать однако тогда помогаетъ человѣку, когда Господь видить съ его стороны „произволеніе“ и „добroe раченіе“; когда душа человѣка объявить истинную рѣшимость: и что бы ни было ей нанесено, среди тысячи искушеній, все претерпѣвая, она говорить: „если я умру, не оставлю Его (т.-е. Господа, въ угоду грѣху и врагу) ²⁾. Эта рѣшимость найдетъ свое выраженіе въ томъ, что человѣкъ осудить преступность своихъ страстей и пороковъ, возненавидить ихъ и положить твердое основаніе своему враждебному отношенію ко грѣху. По словамъ Преосвященнаго Феофана — возможность, основаніе, условіе всѣхъ внутреннихъ побѣдъ, есть первая побѣда надъ собою—въ переломѣ воли и въ преданіи себя Богу, съ непріязненнымъ отверженіемъ всего грѣховнаго. Здѣсь зарождается нелюбовь къ страстности, ненависть, непріязнь, которая и есть военная духовная сила и одна замѣняетъ собою всю рать. Гдѣ нѣть ея, тамъ безъ браны побѣда уже въ рукахъ врага; напротивъ того, гдѣ есть, тамъ побѣда уступаетъ намъ нерѣдко безъ браны. Отсюда видно, что какъ исходная точка положительной дѣятельности есть наше внутреннѣйшее, такъ оно же есть исходная точка и браны, только другою стороною. Такимъ образомъ переломъ своей воли въ сторону добра и ненависть къ грѣховности страстей, ко всѣмъ своимъ порокамъ, ко всякимъ поводамъ къ нимъ—составляетъ одно изъ основныхъ условій для успѣха въ борьбѣ со страстями ³⁾. Господь, говоритъ преп. Макарій Вел., видя такое произволеніе и добroe раченіе человѣка, творить съ нимъ Свою милость, избавляеть его отъ враговъ его и отъ живущаго въ немъ грѣха, исполняя его Духомъ Святымъ ⁴⁾.

Итакъ, побѣда надъ страстями должна совершаться при слѣдующихъ двухъ условіяхъ: со стороны человѣка — при его свободномъ произволеніи (выражающемся въ дѣятельномъ подвижничествѣ); со стороны Бога—въ исполненіи че-

1) Мак. Вел. 26, 19; ср. 27, 22; 26.

2) Путь ко спасенію, 267.

3) Ис. Сир. Добр. II, 732, 230.

4) Мак. Вел. 19, 1.

ловѣка благодатію Св. Духа. Въ данномъ случаѣ воля человѣческая есть какъ бы существенное условіе. Если нѣть воли, самъ Богъ ничего не дѣлаетъ, хотя и можетъ по свободѣ Своей. Посему, совершеніе дѣла Духомъ зависитъ отъ воли человѣка¹⁾. И добре желаніе самого человѣка служитъ уже какъ бы привязочнымъ пунктомъ для дѣйствія благодати, какъ внутренней силы, и въ добромъ желаніи открывается какъ бы мѣсто для сочетанія двухъ силъ: воли и силы благодати²⁾.

Іеромонахъ Николай.

¹⁾ Тамъ же 37. 10.

²⁾ Іером. Феодоръ. Аскет. воззр. I. Кассіана 138.

Покаяніе въ церкви и покаяніе въ католицествѣ*).

IV.

Покаяніе по латинскимъ пенитенціаламъ.

Кто провелъ нѣкоторое время за чтеніемъ древне-русскихъ покаянныхъ памятниковъ и непосредственно приступить къ чтенію латинскихъ произведеній того же ряда, тотъ не можетъ не замѣтить большой разницы между первыми и вторыми по ихъ общему духу, по существенному идейному содержанію, по взгляду на смыслъ и сущность самого покаянія. Проф. Н. С. Суворовъ указывалъ слѣдующія отличительныя черты латинскихъ пенитенціаловъ: предписаніе поститься на хлѣбѣ и водѣ въ теченіе нѣкотораго числа лѣтъ изъ общаго срока покаянія, назначеніе епитеміи духовнымъ лицамъ сообразно съ ихъ іерархическими степенями, покаяніе, соединенное съ изгнаніемъ изъ области, воспрещенія духовнымъ лицамъ супружескаго сожитія съ ихъ законными женами¹). Но эти черты мало существенны. Гораздо важнѣе принципіальное отличіе латинскихъ пенитенціаловъ въ ихъ взглядахъ на смыслъ покаянія и назначеніе епитимій.

Прежде всего, латинскіе пенитенціалы смотрятъ на кающагося только какъ на виновнаго, который долженъ понести наказаніе, а не быть вылѣченъ отъ своего грѣховнаго недуга. Въ пенитенціалахъ постоянно говорится о преступлѣніи, о виновности, объ оскорблѣніи Бога, которое нужно загладить. „Велика вина (crimen) прелюбодѣяніе и человѣкоубійство, но можно ее искупить (redimi) покаяніемъ“

*.) Оконч. с.м. март. м. „Г. Д.“

¹⁾ Слѣды западно-католического церковнаго права въ памятникахъ древне-руssкаго права. Ярославль 1888 г., стр. 92.

(Poenitentiale Vinniai, § 12. S. 110¹⁾). „Велика вина ложная клятва, которую едва можно искупить или даже и совсѣмъ нельзя искупить; однако лучше каяться и не отчаяваться“ (Poenit. Vinniai § 22. S. 112). „Велика вина душу погубить, но можетъ быть искуплена покаяніемъ, потому что нѣть вины, которую нельзя было бы искупить покаяніемъ, пока мы въ этомъ тѣлѣ“ (Poenit. Vinniai § 47. S. 118). Каждый грѣхъ прежде всего называется преступленіемъ, виной. Грѣшникъ возбуждаетъ гнѣвъ Божій (Poenit. Pseudo-Egberti. S. 326). Дѣло духовника сравнивается не только съ дѣломъ врача, примѣняющаго различныя цѣлительныя лѣкарства въ соотвѣтствіи съ разнообразiemъ болѣзней, но также и съ дѣломъ судьи, за разныя преступленія налагающаго различныя наказанія (Corrector Burchardi, cap. 183. S. 667. Poenit. Egberti. S. 231). На исповѣди, слѣд., происходитъ судъ, гдѣ виновный получаетъ наказаніе за свои грѣхи (Poenit. Pseudo-Egberti, cap. 4. S. 319). „Идея духовнаго врачеванія стушевывается предъ идеей суда; духовникъ не столько врачъ, сколько судья совѣсти вѣрующаго,—судья, который долженъ спрavitъся съ римскимъ кодексомъ, чтобы подвести тотъ или другой проступокъ подъ извѣстную статью. Отсюда и самая епитимія изъ врачебнаго пластиря, прилагаемаго къ ранѣ, превращается уже въ удовлетвореніе за грѣхи, присуждаемое духовнымъ судію.“ ²⁾ Епитимія нужна для изглажденія грѣховъ (Poenit. Bedae. S. 220. Poenit. Pseudo-Romanum. S. 342). Латинскіе пенитенціалы часто повторяютъ, что епитимія должна быть назначена по качеству грѣха. Чѣмъ больше грѣхъ, тѣмъ болѣе наказаніе. „Должно знать, что сколько времени кто медлилъ во грѣхахъ, сообразно съ этимъ должно увеличивать ему покаяніе“. (Poenit. Gildae. S. 106. Poenit. Cummeani. SS. 462—463. Poenit. Remense, cap. 2. S. 498 и др.). „Пусть кается сообразно съ качествомъ грѣха“ (Poenit. Theodori § 4. S. 201). „Сообразно съ величиной грѣховъ должно опредѣлять продолжительность покаянія“ (Poenit. Columbani,

1) Латинскіе пенитенціалы цитируемъ по изданію Dr. F. W. H. Wasser-schleben. Die Bussordnungen der abendlѣndischen Kirche. Halle 1851. Къ этому изданію относятся страницы, поставленыя послѣ параграфовъ отдельныхъ пенитенціаловъ.

2) А. Постынъ. Превосходство исповѣди православной предъ исповѣдью іезуитски-католической. Вѣра и Разумъ. 1887. т. 1, стр. 470.

сар. 1. SS. 353. 388). Если же и встречаются въ нѣкоторыхъ пенитенціалахъ краткія главы „о качествѣ людей“, то это не значитъ, будто духовникъ долженъ каждого врачевать по его нравственному состоянію; нѣтъ, духовникъ долженъ обратить вниманіе на качества лицъ исповѣдающихся только для того, чтобы не наложить непомѣрного наказанія, какъ поступаютъ и благоразумные суды при опредѣленіи судебнай кары (Poenit. Egberti. S. 231. Corrector Burchardi. SS. 667—668).

Въ пенитенціалахъ не мало мѣста удѣляется усмотрѣнію духовника или епископа (см. у Вассершлебена, стр. 110. 152. 196. 198. 228. 241. 245. 272. 283. 307. 426. 452. 570. 571. 634. 704. 727); однако наряду съ этимъ въ нѣкоторыхъ пенитенціалахъ напоминается духовнику, что вѣль и Богъ не милостивъ только, но и справедливъ (Poenit. Egberti. S. 231), а потому и духовникъ долженъ при назначеніи епитимій спротивляться съ пенитенціаломъ, чтобы не нарушить справедливости. „Священникамъ, которые вращаются въ выслушиваніи исповѣди кающагося, необходимо знаніе каноновъ. Вѣль все, что относится къ образу покаянія, должно опредѣляться не благоразуміемъ только и благочестіемъ, но и справедливостью. Норма эта и можетъ быть взята изъ покаянныхъ правиль“ (Poenit. Mediolanense. S. 706). Вмѣстѣ съ рѣчью о пѣленіи душъ иногда говорится даже обѣ отмщеніи за грѣхи (Poenit. Bigotianum. S. 443). Кто согрѣшилъ тѣломъ, тотъ за это тѣломъ же долженъ и пострадать, понести наказаніе въ видѣ епитиміи, постовъ, стояній и молитвъ ко Господу (Poenit. Egberti. cap. 14. S. 245. Poenit. Cummeani. S. 464). Поэтому латинскія пенитенціалы не столько даютъ руководство къ познанію грѣховности человѣка и назначению приличествующаго врачеванія, сколько представляютъ кодексъ всевозможныхъ епитимій, которыми исповѣдающей долженъ наказывать признавшихся въ своихъ преступленіяхъ грѣшниковъ. „Правила опредѣляютъ (taxant) покаяніе“— выражается Медіоланскій пенитенціалъ (Wasserschleben. S. 704). За тяжкіе грѣхи можно назначить строгую епитимію, а если наказываемый грѣшникъ усомнится, то слѣдуетъ показать ему пенитенціалъ, который въ данномъ случаѣ разматривается, очевидно, какъ юридический кодексъ наказаній (Poenit. Mediolanense S. 704).

Если мы обратимъ вниманіе на самыя епитиміи, которыя

назначаются въ латинскихъ пенитенціалахъ, то мы увидимъ, что много епитимій такого рода, что онѣ возможны только при взглядѣ на покаяніе какъ на судъ и на епитиміи какъ на наказанія. Мы встрѣчаемъ не мало такихъ епитимій, въ которыхъ совершенно нѣть врачающаго элемента и которыхъ по этому суть наказанія въ полномъ смыслѣ этого слова, подобныя наказаніямъ, опредѣляемымъ въ любомъ гражданскомъ уголовномъ кодексѣ. Весьма часто въ качествѣ епитимій назначается изгнаніе изъ отечества. Покаявшійся долженъ нести епитимію въ странствованіи (см. у Вассершлебена, стр. 103. 104. 186. 412. 506. 570. 712. 713. 718). Мерзебургскій пенитенціалъ сравниваетъ несущаго подобную епитимію даже съ Каиномъ (Cap. 1. S. 391). Иногда предписывается оставить все земное, идти въ монастырь и каяться тамъ до смерти (Poenit. Theodori. S. 191. Can. Gregorii § 98. S. 71. Poenit. Pseudo-Theodori, cap.4. S. 570. Poenit. Mediolanense. S. 716). Убійца выдается родителямъ и они вольны дѣлать съ нимъ, что хотятъ“ (Can. Wallici, § 4. S. 125). Иногда грѣшника предписывается предавать гражданскому суду; напр., въ случаѣ убійства епископа или пресвитера (Poenit. XXXV. Capitulorum. I, 2. S. 506. Poenit. Pseudo-Gregorii III, cap. 3. S. 538). Въ качествѣ епитимій встрѣчаются и тѣлесныя наказанія. Бичеваніе назначается юнымъ и неразумнымъ (Poenit. Pseudo-Egberti, Cib. II, cap. 6. S. 324). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (*si fornicationem faciunt inter semetipsos*) мальчиковъ каноны рекомендуютъ просто сѣчь (Poenit. XXXV Capitulorum. X, 1, S. 512), опредѣляя иногда и количество ударовъ, напр. 200, за блудъ до законнаго супружества (Poenit. Vigilatum, cap. 171. S. 532. Poenit. Remense, § 19. S. 502). Встрѣчаются въ пенитенціалахъ статьи, взятыя изъ варварскихъ кодексовъ, въ которыхъ за убійство епископа, князя или чиновника виновный приговаривается къ *распятію*. Это будто бы опредѣлили какіе-то мудрые (Вассершлебень, стр. 140). За воровство у тѣхъ же лицъ—штрафъ въ размѣрѣ семи служанокъ (S. 141). Кровь епископа опѣнивается въ 50 служанокъ (Can. Hibern. 2. S. 142). Все это изрекается отъ лица нѣкоего собора (*Synodus Hibernensis*). .

Латинскіе пенитенціалы въ качествѣ епитимій, подобно восточнымъ номоканонамъ, назначаютъ и постъ, но въ нихъ ясно сказывается тенденція разматривать постъ какъ нака-

заніе, а не какъ подвигъ, нужный единственно для нравственного исправленія грѣшника. Иногда эта тенденція выражается и въ словахъ; напр., Poenit. Remense говоритъ: „пусть постящійся 15 дней распинаетъ свой желудокъ“ (§ 20. S. 502). Кто нарушить постъ, тотъ за одинъ день долженъ поститься десять (Poenit. Vigilanum, cap. 76. S. 532). При тенденціи обращать постъ въ наказаніе становится естественнымъ, что латинскіе пенитенціалы назначаютъ жестокіе посты, которые дѣйствительно могли бы „распинать желудокъ“. Излюбленная латинскими пенитенціалами форма поста, это—постъ на хлѣбѣ и водѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Такая форма поста проходитъ положительно чрезъ всѣ латинскіе пенитенціалы и встрѣчается чуть-ли не въ каждой ихъ статьѣ. Предписывается также воздержаніе отъ мяса и вина или на извѣстный продолжительный—до 15 лѣтъ!—орокъ (Poenit. Viniae, § 18. S. 112. Poenit. Theodori, § 19. S. 186. Poenit. Egberti, cap. XI, § 4. S. 242. Poenit. Mediolanense. S. 723. Poenit. Pseudo-Bedae, cap. 2. S. 260), или даже и на всю остальную жизнь (Poenit. Mediolanense. S. 712). Къ этому добавляется еще воздержаніе отъ брака, если кающійся въ него не вступалъ, а если онъ уже въ бракѣ,—опредѣляется срокъ, который должно провести безъ жены. Заповѣдуется ходить исключительно пѣшкомъ. „Жены не бери, конкубины не имѣй, оставайся на всегда безъ брака. Никогда въ банѣ не мойся, на пирахъ радующихся никогда не сиди, оружіемъ никогда не пользуйся, развѣ только противъ язычниковъ“. (Poenit. Mediolanense. SS. 712. 715. Poenit. Pseudo-Bedae, Cap. 2. S. 260. Poenit, Pseudo-Romanum, VIII, 10. S. 370). Такія формы поста и вообще епитимій возможны только при взгляде на епитимію, какъ на наказаніе. При наложеніи епитимії иногда рекомендуется нѣкоторая какъ-бы жестокость. Здѣсь не встрѣтимъ мы совѣта спросить кающагося, какая епитимія ему по силѣ и угодна. Медіоланскій пенитенціалъ совѣтуетъ духовнику перечислить покаявшемуся возможныя наказанія и добавить: „есть много и еще болѣе жестокихъ, которыхъ должно наложить на тебя по тяжести такого проступка“ (S. 715) Жестокостью расправы съ грѣшниками латинскіе пенитенціалы прямо иногда хотятъ навести страхъ на другихъ, „чтобы другіе страхъ имѣли“ (Poenit. Egberti. Prologus. S. 233. Corrector Burchardi, cap. 133. S. 669).

Столь строгая покаянная дисциплина, какой она является въ латинскихъ пенитенціалахъ, была, конечно, мало удобна на практикѣ, потомучто налагала непосильное бремя наказаній. Ясно чувствовалась необходимость смягчить покаянную дисциплину. Смягченіе, какъ мы видѣли, было сдѣлано и въ Церкви въ номоканонахъ Постниковскаго типа. Но совсѣмъ другаго рода были смягченія покаянной дисциплины въ католичествѣ именно въ силу взгляда на покаяніе какъ на актъ юридического характера. Если каждый грѣхъ требуетъ, такъ сказать, отмщенія, то, очевидно, сложить или уменьшить епитимію нельзя,—будетъ нарушена правда Божія. Поэтому въ католичествѣ плодомъ смягченія покаянной дисциплины явилась система замѣны или выкупа (*redemptio*) епитимій. Иногда епитиміи, налагаемыя по латинскимъ пенитенціаламъ, прямо и разсчитаны на то, что кающійся епитиміи нести не будетъ. Иногда епитиміи назначались столь продолжительныя, что онъ были бы непонятны, если бы нельзя было ихъ замѣнить: встрѣчается епитимія продолжительностью въ 50 лѣтъ (*Can. Hibern.* S. 142), а за симонію назначается даже стольная епитимія (*Herm. Ios. Schmitz. Die Bussbücher und die Bussdisciplin der Kirche. Mainz 1883. S. 149. Anm. 3*). Какъ можно нести епитимію, которую все равно окончить не удается?

Латинскіе пенитенціалы и даютъ множество наставлений, какъ замѣнить ту или другую многолѣтнюю епитимію, какъ въ одинъ годъ исполнить семилѣтнюю епитимію. Хорошо, если кто можетъ исполнить епитимію такъ, какъ положена она въ пенитенціалѣ; если же не можетъ—а послѣ въ нѣкоторыхъ пенитенціалахъ добавлено было: если и не желаетъ,—то можетъ замѣнить ее болѣе удобными для себя дѣлами. На произволеніе кающагося было предоставлено нести епитимію согласно пенитенціалу или потому же пенитенціалу замѣнить ее чѣмъ-нибудь другимъ (*Schmitz. Die Bussbücher. S. 145*). Продолжительный и изнурительный постъ на хлѣбѣ и водѣ можно замѣнить милостыней, чтенiemъ или пѣнiemъ псалмовъ и молитвъ, поклонами, служенiemъ литургій, даже нанесенiemъ себѣ побоевъ, самобичеваніемъ. Быль созданъ, по выражению Шмитца, тарифъ таксъ для оцѣненныхъ покаянныхъ подвиговъ (*Die Bussbücher. S. 145*). Вместо подвига можно просто заплатить деньги, и была создана особая такса, за какой постъ сколько платить. Богатый платить дороже

бѣдный дешевле. Обычная же цѣна—динарій за день поста, за годъ 26 солидовъ. Оптомъ, такъ сказать, дешевле.

Можно также и нанять кого-либо одного или нѣсколькихъ лицъ поститься за себя и вообще исполнить все то, что въ качествѣ епитиміи долженъ исполнить самъ. Такимъ способомъ съ епитиміей можно раздѣлаться легко и скоро.

Нельзя думать, что всѣ подобные наставленія въ пенитенціалахъ что-нибудь рѣдкое или случайное. Нѣть эти наставленія—существенная черта, проходящая чрезъ громадное большинство латинскихъ пенитенціаловъ и характеризующая ихъ принципіальные взгляды на смыслъ и сущность покаянія и на значеніе епитимій. Наставленія о выкупѣ и замѣнѣ епитимій мы встрѣчаемъ въ слѣдующихъ пенитенціалахъ. Въ пенитенціалѣ Винія этимъ наставленіямъ посвящены три параграфа—§§ 28. 35. 36 (SS. 114. 116), одинъ параграфъ въ пенитенціалѣ Теодора (VII, 5. S. 191), три главы (10—12) въ пенитенціалѣ Беды (SS. 229—230), двѣ главы (13 и 14) въ пенитенціалѣ Эгберта. Въ пенитенціалѣ Псевдо-Беды встрѣчаемъ такія надписанія главъ: гл. 41: о цѣнѣ выкупа, гл. 42: о цѣнѣ мѣсяца, гл. 43—45: о цѣнѣ года или дня, гл. 48: какъ деньгами, литургіями и псалмами можно выкупить (SS. 276—280). Первая глава Валицеллянского пенитенціала надписана: какъ можемъ покаяться за семь лѣтъ въ одинъ годъ. (S. 547). Пенитенціаль Куммеана разсуждаетъ о родахъ покаянія, о богатомъ или могущественномъ, какъ могутъ выкупить свои грѣхи (SS. 462—465). См. еще Пенитенціаль Павдо-Эгберта, гл. 60—62 (SS. 340—341), пенитенціаль Сангерманскій (S. 348), Губертенскій глл. 9 и 24 (SS. 278—380), Мерзебургскій *a* гл. 110 (S. 402), Флоріаценскій гл. 50 (S. 425), Вѣнскій *b* (SS. 495—496), Псевдо-Теодера (S. 622), Корректоръ Бурхарда, глл. 30. 50. 186—200 (SS. 637. 642. 671—673).

Мы привели этотъ перечень для того, что-бы показать, какъ система выкупа проникаетъ большинство латинскихъ пенитенціаловъ. По взгляду этихъ пенитенціаловъ епитимія есть судебное взысканіе, наказаніе, которое можно замѣнить штрафомъ. Не хочешь поститься,—платись копѣлькомъ. Нравственное же исправленіе кающейся личности отходитъ на задній планъ,—была бы соблюдена юридическая правда.

Хотя въ пенитенціалахъ и не указывается на самосъченіе, какъ на замѣну покаянныхъ подвиговъ, но и самосъченіе

или flagelli disciplina, эта уродливая форма покаянія,—поро-
ждение того же ложного юридического взгляда на дѣло по-
каянія, которымъ проникнуты и всѣ латинскіе пенитенціалы.
Изобрѣтателемъ дисциплины самосѣченія считаютъ Доми-
нико. По его учению, одинъ годъ покаянія можно замѣнить
300 ударовъ при чтеніи 10 псалмовъ, а чтобы исполнить епи-
тимію въ 100 лѣтъ, слѣдуетъ нанести себѣ 15,000 ударовъ
при произнесеніи цѣлой псалтири. (Опять при большомъ
количествоѣ скидка!). Самъ Доминикъ настолько былъ спе-
циалистомъ этого дѣла, что въ теченіе одной четырехдесятницы,
работая обѣими руками, успѣвалъ отбыть епитимію тысячече-
лѣтнюю, нанося себѣ по 3,750 ударовъ въ день, а всего
150,000 (Н. А. Заозерскій. Номоканонъ Иоанна Постника, стр.
72 прим. 2).

Католическій ученый Шмитцъ, вполнѣ сознавая весь вредъ
подобныхъ покаянныхъ правилъ для нравственной жизни
человѣка (Die BussbÃ¼cher. SS. 572. 605), пытается однако за-
щищать римскіе пенитенціалы въ тѣсномъ смыслѣ слова.
Выкупы, говорить онъ, специальная принадлежность англо-
саксонскихъ и германскихъ помѣстныхъ церквей; въ пени-
тенціалахъ же римской вселенской церкви находятся инструк-
ціи, которые предписываютъ священникамъ обращать тща-
тельное вниманіе на личные качества кающагося и налагать
соответствующія этимъ качествамъ каноническая наказанія,
но въ нихъ нѣть и слѣда подробнаго изложенія общихъ
правилъ выкупа. Напротивъ, въ римскимъ пенитенціалахъ
даже постоянно повторяется опредѣленіе, что тотъ, кто чужие
грѣхи возметь на себя или будетъ за плату поститься вмѣсто
другаго, тотъ долженъ быть исключаемъ изъ церковнаго об-
щенія и недостоинъ называться христіаниномъ (Poenit. Mer-
seburgense a, cap. 44. S. 396. Poenit. Vindobonense, cap. 48. S.
420). Пенитенціалы Рабана Мавра и Галтигара не упомина-
ютъ о выкупахъ (Die BussbÃ¼cher. SS. 223. 149). Но и въ
римскихъ пенитенціалахъ есть задатки учения о выкупѣ
(Merseburgense a, cap. 110. S. 402), а главное, они проникнуты
тѣмъ же юридическимъ жизнепониманіемъ, что и пенитен-
ціалы англо-саксонскіе и германскіе, да и эти послѣдніе вѣдь
только въ болѣе рѣзкой формѣ выразили тѣ идеи, которые
усвоены были отъ Рима. Наконецъ, римская церковь освя-
тила юридический взглядъ на смыслъ покаянія и на значеніе

епитимій тѣмъ, что ввела его въ свою доктрину и устанавливала соответствующую покаянную практику. По католической доктрине въ исповѣди кающійся освобождается только отъ вѣчного наказанія за грѣхъ (*culpa et poena aeterna*), но въ удовлетвореніе правды Божіей долженъ понести временное наказаніе на землѣ или въ чистилищѣ (См. Ioannes Perrone. *Praelectiones theodogicae*, vol. VI. *Tractatus de poenitentia*).

Тридентскій соборъ правиломъ 15 анаѳематствуетъ тѣхъ, кто отрицає временное наказаніе за грѣхъ послѣ того какъ властью ключей снимается наказаніе. „Должны, постановилъ тотъ же соборъ, священники Господни налагать удовлетворенія (*satisfactiones*) по качеству преступленій и по способности кающихся... Пусть имъютъ они предъ глазами, что удовлетвореніе, которое они налагаютъ, служить не только къ огражденію новой жизни и къ исцѣленію слабостей, но и къ изглажденію прежнихъ грѣховъ и наказанію за нихъ... Этого новаторы понять не хотятъ, учатъ, что самое лучшее покаяніе есть новая жизнь, такъ что уничтожаются всякий смыслъ и употребленіе удовлетворенія“ (Sessio XIV, cap. VII ad. fin.). Тяготѣющее надъ грѣшникомъ наказаніе церковная власть можетъ сложить, пользуясь заслугами Христа и святыхъ, при чемъ все это—дѣло лишь вѣнчаное, нравственного обновленія не требуется, какъ не требуется его и съ преступника, освобождаемаго отъ тюремнаго заключенія по манифесту. „Въ Церкви есть постоянная сокровищница изъ заслугъ Христа и святыхъ“ (Perrone. *Praelectiones theod.* vol. VII, pp. 28 sqq.). Изъ этого какъ бы банка и даютъ латиняне исповѣдникамъ индульгенціи, спасающія ихъ отъ необходимаго наказанія въ видѣ строгой епитиміи. Латинскіе пенитенціалы, считая епитимію наказаніемъ, стоять въполномъ согласіи съ подготовленной ими ересью индульгенцій, этимъ ракомъ для вѣры и нравственности, по выражению Овербека (Бесспорные преимущества православной каѳолической Церкви предъ всѣми другими христіанскими исповѣданіями. Христіанское Чтеніе, 1883, т. 1, стр. 63), а въ *poenitentiale Civitatis* это ученіе объ индульгенціяхъ и выражено въ довольно ясной и рѣшительной формѣ (cap. 147. S. 704).

Нечего и говорить о томъ, что взгляды на епитиміи и покаяніе, хотя бы пенитенціаловъ англо-саксонскихъ и германскихъ, какъ на судъ и наказаніе, которое можно замѣнить

или выкупить, эти взгляды освящены практикой латинства всѣхъ вѣковъ. Отпавшее оть Церкви католичество „установило между Богомъ и человѣкомъ балансъ обязанностей и заслугъ; начало прикидывать на вѣсы грѣхи и молитвы, преступки и искуплительные подвиги, завело переводы съ одного человѣка на другаго, узаконило обмѣны мнимыхъ заслугъ; словомъ, оно перенесло въ святилище вѣры полный механизмъ банкирского дома“ (А. С. Хомяковъ. Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ. Сочиненія богословскія, т. 2. Прага 1867, стр. 49). Въ то время какъ древне-руssкіе духовники писали умилительныя поученія къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, католики издавали „Таксы канцеляріи римской Церкви“. Такія таксы издавались много разъ: въ Римѣ въ 1514 г., въ Кельнѣ въ 1523, въ Парижѣ въ 1533, 1545 и 1564, въ Виртембергѣ въ 1538, въ Венеціи въ 1584 и др. Конечно, нельзя безъ содроганія читать въ этихъ католическихъ „таксахъ“ такихъ, напр., параграфовъ. „Если двое сговорятся убить одного, получаютъ прощеніе за 134 лиры 14 сольдо“. „Желающій заблаговременно запастись прощеніемъ за всякое случайное убийство, которое онъ можетъ сдѣлать въ будущемъ, платить 168 лиръ 15 сольдо“. „За убийство отца или матери или сестры слѣдуетъ уплатить для прощенія 17 лиръ 14 сольдо, 6 динарій“. „Отецъ и мать, задушившіе свое дитя по обоюдному согласію, уплачиваютъ 26 лиръ 1 сольдо“. „Извѣчлившій клирика получаетъ прощеніе за 63 лиры и 14 сольдо“ ¹⁾.

Въ настоящее время католики готовы всячески откращиваться оть подобныхъ „таксъ“ за самые тяжкіе грѣхи. Но вѣдь католическая покаянная практика и доселѣ идетъ все тѣмъ же путемъ, проложеннымъ въ обходъ добродѣтели, подвига и нравственного совершенствованія. Многія изъ проявленій покаянія католического въ настоящее время могутъ служить лишь забавнымъ зрѣлищемъ для интернациональной толпы туристовъ; однако вѣрюющій въ папу католикъ и теперь еще надѣется получить спасеніе и прощеніе грѣховъ чрезъ индульгенціи. Вотъ что пишетъ проф. В. А. Керенскій,

1) Свѣдѣнія о католическихъ „таксахъ“ можно находить въ Сборникѣ статей прот. Д. Ф. Касицына. Москва 1902, стр. 125—135. 141—158. 186—191. 196—206.

наблюдавшій католическую жизнь въ вѣчномъ городѣ. „До-сель рядомъ съ папой совершается торговля индульгенціями, совершаются публично по многочисленнымъ храмамъ Рима. До какой безцеремонности доходитъ при этомъ римская курія, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Посѣщая одну изъ наиболѣе извѣстныхъ въ Римѣ церквей — Capella sancta sanctorum, помѣщающуюся недалеко отъ латеранскаго дворца, я увидѣлъ въ этой капеллѣ довольно высокую лѣстницу, по которой лѣзли на колѣняхъ вѣрующіе и около лѣстницы большую толпу любопытствующихъ туристовъ, смотрящихъ на это странное на первый взглядъ явленіе. Мое недоумѣніе однажды разрѣшилось послѣ того, какъ я прочиталъ наклеенную недалеко отъ лѣстницы слѣдующую индульгенцію, напечатанную на латинскомъ, итальянскомъ, немецкомъ и французскомъ языкахъ: „папа Левъ IX въ 850 году и Пас-хались въ 1100 г. обѣщаютъ прощеніе грѣховъ 9 -ти лѣть за каждую изъ 28 ступеней этой лѣстницы, если только вѣрующій съ приникновенной головой, сокрушеннымъ сердцемъ и воспоминаніями о страданіяхъ Иисуса Христа взойдетъ по этой лѣстницѣ“... (Съ Запада. Очерки современной западно-церковной жизни. Православный Собесѣдникъ. 1912, сентябрь, стр. 420—421).

Если бы мы на основаніи всего сказанного теперь же произнесли рѣшительное сужденіе о взаимоотношеніи латинскихъ пенитенціаловъ и церковныхъ епитимійныхъ номоканоновъ, то мы сдѣлали-бы это прежде временно и были бы несправедливы. Дѣло въ томъ, что въ позднѣйшихъ церковныхъ номоканонахъ встрѣчаются элементы, которые сглаживаютъ ихъ принципіальную противоположность латинскимъ пенитенціаламъ (См. проф. А. И. Алмазовъ. Канонарій монаха Іоанна, стр. 144—146). Вотъ почему намъ и должно разсмотрѣть и оцѣнить эти элементы юридического пониманія въ церковныхъ епитимійныхъ номоканонахъ.

V.

Уклоненія отъ канонического пониманія покаянія въ епитимійныхъ номоканонахъ.

„Представленіе древне-русскаго духовника обѣ епитиміи (слѣд., и о покаяніи) значительно расходилось со взглядомъ

на нее Церкви. Это средство духовного врачевания оно считалось актом юридическим, совершенно внешнимъ (С. Смирновъ. Древне-русский духовникъ, стр. 81). Такое общее утверждение несомнѣнно невѣрно, какъ это можно видѣть изъ сказанного у насъ выше о взглядахъ древне-русскихъ духовниковъ на покаяніе. Однако нельзя не признать, что въ нѣкоторыхъ номоканонахъ и другихъ памятникахъ церковной покаянной письменности встрѣчаются наставленія, разсужденія и епитиміи, возможныя только при юридическомъ взглядѣ на все дѣло покаянія, на значеніе епитиміи, какъ судебнаго наказанія.

Такъ еп. Ниѳонъ на вопросъ Иліи: „оже будуть душегубы и не имутъ законныхъ женъ, како держати имъ опитемъ?— не повелѣ, зане молоди; и паки оженятся и состарѣются, тоже, рече, дай опитемъ“ (Русская Историческая Библиотека, т. 6, столб. 59). Слѣд., епитимію можно переносить съ молодости на старость. Тотъ же епископъ въ бесѣдѣ съ Кирикомъ позволялъ „женѣ мужу своему помочи терпѣти опитемъ или мужу женѣ“ (Р. И. Б. т. 6, столб. 50). Печерскіе иноки изъ любви другъ къ другу раздѣляли епитимію со-грѣшившаго брата по троє или по четыре (С. Смирновъ. Древне-русский духовникъ, стр. 82 прим. 3). Въ „Златой Чѣпи“, рукоп. б-ки Троицкой Лавры № 214, говорится: „если грѣхъ будетъ тяжекъ, то совокупятся нань два или тріе и одолѣютъ ему“ (С. Смирновъ. Материалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины, стр. 157). Въ одномъ весьма распространенномъ по древне-русскимъ рукописямъ правилѣ прямо предписывается: „Аще въ опитемъ будетъ кто, достоинъ всей семьи говѣти, помогая старѣйшему, аще дѣти или братья, добро есть“ (Смирновъ. Материалы, стр. 68). Въ греческомъ номоканонѣ, изданномъ Котельеромъ, есть даже такая статья (69): „если кто возметъ даръ, или іерей, или кто другой, чтобы совершить покаяніе и не сдѣлаетъ его своевременно, пусть совершаетъ покаяніе двойное“ (Ecclesiae Graecae Monimenta, t. 1, pp. 80—81). Сюда же можно отнести совѣтъ „духовному чаду на три части раздѣлiti грѣхъ: первая часть премилостиваго Бога, вторая часть на попа, а третья часть на кающагося“ (Ркп. Волокол. б-ки № 560, л. 59 об. № 566, л. 103 об. и 478 об. Ягичъ. Starine, VI, 130). Иногда впрочемъ этотъ совѣтъ дополняется такъ: „коли исповѣдникъ

сокранить свою (часть) и потомъ іереи прибавить на него и вторую, третью“ (Смирновъ. Матеріалы, стр. 165). Думается, нѣть особенной нужды доказывать, что всѣ подобныя явленія возможны лишь при вѣнчане - юридическомъ пониманіи покаянія и епитимій.

Въ восточныхъ епитимійникахъ можно находить и характерный для латинскихъ пенитенціаловъ „постъ на хлѣбѣ и водѣ“. Проф. А. С. Павловъ указалъ въ Котельниковскомъ номоканонѣ шесть разъ формулу: покается на хлѣбѣ и водѣ (Ст. 159. 162. 168. 169. 170. 171) и четыре подобныхъ же формулы въ епитимійныхъ правилахъ, изданныхъ Питрою (Мнимые слѣды.... Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просв., стр. 707). Четыре раза встрѣтили мы эту же формулу въ епитимійникахъ, изданныхъ проф. А. И. Алмазовымъ (Тайная исповѣдь, III, стр. 38. 147. 162) и до девяти разъ въ „Матеріалахъ“ проф. С. И. Смирнова (стр. 53. 54. 101. 242—243).

Въ „правилѣ святыхъ о епитиміяхъ“ по ркп. сборнику XVI вѣка Волоколамской библиотеки № 560 встречается даже такая „епитимія“: „а нось урѣзати имъ“ (Алмазовъ. III, стр. 283).

Можно находить въ восточныхъ епитимійникахъ и нѣкоторые виды выкуповъ или замѣны епитимій. Въ правилѣ Халкидонского собора по Сборнику XIV—XV вѣка Кирило-Бѣлозерского монастыря читаемъ: „аще кто алкати не можетъ да испоетъ псалмовъ 47; аще-ли не умѣеть, да дастъ сребреницѣ; аще ли не иметь цаты, отъ брашна еже иметь да дастъ“ (Смирновъ. Матеріалы, стр. 243). Но особенно часто встречается позволеніе замѣнять епитимію служеніемъ літургій. Въ Котельниковскомъ номоканонѣ читаемъ (ст. 323): „о всякихъ грѣхахъ літургіи, вѣнецъ небесный, прощеніе всѣхъ грѣховъ и разрѣшеніе паденій, надежда вѣчной жизни и блаженны живущіе и дѣлающіе ихъ“ (Eccl. gr. monum. t. 1. р. 128). Есть въ этомъ номоканонѣ и еще нѣсколько статей, одобряющихъ служеніе літургій для искупленія грѣха (См. ст. 268. 279. 438. pp. 116. 118. 139). Въ ркп. Кормчей Румянцевскаго Музея № 233 есть „заповѣдь и уставы святыхъ отецъ 300 и 18, иже въ Никеи“ (л. 332). Въ этой статьѣ, писанной польско-русскимъ языкомъ, читаемъ: „Буди вѣдомо... избавяять отъ грѣховъ 10 літургій за 4 мѣсяца поста, за 8 мѣсяцевъ поста 20 літургій, за 12 мѣсяцевъ поста, т.-е.

за годъ, 30 литургій, 15 псалтири, за псалтири 5 сребренікъ, за литургію 2 динара... за 12 дней поста едина литургія, за день поста 56 „Отче нашъ“ или 200 метаній, глаголя: Господи, Иисусе Христе Боже нашъ помилуй насть. Псалтири 10 за лѣто поста, псалтири за 2 литургії“ (Смирновъ. Матеріалы, стр. 159). Подобныя же наставленія съ той же самой распѣнкой поста и литургій встрѣчаемъ въ ркп. требникѣ XV вѣка Софійской библіотеки № 838 (Алмазовъ, III, стр. 136), въ ркп. Синодальной библіотеки № 153 (Смирновъ, Матеріалы, стр. 31), въ „Златой Чѣпи“ XVI в. б-ки Троицкой Лавры № 214 и въ Каноникѣ XVI в. той же Лавры № 365, въ Серпуховскомъ сборнике 1645 года (С. Смирновъ. Матеріалы, стр. 157. 158. 164), въ сборнике Синодальной библіотеки № 321, л. 266 об. (Горскій и Невоструевъ. Описаніе славянскихъ рукописей, II, 3. Москва 1862, стр. 625), въ ркп. Волоколамской библіотеки № 566 л. 481 и № 576 л. 260 об., въ епитимійнике Григоровича (Русск. Историч. Библіотека, т. 6, столб. 44 прим.), въ „Заповѣди и уставъ святыхъ отецъ 318“, изд. Ягичемъ (Starine, VI, 129). Приведенный нами перечень извѣстныхъ намъ правилъ о замѣнѣ епитимій служеніемъ литургій показываетъ, что правила эти были довольно распространены. Вмѣсто года поста можно отслужить 30 литургій, за другой годъ еще 30 литургій. „Тако росчести могутъ съ молящимися“ — прибавляютъ нѣкоторые памятники (Ркп. Волокол. б-ки № 576 л. 260 об. Алмазовъ. III, стр. 136. Смирновъ. Матеріалы, стр. 31).

Нельзя не видѣть, что приведенные нами свидѣтельства совершенно противорѣчатъ выше нами разсмотрѣннымъ принципіальнымъ взглядамъ восточныхъ и, въ частности, древнерусскихъ номоканоновъ на сущность покаянія, какъ цѣленія болящей совѣсти.

Необходимо замѣтить, что не слѣдуетъ прежде всего переоцѣнивать значенія подобныхъ свидѣтельствъ. Ихъ сравнительно очень немногого. Относительно, напр., поста на хлѣбѣ и водѣ можно согласиться съ проф. Суворовымъ, что, несмотря на приведенные проф. Павловымъ свидѣтельства, его положеніе, будто формула „на хлѣбѣ и водѣ“, говоря вообще, неизвѣстна восточнымъ номоканонамъ, остается во всей силѣ. Если о западныхъ пенитенціалахъ говорится, что имъ свойственна эта формула, то это значитъ, что не нужно

отыскивать въ нихъ, такъ сказать, днемъ съ огнемъ эту формулу и считать, сколько разъ употреблена она, потому что на каждой страницѣ и чуть не на каждой строкѣ она сама собою бросается въ глаза (Къ вопросу о западномъ вліяніи, стр. 35. Слѣды западно-католического вліянія, стр. 12 прим. 17). Немногія разсѣянныя въ кучѣ рукописей строки не мѣняютъ общаго идеяного духа восточныхъ епитимійныхъ номоканоновъ, по которому покаяніе и епитимія—врачевство. Приведенные нами выраженія съ оттѣнкомъ юридического пониманія покаянія стоять въ восточныхъ номоканонахъ какъ что-то чуждое, откуда то со внѣ навѣянное.

Дѣйствительно, отчасти мы можемъ видѣть здѣсь отголосокъ все того же латинства. Извѣстенъ фактъ сношеній болгарской церкви съ Римомъ во второй половинѣ IX вѣка, когда болгары обращались къ папѣ Николаю I между прочимъ съ просьбой прислать имъ руководственную книгу для наложенія покаянія, и папа такую книгу прислалъ (См. *Responsa ad consulta Bulgarorum. 75. Migne, Patrologiae cursus completus, series latina, t. 119, col. 1008*). Послѣ полемики профѣ Суворова и Павлова по вопросу о западномъ вліяніи на древнерусское право можно считать установленнымъ, что въ глубокой древности былъ въ сокращеніи переведенъ на славянскій языкъ Мерзебургскій пенитенціалъ и надписанъ „заповѣдь святыхъ отецъ“. Открытая Гейтлеромъ въ глаголической ркп. X вѣка на Синаѣ эта заповѣдь впервые издана въ 1882 г., а новое изданіе сдѣлано проф. Бенешевичемъ въ 1908 г. Эта латинскаго происхожденія „заповѣдь“ вошла въ древне-болгарскія кормчіи, изъ которыхъ одна—Устюжская XIII в. хранится въ Румянцовскомъ Музѣѣ (Ркп. № 230 лл. 106—108), другая—Иоасафовская въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи (№ 54 лл. 83—85). „Заповѣдь“ сохраняетъ всѣ типичныя черты латинскихъ пенитенціаловъ съ ихъ юридическимъ идеянымъ содержаніемъ. Но не мѣшаетъ замѣтить, что переведенъ былъ именно Мерзебургскій пенитенціалъ, т.-е. лучшій сравнительно съ другими, менѣе проникнутый юридическимъ пониманіемъ покаянія, а потому и не особенно рѣзвавшій слухъ людей, о покаяніи мыслившихъ по церковному. Такъ или иначе „заповѣдь святыхъ отецъ“ несомнѣнно вліяла на составъ нашихъ славянскихъ епитимійниковъ, а можетъ быть даже и на греческіе номоканоны. Проф. А. С.

Павловъ указывалъ греческія правила, соотвѣтствующія первому и второму параграфамъ пенитенціала и поставилъ вопросъ, что оригиналъ и что переводъ. Самъ Павловъ оригинальнымъ считалъ текстъ греческій (Чтенія въ Обществѣ любит. дух. просв.. стр. 709—710), но съ этимъ не соглашался проф. Суворовъ (Къ вопросу о западномъ вліяніи, стр. 78—82). Проф. Заозерскій съ точки зрења древности отдаєтъ безспорное преимущество тексту латинскому (Номоканонъ Іоанна Постника, стр. 78). Въ славянскихъ памятникахъ слѣды „Заповѣди святыхъ отецъ“ болѣе извѣстны. 13 правиль изъ нея внесены въ извѣстную въ древне-русской письменности статью: „Заповѣдь святыхъ отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ“ (О ней см. у Смирнова. Матеріалы, стр. 112 слл. 383 слл.). Отдѣльные правила „заповѣди“ тоже встрѣчаются въ славянскихъ епитимійникахъ (См. Суворовъ. Слѣды..., стр. 167, прим. 266).

Проф. Н. А. Заозерскій предполагаетъ, что эта латинская „заповѣдь“, помѣщенная въ древне-славянскихъ кормчихъ, вытѣснила оттуда предисловіе Іоанна Схоластика къ его своду въ 50 титуловъ, а въ этомъ предисловіи ярко выраженъ православный взглядъ на покаяніе и на значеніе епитимій. „Ученники и апостолы Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, читаемъ мы въ этомъ предисловіи, а также и Церкви Его святой архиереи и учители не полагали, что согрѣшившихъ должно подвергать истязаніямъ, какъ это предписываютъ гражданские законы, ибо это казалось имъ занятіемъ пошлымъ и весьма нерадивымъ. Къ заблуждающимся и уклоняющимся отъ праваго пути устремлялись, какъ добрый пастырь, безъ всяаго замедленія.... что было только разстроено и попорчено укрѣпляя и исправляя нѣкоторыми смягчающими врачевствами и связывая разумными запрещеніями и такимъ образомъ благодатию и содѣйствиемъ Духа болящихъ возвращали въ первоначальное здоровье состояніе“ (Номоканонъ Іоанна Постника. Предисловіе. стр. 82—83). Исчезновеніе изъ кормчей этого прекраснаго предисловія съ его истиннымъ взглядомъ на покаяніе—результатъ замѣтнаго и печального вліянія на Русь латинства съ его юридическими понятіями.

Латинское вліяніе на Русь несомнѣнно и исторически. Еще въ XI столѣтіи преп. Феодосій Печерскій въ „словѣ о вѣрѣ крестьянской и латинской“ печалуется, что „руssкая земля

исполнена варяговъ“, „что по всей земли варязи суть“ и трудно уберечься отъ латинского зловѣрія, „межи тѣхъ живуще въ единомъ мѣстѣ“. Изъ „въ прапанія“ Иліи видно, что въ XII вѣкѣ носили „къ варяжскому попу дѣти на молитву“, и еп. Ниѳонтъ назначаетъ за это шестинедѣльную епитимію, „занеже аки двоѳѣрци суть“ (Русская Историческая Библіотека, т. 6, столб. 60). Разными путями латинскіе юридическіе взгляды на покаяніе могли усвоиваться и на Руси и проникать въ епитимійные номоканоны. Когда же школьнaya догматика стала подъ вліяніе католичества непосредственное, тогда взгляды католическіе на покаяніе и на епитиміи появились и въ богословскихъ сочиненіяхъ, которые принизили древне-руssкіе чисто-православные взгляды на эти предметы. Вѣдь Феофанъ Прокоповичъ, несомнѣнно подъ вліяніемъ католическихъ догматикъ, съ которыми полемизируетъ, говоритъ, разсуждая о покаяніи, что епитиміи налагаются, хотя и не для удовлетворенія Богу за грѣхъ, но все же между прочимъ для примѣра и устрашенія другихъ (Christiana orthodoxyae Theologiae vol. III. Lipsiae 1793. p. 702). Отсюда мнѣніе, будто „епитиміи, какъ наказанія церковныя, поражая однихъ грѣшниковъ, вразумляютъ и устрашаютъ другихъ“, внесено въanonимную полемическую статью: „объ епитиміяхъ и такъ называемыхъ индульгенціяхъ“ (Христіанское Чтеніе. 1852, т. 1, стр. 415). Въ „напоминаніи священнику объ обязанностяхъ его при совершенніи таинства покаянія“ (Еп. Платона. Кострома 1859)—читаемъ такое опредѣленіе епитиміи: „Епитимія вообще означаетъ понесеніе чего-либо скорбнаго и непріятнаго и совершенніе какого-либо дѣла для исправленія жизни и заглажденія вины“ (стр. 189). „Епитимія есть или видъ взысканія духовнаго для исправленія грѣшника или видъ врачевства духовнаго для увраченія язвъ души“ (стр. 193). Определенія совершенно чуждыя духу Православной Церкви, православнымъ епитимійникамъ. Древне-руssкіе духовники, незнавшіе епитиміи, какъ наказанія, вмѣстѣ съ преп. Феодоромъ Студитомъ говорившіе о томъ, что епитимію должно принимать съ радостью, а не какъ что-либо „скорбное и непріятное“,—лучше понимали покаяніе, нежели еп. Платонъ. Но кто виноватъ, что некніжные древне-руssкіе духовники лучше понимали покаяніе, нежели ученый епископъ 19-го вѣка? Виновато католичество, поработившее духовную школу, чрезъ

которую и проникаетъ въ сознаніе членовъ Церкви, принижая у нихъ высоту христіанскаго идеала покаянія и низводя покаяніе на уровень гражданскаго суда съ его механическими наказаніями виновныхъ.

Впрочемъ, мы не склонны все дурное въ восточныхъ епітимійныхъ номоканонахъ и вообще у представителей Церкви объяснять исключительно однимъ католическимъ вліяніемъ. Нѣкоторый юридический оттѣнокъ въ пониманіи покаянія могъ появиться у церковныхъ авторовъ и самостоятельно. Христіанство есть совершенно новая жизнь. Церковь—общество надъ-соціальное; она живеть по особымъ духовнымъ благодатнымъ, а не по гражданскимъ - юридическимъ законамъ (объ этомъ у Л. А. Тихомірова. Личность, общество и Церковь. Москва, 1904, стр. 36 и слл.). Конечно, не всѣ люди и не всегда способны удержаться на высотѣ церковнаго жизнепониманія. Обращаясь больше въ жизни естественной съ ея внѣшними юридическими искусственными нормами, люди настолько проникаются этимъ юридическимъ духомъ, что часто готовы бывать тѣ же юридическія нормы переносить и въ церковную жизнь. Это печальное явленіе, къ сожалѣнію, самое обыкновенное. Понять сущность церковной благодатной жизни часто не могутъ люди даже и считающіе себя просвѣщенными и высоко-культурными. Неужели-же можно требовать и даже ожидать, чтобы полуграмотные духовники XII—XVI вѣковъ никогда не принижали церковныхъ идеаловъ? А вѣдь слѣды юридического пониманія покаянія можно наблюдать именно въ номоканонахъ сомнительного качества, вродѣ Котельниковскаго, о которомъ проф. А. С. Павловъ писалъ: „судя по странностямъ, чтобы не сказать нелѣпостямъ, которыя встрѣчаются въ немъ довольно часто, можно догадываться, что онъ составленъ какимъ-нибудь малограмотнымъ духовникомъ XII вѣка, въ эпоху крайняго упадка церковнаго законовѣдѣнія въ Греції“ (Номоканонъ при Большомъ Требнику, стр. 26—27),—въ родныхъ ему „Зинаряхъ“, составлявшихся въ средѣ благочестивыхъ, но малообразованныхъ духовниковъ. Въ древнее время почти у каждого духовника былъ свой „номоканунъ“. Происхожденіе этихъ „номоканоновъ“ проф. Ягичъ описываетъ такъ: „книголюбивый попъ записывалъ для себя нужныя мѣста, или же то, что, онъ думалъ, ему нужно“ (Starine. VI, стр. 112).

Вполнѣ понятно, что „въ сборники церковныхъ правиль весьма рано проникли уставы, которые не основывались на православной наукѣ Церкви. Церковь по этому запрещала ихъ, помѣщая между ложными книгами или апокрифами, также „худыми номоканунцами“ (Starine VI, 113). Древнѣйшій списокъ „отреченныхъ книгъ“ свидѣтельствуетъ: „суть же ложная писанія, яко худы си номоканоныци у поповъ по молитвенникомъ“ (В. А. Яковлевъ. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарарада“. Одесса 1893, стр. 146 прим. 122). Изъ „въпрашаній“ Кирика видно, что Кирикъ—„одинъ изъ сонма тѣхъ малограмотныхъ поповъ, въ средѣ которыхъ и обращались всѣ худые номоканунцы“ (А. С. Павловъ. О сочиненіяхъ, приписываемыхъ русскому митрополиту Георгію. Православное Обозрѣніе. 1881, т. I, стр. 347)—нерѣдко вычитываетъ правила изъ такихъ книгъ, которая, по мнѣнію православнаго епископа, „годяться сжечи“ (Русская Историческая Библіотека, т. 6, стлб. 44). Когда Кирикъ вычитывалъ правила, гдѣ епитимія понимается юридически, такъ что ее можно замѣнить, то Нифонтъ такихъ правилъ неодобрялъ. Кирикъ прочиталъ, „како опitemы избавляютъ 10 литургіи за 4 мѣсяцы, а 20 за 8, а 30 за лѣто“. Нифонтъ резонно замѣтилъ: „и что си написано, царь бы али иніи богатіи согрѣшающе даяли за ся служити, а сами не трудяче ни мало. Неугодно“. (Русск. Историч. Библіотека. т. 6. стлб. 44). Въ довольно распространенномъ „правилѣ“ читаемъ вопросъ: „Се глаголуть нѣціи и расчитываются на лѣто, 10 службъ за 4 мѣсаца, а поститься и покланяться не заповѣдаются, и отъ мясъ и млека и отъ питья не бранять, а 30 службъ за годъ чтутъ“. На этотъ вопросъ данъ такой отвѣтъ: „Се отинудь зло есть: то князь бы или богатый согрѣша много давали бы на урочныя службы, а сами ся не трудя, ни оста зла и неправды, тако быша и во ересь вошли, послушая учители злыхъ, чреву работа, а не Богу. Иже бо тако учать, то лестьцы суть и блазнители, а не учители. Имже кто тѣломъ согрѣшилъ, тѣмъ и да потрудится“ (Смирновъ. Матеріалы, стр. 73). Изъ „заповѣди святыхъ отецъ“ въ древне-русскихъ епитимійникахъ можетъ быть наибольшимъ распространенiemъ пользовалось правило, запрещающее постъ по найму: „аще кто возьметъ мзду, хотя зань постится, толико же за ся постится,

а еже взяль то раздати нищимъ; аще-ли не дастъ нищимъ, за то осужденъ будеть, яко чужи грѣхи вземлетъ и нелѣпо есть; да не именуется рабъ Христовъ“ (Ркп. Волоколамской библіотеки № 566, л. 125 об. С. Смирновъ. Матеріалы, стр. 52).

Слѣды юридического пониманія покаянія и епитимій слѣдуетъ отмѣтить съ исторической точки зрењія, но нельзя о восточныхъ епитимійныхъ номоканонахъ судить по „худымъ номоканунцамъ“, которые осуждала сама Церковь; этихъ номоканунцевъ можно и не принимать во вниманіе при характеристицѣ принципіальныхъ взглядовъ на смыслъ покаянія по сознанію людей церковныхъ. Церковная психологія покаянія все время оставалась тою, какъ опредѣлили ее основоположительные канонические епитимійники. Духовники—„потаковники“ или корыстолюбцы и въ церкви извращали истинное пониманіе покаянія, приближая его къ латинскому, но Православная Церковь никогда не приижала своего высокаго и чистаго ученія о покаяніи. Константинопольскій патріархъ Іеремія писалъ протестантскимъ богословамъ, что Церковь Православная признаетъ только тѣ епитиміи, которые возлагаются служителями ея, какъ лѣкарства. Если же онѣ употребляются не такъ, какъ предписали употреблять и сами употребляли ихъ въ началѣ отцы, для уврачеванія только грѣха, въ такомъ случаѣ и мы ихъ отвергаемъ, тогда и мы признаемъ ихъ тщетными и безчестными и утверждаемъ, что такими, безспорно, и должно ихъ признавать“ (Христіанское чтеніе. 1842, т. I, стр. 243—244).

Всякая попытка подчеркнуть на почвѣ православія юридический и дисциплинарный характеръ покаянія должна быть признана неудачной. Проф. Н. А. Заозерскій пишеть: „съ одной стороны, епитимія есть несомнѣнно дисциплинарное наказаніе—прямое послѣдствіе грѣха. Грѣхъ удаляетъ человѣка отъ Бога: какъ же можетъ согрѣшившій тяжкимъ грѣхомъ приступить къ общенію съ Богомъ въ таинствѣ причащенія? Нѣть грѣха больше какъ недостойное причащеніе св. Таинъ. Посему каждая епитимія есть запрещеніе на какое-либо время причащенія св. Таинъ... Удержаніе или запрещеніе причащенія было прямо *лишенiemъ права*—наказаніемъ“ (Номоканонъ Иоанна Постника, стр. 61). Прежде всего, въ этихъ разсужденіяхъ есть нѣкоторое противорѣчіе. Объ епитиміи говорится, что она есть и дисциплинарное

наказаніе, и прямое послѣдствіе грѣха. Совмѣстимы ли эти понятія? Бываетъ ли дисциплинарное взысканіе *прямымъ послѣдствіемъ* проступка. Изъ шалости школьнаго еще ничуть не вытекаетъ, что онъ долженъ стоять въ углу или оставаться „безъ обѣда“. Изъ воровства или убийства тоже никакъ не получается тюремнаго заключенія. Епитимія же есть именно прямое, а не искусственное, какъ всѣ дисциплинарныя взысканія, послѣдствіе грѣха. Затѣмъ, можно-ли епитимію называть лишеніемъ права? Наказаніе есть именно лишеніе права. Преступникъ, хотя и совершилъ преступленіе, все же имѣетъ право пользоваться свободою, но его, по искусственно созданнмъ законамъ, насилино лишаютъ этого права. Совсѣмъ другое при покаяніи. Согрѣшившій теряетъ право, а его насилино этого права не лишаютъ. Если человѣкъ самъ не можетъ чѣмъ-нибудь пользоваться, то это лишеніе нельзя назвать наказаніемъ. Разница между епитиміей и наказаніемъ именно та, что епитимія есть прямое послѣдствіе грѣха, а дисциплинарное взысканіе—послѣдствіе непремѣнно искусственное. Церковь выше юридической условности и искусственности. Кромѣ того, трудно въ одномъ понятіи епитиміи объединить и наказаніе и врачевство. Наказаніе не врачуетъ. Вотъ почему лучшее отвергать за епитиміей значеніе дисциплинарного взысканія, тѣмъ болѣе что нигдѣ въ церковныхъ каноническихъ правилахъ и вообще въ епитимійной литературѣ епитимія дисциплинарнаго характера не имѣть. Привнесеніе же юридическаго дисциплинарнаго элемента въ ученіе о покаяніи можетъ приводить къ совершенно страннмъ послѣдствіямъ.

Католичество юридическое представлениe покаянія внесло въ свою доктрину и практику. Въ Православной Церкви грѣшатъ юридическимъ пониманіемъ покаянія отдѣльныя лица, Церковь же пребываетъ свята и непорочна. Въ католичествѣ грѣшитъ все общество и только отдѣльныя лица возвышаются надъ церковными заблужденіями.

Въ православной Церкви покаяніе—врачебница, изъ которой люди выходятъ со свѣтлымъ, озареннымъ надеждой, лицомъ, потому что въ рукахъ они несутъ лѣкарства для уврачеванія ихъ тяжелыхъ и гнетущихъ совѣсть грѣховныхъ недуговъ. Въ католичествѣ покаяніе—судилище, изъ кото-

раго обвиненные и приговоренные къ тяжелымъ наказаніямъ преступники выходятъ мрачные и подавленные беспощадностью правосудія. Хорошо еще, что отъ наказанія можно откупиться; иначе нѣть надежды на спасеніе, потому что вполнѣ удовлетворить разгнѣванного Господина невозможно. Такая существенная разница въ психологіи покаянія церковнаго и католического весьма характерна для вообще религіозной психологіи члена Церкви и члена католического общества. Св. Григорій Богословъ знаетъ три типа религіозно-нравственной жизни: рабовъ, наемниковъ и сыновей. „Если ты рабъ, пишеть св. отецъ, бойся побоевъ. Если наемникъ, одно имѣй въ виду: получить. Если стоишь выше раба и наемника, даже сынъ,—стыдись Бога, какъ Отца; дѣлай добро, потому что хорошо повиноваться отцу. Хотя бы ничего не надѣялся ты получить,—угодить Отцу само по себѣ награда“. (Слово на св. Крещеніе. Творенія, т. 3. стр. 283).

Католичество съ его понятіемъ о покаяніи не даетъ человѣку подняться выше первой ступени—рабства, гдѣ онъ боится побоевъ, а Церковь возводить своего члена на ступень сына, гдѣ онъ сознаетъ себя не трепещущимъ рабомъ и не мечтающимъ о заработной платѣ наемникомъ, а именно сыномъ Небеснаго Отца.

Наши западники такъ часто говорятъ, что въ Западной Европѣ были университеты уже тогда, когда на мѣстѣ старѣйшаго русскаго университета рыскали дикие звѣри. На это мы можемъ сказать. Пусть такъ! Но когда въ Западной Европѣ ученые теологи принижали и извращали понятіе о христіанской жизни и нравственности, это понятіе было чисто и высоко у нашихъ едва бредущихъ по псалтири духовниковъ и это потому, что они жили въ Церкви, отступивъ отъ которой Западная Европа потеряла просвѣщающую всякаго человѣка благодать Божественнаго Духа. Безъ Церкви нѣть пользы ни въ культурномъ прогрессѣ, ни въ накопленіи знаній, ни въ усовершенствованіи формъ политического и общественного строя. Церковь—столпъ и утвержденіе истины, а внѣ ея одно земное мудрованіе, часто враждующее противъ мысли Божественной.

Допентъ Моск. Дух. Академіи В. Троицкій.

Живое религиозное движение—Иннокентьевщика.

Со второй половины 1909 г. въ губ. Бессарабской, Подольской и Херсонской среди молдавского населенія замѣтно зарождается тяготѣніе къ Балтскому Феодосіевскому монастырю, Подольск. губ., где почиваетъ прахъ свящ. Феодосія Левицкаго, умершаго 9 марта 1845 г. Личность эта въ народной молвѣ—святая. Тяготѣніе къ Балтскому монастырю день ото дня росло и съ 1910 г. приняло форму паломничества. Два фактора влекли паломниковъ-молдаванъ въ монастырь: 1) канонизация іеромонахомъ Иннокентіемъ праха іерея Феодосія Левицкаго въ святыя мощи, для чего имъ же устраивались и ложныя чудеса, и 2) личность самаго іеромонаха Иннокентія, природного молдаванина, ставшаго въ глазахъ сородичей по духу и плоти, чрезъ своихъ агентовъ,—якобы всесильнымъ прогонителемъ бѣсовъ изъ человѣка. Эти факторы и породили то движение среди молдаванъ, которое врачи и психіатры назвали „Балтскимъ психозомъ“¹⁾, а прессы „Балтскимъ движениемъ“²⁾. Все здѣсь сконцентрировалось вокругъ личности іеромонаха Иннокентія, который и является родоначальникомъ этого движения, а Балтскій монастырь—родиной его.

Личность Иннокентія, бывш. крестьянина села Косоуцъ, Бессарабской губ., одинъ изъ психіатровъ характеризуетъ такъ: „шарлатанство, облечено въ рамку религиозныхъ ри-

¹⁾ Д-ръ Д. Коцовскій. О нервно-психической эпидеміи въ Бессарабії. Брошюра. Изд. 1911 г.—Его-же: „О такъ называемомъ „Балтскомъ движении“ въ Бессарабії. Брошюра. Изд. 1912 г.—Д-ръ Яковенко: „Современная психіатрія“ за 1911 г. ²⁾ „Другъ“, „Бессараб. жизнь“, „Одес. Лист.“, „Подолья“, „Колоколъ“, „Міссіонер. Обозрѣніе“.

туаловъ; сластолюбіе, не щадяще ни молодости, ни пола; жадность, не брезгущая никакими скучными крестьянскими подачками—таковъ моральный портретъ Иннокентія” (Д-ръ А. Коцовскій—о „Балтскомъ движеніи“ въ Бессарабії, стр. 8). Не лучше могъ-бы нарисовать Иннокентія и пишущій эти строки. Въ дѣятельности Иннокентія мы усматриваемъ три періода: Балтскій, Каменецкій и Муромскій (монастырь Олонецкой губ.). „Просвѣтительная и „чудотворная“ дѣятельность Иннокентія въ первыхъ двухъ пунктахъ (со второй половины 1909 г. по мартъ 1912 г.) тождественна и сводится она, по словамъ д-ра А. Коцковскаго къ слѣдующему: „Въ своихъ проповѣдяхъ Иннокентій проводилъ идею необходимости отрѣшенія мірянъ отъ тѣхъ или иныхъ вредныхъ привычекъ (напримѣръ, куренія, пьянства и т. п.), но рядомъ съ этимъ—внушилъ слушателямъ идеи вселенія діавола въ людей, необходимость изгнанія его путемъ обѣтовъ, по-жертвованій на монастырь и большаго числа молебствій, хожденія по обителямъ, необходимости рыть колодцы... Эти внушенія находили благопріятную почву среди непросвѣщенной народной массы, а особенно, среди богомольцевъ, между которыми всегда имѣется достаточный контингентъ истеричныхъ и эпилептиковъ; эти больные своими припадками, поражающими темнаго человѣка, давали Иннокентію какъ бы конкретныя доказательства наличности въ людяхъ діавола... Такимъ образомъ, истеричные сами становятся разсадниками религіозныхъ идей. Бросая дома, семьи, неся послѣдніе гроши, эти увлекаются за собою толпу слабовольныхъ искренно-вѣрующихъ лицъ. Послѣдніе, побывавъ въ монастырѣ, возвращаются домой уже съ твердо выработанными убѣжденіями и вѣрою въ непреложность и истинность ученія Иннокентія и его клевретовъ. Что всего ужаснѣе—это то, что дѣти истеричныхъ матерей и вообще всѣхъ тѣхъ, которые тѣсно соприкасаются съ послѣдователями Балтскаго движенія, эти дѣти также заболѣваютъ; мнѣ приходилось наблюдать среди дѣтей деревенского населенія различныя симптомы истеріи и, при томъ, въ ужасающихъ размѣрахъ. При такихъ условіяхъ, деревня представляетъ картину тяжелаго разложенія и связанного съ этимъ,—экономического распаденія. Матери бросаютъ дѣтей, дочери бросаютъ родительской кровъ, дѣти проявляютъ тяжелые истерические сим-

птомы. Эта масса совершає паломничества... Оставшіесь дома наполняютъ церковь тяжелыми истерическими выкрикиваниеми; вступаютъ въ пререканія со священнослужителями, падаютъ въ судорогахъ и бются о полъ, вызывая у молящихся суевѣрный страхъ и еще большую вѣру въ справедливость Балтскаго ученія („О нервно-психической эпидеміи въ Бессарабіи“, 1911 г., стр. 2—5). Нарисованная врачемъ-психіатромъ картина Балтскаго движенія и его вліянія на молдавскую среду—соответствуетъ дѣйствительности, но не исчерпываетъ всецѣло вопроса по существу, освѣщающая ученыхъ имъ только съ медицинской точки зрѣнія. Между тѣмъ, религіозный элементъ въ этомъ движеніи должно считать господствующимъ. Психо-физическая природа молдаванина, ослабленная злоупотребленіемъ спиртныхъ напитковъ, плохимъ питаніемъ, духовною темнотою, низкимъ уровнемъ умственного и нравственного развитія проявила свою искусственно повышенную религіозность—патологически, и заразительно повліяла и на здоровыхъ.

Первые два періода (Балтскій и Каменецкій) въ дѣятельности іером. Иннокентія нужно отдѣлять отъ третьяго (Муромскаго) періода, въ которомъ іером. Иннокентій выступаетъ уже открытымъ еретикомъ. Согласно такому распределенію дѣятельности Иннокентія, мы и опишемъ ее, начавъ съ пребыванія его въ г.г. Балтѣ и Каменцѣ.

„Іерей Іеодосій Балтскій (Левицкій)—есть угодникъ Бога, мощи котораго нетлѣнно почивають въ Балтскомъ монастырѣ и источаютъ чудеса. Іеодосій Балтскій имѣлъ особый даръ отъ Бога побѣждать козни діавола и прогонять его изъ человѣка. Послѣдній даръ онъ передалъ всецѣло іеромонаху Иннокентію, который помимо этого имѣеть и даръ прозорливости, поэтому въ человѣкѣ всегда можетъ видѣть сидящаго бѣса, а въ общемъ—и прогонять его изъ человѣка, если за этимъ обратятся къ нему Иннокентію. Но для вящшаго успѣха—со стороны ищущаго должны быть раньше посты, несеніе эпитимій, особенно по сбору пожертвованій для монастыря и пр... Одержимые бѣсами—счастливцы, ибо за перенесеніе мученій Богъ ихъ спасеть. Такіе больные за свои поступки, какъ безвольные, не отвѣтственны ни предъ кѣмъ изъ людей. Скоро кончина міра, день которой знаетъ Иннокентій, какъ получившій открове-

ніе объ этомъ отъ Бога, что еще больше должно людей заставить опомниться, каяться и не дорожить ничъмъ земнымъ, употребляя послѣднее на благотвореніе. Предъ кончиною міра вода въ моряхъ, озерахъ, рѣкахъ и колодцахъ совершенно изсякнетъ. Но онъ (Иннокентій) вымолилъ у Божіей Матери для молдавскаго населенія Бессарабіи девять неизсякаемыхъ источниковъ (колодцевъ), которые должны быть выкопаны и оборудованы на сборныя деньги; изъ нихъ въ дни всеобщей жажды молдаване будутъ черпать воду. Она здѣсь и чудодѣйственна: больнымъ помогаетъ..."

Вотъ въ общемъ та религіозная основа, которая въ своемъ отраженіи дала развалъ личной семейной и общественной жизни многихъ изъ молдаванъ Бессарабіи. Къ концу пребыванія своего въ Каменцѣ Иннокентій сталъ предъ молдаванами проговариваться, что онъ „похожъ на Іоанна Крестителя, на пророка Илію“, чѣмъ, конечно, вниманіе и усердіе молдаванъ еще больше привлекалъ къ себѣ. Говориль и о томъ, что для мертворожденныхъ младенцевъ не бывшее надъ ними крещеніе замѣняется служеніемъ панихидъ по нимъ, при чемъ—не менѣе 40 на сборныя деньги и тогда младенецъ будетъ въ раю. Коснулся онъ, наконецъ, и русскаго государства, предсказывая прекращеніе Царствующаго Дома, а себя ставилъ въ особу, которой покорятся всѣ цари земные, кромѣ китайскаго и японскаго. Психіатръ А. Д. Коцковскій характеризуетъ молдаванъ такъ: „въ своемъ невѣжествѣ они очень простодушны и легко принимаютъ на вѣру все, что слышать на родномъ для нихъ языке“. Неудивительно поэтому, что бредни Иннокентія въ душѣ молдаванина нашли откликъ, довѣріе и примѣненіе въ жизні. А какъ глубоко бредни Иннокентія западаютъ въ душу преданного ему молдаванина,—это можно видѣть хотя изъ того, что больныхъ, особенно красивыхъ женщинъ и дѣвицъ, онъ раздѣваетъ почти до гола и мажетъ тѣло ихъ елеемъ, изгоняя тѣмъ отовсюду бѣса..... Вообще, демоническая болѣзни, такъ якобы много посѣтившія молдаванъ, и способы ихъ врачеванія—это у Иннокентія забота первой важности. Балтскное движение даже въ первыхъ двухъ своихъ периодахъ представляеть изъ себя что то устойчивое, что видно изъ постепенно возрастающаго количества фанатично преданныхъ ему молдаванъ, изъ группы которыхъ выдѣляются уже и

главари его. Какъ первые, такъ и вторые заняты среди молдаванъ пропагандою ученія Иннокентія и отсюда наглымъ обирадательствомъ, доходящимъ до значительного разоренія хозяйства и разложенія семьи.

Третій періодъ дѣятельности Иннокентія—это время пребыванія его въ Муромскомъ монастырѣ, Олонецкой губерніи. Здѣсь онъ уже явный еретикъ, начиная съ осени 1912 г. Вотъ почему лица изъ „Балтскаго движенія“, примкнувшія къ новымъ возврѣніямъ на личность Иннокентія, еретично-ствующаго о себѣ, должны именоваться „иннокентьевцами“, а это новое сектантское движеніе „иннокентьевщиной“.

Что же новаго заговорилъ о себѣ Иннокентій своимъ послѣдователямъ въ послѣдніе дни. „Я Утѣшитель, Духъ Истины, Духъ Святый и поэтому тексты Писанія Ев. Іоанна 14, 26; 15, 26; 16, 13 относятся ко мнѣ. Теперь я явилъ себя миру. Не сомнѣвайтесь. Вспомните, что Богъ—Святая Троица—явился Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ. Богъ Отецъ и Богъ Сынъ уже явлены миру. Настало время явленія третьему страннику Духу Святому и Онъ явился миру—это я... Я Духа Святаго въ видѣ голубя проглотилъ и самъ сталъ Духомъ Святымъ. Я послѣдній пророкъ предъ кончиною мира: Илія и Энохъ. Теперь я требую отъ васъ безпрекословно повиноваться моему ученію и разнести его во всѣ концы міра, пока еще есть время, ибо оно скоро прекратится, настанетъ кончина міра и страшный судъ. День всего этого мнѣ извѣстенъ и вы уже готовьтесь. Истощайте себя, поэтому поститесь. Разорвите связь со всѣмъ мірскимъ и семьею, хозяйствомъ, землею и приходите ко мнѣ, тутъ и спасайтесь... Помните, что за такой подвигъ вы сторицею получите отъ меня“.

Это новое ученіе Иннокентія о себѣ ошеломило многихъ молдаванъ и довело до психоза: распродаютъ свои пожитки, землю и съ неудержимою силой стремятся въ Муромскій монастырь, гдѣ будто бы Иннокентій для нихъ и чудеса творить: малымъ количествомъ хлѣба кормить сотни людей и еще остатки есть. Послѣдователей держитъ впроголодь, отбираетъ у нихъ деньги, называя послѣднія духомъ антихриста. Такіе увѣровавшіе группируются дома и собранія свои устраиваютъ днемъ и ночью, на которыхъ помимо церковныхъ пѣнопѣній, чтенія Евангелія и произвольного толкованія

его, поется и псальма въ честь Иннокентія, изъ которой видно, что онъ — сверхчеловѣкъ, т.-е. Богъ. Иннокентьевцы наканунѣ полнаго разрыва съ церковью православною, ибо къ ней уже холодны; всѣ мысли, движенія и поступки ихъ сосредоточены исключительно на личности Иннокентія, якобы всевидящаго, всезнающаго и всесильного. Какъ доказательство послѣдняго, напр., онъ отъ Царствующаго Государя якобы потребуетъ отчетъ о русско-японской войнѣ, о чёмъ говорить и своимъ послѣдователямъ самъ. Нужно признать доказаннымъ, что для пропаганды своихъ бредней у Иннокентія есть стройно организованный кадръ посланниковъ и посланницъ, обходящихъ „море“ и „сушу“ Бессарабіи и пожинающихъ, гдѣ не сѣяли... Словомъ, иннокентьевщина — теченіе сектантское и потому не лишено уже и общественно-государственного значенія, но обѣ этомъ послѣ скажу, а пока постараюсь указать кратко мѣсто ей въ циклѣ ересей.

Догматическое учение хлыстовъ не знаетъ воплощенія Духа Святаго. Есть здѣсь перевоплощеніе Христа, но не Духа Святаго, да притомъ — послѣднимъ только можно завладать (временно), но завладавшій имъ — не есть самъ воплощенный Духъ Святый, третье лицо Св. Троицы, что мы такъ ясно и опредѣленно слышимъ отъ Иннокентія о себѣ. Конечно, учение Иннокентія — учение сектантско-мистическое, въ чёмъ природа и хлыстовства, и въ этомъ, пожалуй, можно видѣть и сходство этихъ сектъ. Но сходство это виѣшнее. Я больше склоняюсь видѣть, въ предѣлахъ тѣхъ данныхъ, что имѣю, прототипъ для ученія Иннокентія въ еретическихъ бредняхъ, осужденныхъ церковью, Монтана и Манеса, жившихъ во 2 и 3 вѣкѣ. И Монтанъ, и Манесь выдавали себя за Параклита, при чёмъ первый былъ и пророкомъ, что все слышимъ отъ Иннокентія и о себѣ. Считали ли Монтанъ и Манесь себя воплощеннымъ Параклитомъ?

Въ первомъ правилѣ св. Василія Вел. есть утвердительный отвѣтъ на это. Слѣдовательно, въ ученіи о себѣ Иннокентія, какъ воплощеннемъ Параклита, можно видѣть повтореніе старыхъ бредней... И Монтанъ и Манесь — жестокіе ригористы, причина чего, преимущественно въ скромъ наступленіи кончины міра, которая предносилась ихъ взору во времени опредѣленномъ, точномъ. Таковъ и Иннокентій. Конечно, полной аналогіи между этими личностями найти нельзѧ.

У Иннокентія есть и свое, оригинальное, напр., учение о томъ, что онъ одновремено и Илія и Энохъ, взглядъ на бѣсноватыхъ, значеніе панихиидъ по мертворожденнымъ и политическое *credo*. Но въ общемъ — смѣло и открыто можемъ утверждать, что имѣемъ дѣло съ еретикомъ Иннокентіемъ и потому съ еретическимъ движениемъ среди молдавскаго населенія „Иннокентьевицой“.

Разсмотримъ теперь Иннокентьевщину съ церковной, общественной и государственной точки зрењія.

Съ церковной точки зрењія Иннокентьевщина есть, конечно, ересь, чѣмъ сразу исчерпывается и вредъ ея. Здѣсь вмѣсто истинного Бога—Духа Святаго, какъ третьяго лица Св. Троицы, и благодатной силы Его, подаваемой ко спасенію намъ; членамъ истинной церкви, въ силу заслугъ Господа нашего Иисуса Христа, подставляется ничтожная личность смертнаго человѣка Иннокентія, вздумавшаго выдать себя, къ соблазну молдаванъ, за Духа Святаго, Утѣшителя, Духа истины. Но „кто Духа Христова не имѣеть, тотъ и не Его (Р. 8, 9). А иннокентьевцы подмѣняютъ Духа Христова на духъ многогрѣшнаго смертнаго Иннокентія, поэтому и спасеніе удалили отъ себя. Аналогичное заблужденіе, въ свое время, въ правилахъ Св. Василія Великаго и Вселенскихъ Соборовъ нашло строгое осужденіе. Такъ, въ первомъ правилѣ первого канонического посланія Св. Василія Великаго читаемъ: „Пепузіане же явно суть еретики. Ибо они восхулили на Духа Святаго, нечестиво и безстыдно присвоивъ наименование Утѣшителя Монтану и Прискиллѣ. Посему боготворять ли они человѣковъ, подлежать за сіе осужденію, оскорбляютъ ли Духа Святаго, сравнивая его съ человѣками, и въ семь слушаю повинны вѣчному осужденію“. Изъ дальнѣйшихъ словъ этого правила видно, что еретики Монтана признавали воплотившимся Духомъ Святымъ, такъ какъ, „во имя Отца и Сына и Монтана крестились“. А 7-е правило Второго Вселенского собора и 95-е правило Шестого Вселенского собора—людей, такъ вѣрующихъ — (монтанистовъ и манихеевъ), считаетъ еретиками и принимаетъ въ церковь чрезъ св. крещеніе, чѣмъ учение ихъ не признаетъ христіанскимъ.

Съ общественной точки—движение это не здоровое и зловѣщее по своимъ послѣдствіямъ. Прежде всего, всѣ иннокентьевцы—люди больные психически и физически. Они,

далъе, съ неудержимою силою распредаютъ свое движимое и недвижимое имущество, а вырученныя деньги отдаются Иннокентію, чѣмъ сразу ставятъ себя въ разрядъ пролетариата. За разореніемъ хозяйства идетъ у иннокентьевцевъ и разореніе семьи: мужъ расходится съ женою, а дѣтей нѣ-которые бросаются на произволъ. Дѣвицы и парни отцовскій домъ оставляютъ.

Съ Государственной точки—движение это вредно, потому что въ немъ унижается особы Государя тѣмъ предсказаніемъ, что царей у нась больше не будетъ. Господствовать будетъ самъ Иннокентій, которому покорятся всѣ цари земные, кромѣ китайского и японского. А пока... Иннокентій собирается потребовать отчетъ у Царя о русско-японской войнѣ!..

Такова иннокентьевщина въ первыя мѣсяцы своего появленія. А чѣмъ она подарить нась дальше, — скоро увидимъ.

Епарх. миссіонеръ свящ. **Ѳ. Кирика.**

Графъ Левъ Толстой.

I.

Міровая трагикомедія.

„Миѣ надо самому одному жить,
самому одному и умереть“.

(Гр. Л. Толстой).

Три десятка лѣтъ на міровой сценѣ разыгрывалась небывалая трагикомедія. Авторомъ ея и главнымъ въ ней дѣйствующимъ лицомъ былъ гр. Л. Толстой. Оттого трагикомедія и можетъ быть названа: „Графъ Левъ Толстой“.

Прежде великий художникъ, а затѣмъ религіозный хулитель и политико-соціальный разрушитель, гр. Толстой предъ смертью снова приковалъ, было, къ себѣ вниманіе всего міра. Снова трагикомедія „Графъ Л. Толстой“ съ наиболѣе пышнымъ декорумомъ была поставлена на міровой сценѣ. И не только обновили декорумъ, но и прорепетировали эпилогъ трагикомедіи. Сигналъ къ репетиціи далъ самъ гр. Толстой. Цѣною потери послѣдней искры и разума, и совѣсти, и долга создали одинъ за другимъ небывалые театральные эффекти, кое-какъ понабрали—„съ міру по ниткѣ“—матерьялецъ—„рубашку“ для „голаго“ душою главнаго дѣятеля задуманного эпилога и пустили его на сцену въ новомъ жалко-комичномъ нарядѣ...

И въ жертву этого эпилога принесли покой: и бѣд-

наго „почтаря Фильки“, и знатныхъ людей, и писателей, и философовъ, и мужей науки, и дѣятелей Церкви, и вообще народныхъ массъ! Точно въ лѣтній зной закружились мухи, разлетѣлись по городамъ и весямъ и докучливо жалятъ обывателей!.. Повсюду звенѣли телефоны, стучали телеграфные аппараты, скакали „курьеры“... И весь этотъ шумъ нагло врывался и въ музицкія избы, и въ пышныя хоромы, и въ святительскіе покои... Властно смутыны всюду требовали отвѣта: „Что вы думаете?.. Каково ваше мнѣніе? Весь міръ жаждетъ вашего мнѣнія?..“ — „*Никакъ?!*“ — Нельзя *никакъ!*.. Понимаете: міръ того желаетъ, и вы обязаны высказаться!..“ И, будучи не въ силахъ отвязаться отъ докучливыхъ газетныхъ мухъ, слабовольный писатель, и научный „олимпіецъ“, и служитель алтаря—всѣ летѣли за газетными мухами и ложились на типографскій станокъ!.. И ни у кого нехватало смѣлости сказать: „Вамъ нуженъ пятакъ. Извольте получить, и проваливайте“...

— Поставленный на репетицію эпилогъ къ трагико-медії „Гр: Л. Толстой“ еще разъ ярко обнаружилъ маразмъ совѣсти или жалкую упадочность чутья правды въ нашемъ обществѣ! Чего всполошились? Что случилось новенькаго? Бѣжалъ отъ жены Толстой всѣхъ такъ переполошилъ!.. Но, полноте! Такъ ли дорогъ вамъ Толстой, какъ вы всполошились?! Не отрекался ли каждый изъ васъ отъ Толстого сто разъ на день?! Не проклиналъ ли каждый изъ васъ Толстого за его грубое и кощунственно-пошлое попираніе святынь вашей души?! Не полна ли русская земля, да и другія страны, жертвъ толстовскаго безумія?!

Чего же вы хотѣли, создавая міровую смуту?! Или Толстой сдѣлалъ своимъ послѣднимъ шагомъ нѣчто воистину великое? Но тогда скажите: *что?*

И не новый ли актъ узко-житейской комедіи разыгралъ Толстой своимъ бѣгствомъ изъ ясонополянского дома? Въ самомъ дѣлѣ, донельзя себялюбивый старикъ вдругъ схватывается на разсвѣтѣ, шумомъ будить жену, обманываетъ ее якобы принятіемъ лѣкарственныхъ порошковъ, запасается деньгами и въ свой и въ докторской карманы, затѣмъ будить кучера запрягать лошадей, садится съ докторомъ въ экипажъ, гонитъ Фильку впереди съ факеломъ... Это— „бѣгство“ Толстого изъ дома...

А дальше... Площадка вагона 3-го класса... Несносный табакъ пассажировъ... Требованіе *отдѣльного* вагона и, конечно, тоже 3-го класса... Заѣздъ въ Оптину пустынъ; заѣздъ къ старцу Іосифу... Величественная распись: „Л. Толстой благодаритъ за гостепріимство“... Женская обитель... Толстой у сестры-монахини... Бѣгство Толстого изъ обители, якобы отъ „шпиона“, бродившаго-де у окна кельи Толстого!.. Станція „Астапово“... Лишеніе покоя начальника станціи... Наѣздъ камарилъ Толстого и газетныхъ мухъ... Камарилья ведетъ войну съ мухами, какъ бы чего „некорошаго“ не пустили въ печать!.. Вызовъ докторовъ, привозъ кровати изъ Москвы!.. И т. д. и т. д!..

Что же здѣсь великаго?!.. И не лежитъ ли на всемъ этомъ печать той фразы, которую одну только изъ всѣхъ своихъ писаній Л. Толстой все время тщательно исполнялъ: „*мнѣ надо самому одному жить*“... Не верхъ ли самого отвратительного себялюбія была вся эта кутерьма, поднятая Толстымъ! И посмотрите, едва только ему легчало, какъ онъ тотчасъ просилъ читать газеты!.. Камарилья его заботливо поясняла, что онъ „читалъ газеты,—но только не о себѣ!.. Полноте! Да о комъ же Толстой и заботился послѣднія тридцать лѣтъ, какъ только не о себѣ!.. И вся обстановка его

бѣгства развѣ не говорила ясно, что Толстому нѣтъ дѣла ни до кого и ни до чего, или что то же: „мнѣ надо самому одному жить, самому одному и умереть“!..

— „Нѣтъ,—говорятъ,—бѣгство Толстого—это великая трагедія великой души!..“ Но взгляните при свѣтѣ своей совѣсти на душу Толстого, и вы безъ оглядки сбѣжите отъ него! Развѣ не изъ его „чрева потекли рѣки воды мертвой“, которая отравила сердца и сгубила тѣла народныхъ массъ?! Развѣ не Толстой до невѣроятности пошло глумился надъ христіанскимъ Богомъ, надъ святыми апостолами, надъ Христовою Церковью, надъ святыми таинствами, надъ христіанскимъ бракомъ и семьею?!.. Развѣ не онъ своимъ ложнымъ „христіанскимъ ученіемъ“ посягнулъ даже на души дѣтей—„малыхъ сихъ“?!.. Вы, ежегодно идущіе къ св. евхаристіи,—помыслите о тѣхъ хулахъ, кои возложилъ на нее Толстой, и, если въ вашемъ сердцѣ есть хоть капля вѣры въ Св. Таинство Тѣла и Крови Христовыхъ, развѣ не отвернетесь вы съ ужасомъ отъ Толстого!.. Болѣе 30 лѣтъ „великій“ русскій кощунникъ своими старческими устами топталъ и неистово хулилъ Христа и Его Церковь, поносилъ всѣ святыни христіанства, грабилъ душу Россіи, толкалъ на ужасныя религіозныя преступленія и звѣрства цѣлыхъ массы несчастныхъ, сбитыхъ имъ съ толку сыновъ Россіи, гналь ихъ въ тюрьмы, на смерть, на полныя страданій скитанья въ дальніе края, отнималъ у трудящихся и обремененныхъ и страждущихъ единственную утѣху и отраду ихъ въ жизни—Господа Христа... А ему въ отвѣтъ кричали: „великая трагедія великой души“!.. Какое лицемѣріе! Это-ли не жертва Молоху!..

Болѣе 30 лѣтъ старикъ „художественно“ терзалъ и поносилъ славу и государственное величіе Россіи. Тысячи крестьянъ, рабочихъ и прочихъ горемычныхъ тру-

женниковъ Россіи брошены имъ въ объятія государственного бунта противъ власти, противъ собственности, противъ податей, воинской повинности и пр... Ихъ сѣкли кнутами, заточали въ тюрьмы, вѣшали, ссылали... Кровь этихъ жертвъ, обманутыхъ „художествомъ“ Толстого, вопіяла объ отмщені!.. А, между тѣмъ, „художественного погромщика“ вѣнчали лаврами и привѣтствовали хвалебными кликами: „великая трагедія великой души“!.. Жутко, страшно за совѣсть людскую; точно она сгорѣла дотла! И нѣтъ просвѣта...

„Я ишу человѣка“,—нѣкогда сказалъ Діогенъ, бродившій съ фонаремъ въ ярко солнечный день!.. „Я ишу совѣсть людскую“,—сказалъ бы онъ теперь, въ изнеможеніи падая близъ своей бочки... Нѣть ея,—этого нелицепріятнаго судіи человѣка, этого правдиваго зеркала человѣчества!.. И чѣмъ сильнѣе на словахъ кричатъ о ней, тѣмъ глубже дѣлами закапываютъ ее въ подземелье! Испошлилось все на Руси. Обезсовѣстилась прежде всего „передовая“ Русь. Ужъ не ея ли кумиры низлагалъ Толстой?! Не ея ли культуру и цивилизацию онъ назвалъ „самодурствомъ“, не ея ли „правовой строй“ призналъ „порабощеніемъ и развратомъ“, не ея ли равноправіе половъ отожествилъ съ „развращеніемъ и враждою половъ“?!. А современная „наука“ со всѣми ея „освободительными аксессуарами“,—развѣ это, по Толстому, не „выдумка чернаго діавола въ мантіи“?!. Или „народное представительство“—это дѣтище всѣхъ „освободителей“—не „центръ народнаго разврата“, по Толстому?!

Такъ скажите же, всѣ вы: и правители, и мужи Думы, и Совѣта, и служители прессы, и либеральные и революціонные дѣятели, и земцы, и доктора, и профессора, и адвокаты, и жалкие студентки, и курсистки, и несчастные рабочіе—за что вы чествуете и что вамъ

дорого въ Толстомъ?!. Если онъ—ваше зеркало, такъ вы же дѣлами своими ушли отъ него, разбили его!.. Не вамъ ли онъ сказалъ, когда вы бѣсновались по слу-чаю 80-лѣтія его: „*фальшивое кокетство*“!.. Не онъ ли силился остановить вашу безумную и лицемѣрную оргію!..

— Если вникнуть въ сущность всего этого „осво-бодительного бѣснованія“ возлѣ Толстого, то нельзя не увидѣть, что оно не имѣетъ ничего общаго съ учениемъ Толстого, какъ таковыи. Собственно, до ученія Толстого и нѣтъ никому никакого дѣла! Всѣ эти „осво-бодительные церемоніймейстеры“ прекрасно знаютъ, что въ жизни и самому Толстому не было никакого дѣла до своего ученія! Для своихъ экспериментовъ онъ до-статочно находилъ матеріала среди народной темной массы, чтобы еще жертвовать собою или своими друзьями: гг. Стаковичами, Хирьяковыми, Чертковыми... Такъ по-чemu же гг. „освободителямъ“ также для своихъ цѣлей не использовать Толстого, оставивъ его ученіе въ сто-ронѣ и себя въ безопасности?.. Почему если Толстому „надо самому одному жить“, то и „освободителямъ“ нельзя также „самимъ однимъ жить“?!. И вотъ для собственного удобства они наряжаютъ Толстого въ ка-кой имъ любъ кафтанъ и его именемъ пользуются для своихъ рекламныхъ цѣлей, для борьбы съ врагами своего благополучія!..

Вся жизнь Толстого,—говорить одинъ видный англійскій писатель Лангъ, лично бывавшій у Толстого,—была *превосходнымъ дѣловымъ компромиссомъ*!.. Вотъ это прекрасно усвоили наши „освободители“. Въ теоріи ругай-де нась, сколько и какъ хочешь, а только въ жизни вступай съ нами „въ дѣловые компромиссы“!.. Намъ надобно твое громкое имя! Ну, а мы тебѣ отда-димъ его еще болѣе громкимъ! Обоюдный интересъ: спѣлись! И закружились въ совмѣстной „дѣловой“

пляскъ... И такъ пляшутъ и у гробовой доски!.. Омерзительное зрѣлище!..

Знаменитый Кальдеронъ, удивляясь самопротиворѣчію Толстого въ учени и особенно въ жизни, задался вопросомъ: „почему ученики Толстого негодуютъ за то, что Церковь отказываетъ ихъ учителю въ утѣшенніяхъ религіи, которая онъ отвергаетъ, объявляя ихъ ложью и насилиствомъ; почему они призываютъ весь цивилизованный міръ раздѣлить съ ними вопль горькаго негодованія на клерикальную тиранію?!.“ И Кальдеронъ пришелъ къ заключенію, что народилось у насъ „новое полуобразованное общество“, жаждущее и требующее немедленного осуществленія мира и счастія на землѣ! Это „общество“ не любить „обременять себя знаніемъ“ и потому не выносить много и долгодумныхъ людей науки... Оно ищетъ „пророка“... И вотъ оно заполняетъ собою кадры „новохристіанъ“, толстовцевъ и пр.!.. Этимъ людямъ свойственны всякія противорѣчія вѣрованій, имъ свойственно даже вѣрить въ сознательную для нихъ самихъ ложь. И, однако, люди эти нерѣдко орудуютъ общественнымъ мнѣніемъ,—они создаютъ репутаціи: однихъ покрываютъ позоромъ, другихъ вѣнчаютъ славою; они накопляютъ массу горючаго матеріала, отъ которого можетъ загорѣться и серьезная часть общества!..—Нѣтъ возможности,—заключаетъ Кальдеронъ,—перечислить всѣ черты непослѣдовательности и всю массу противорѣчій, поглощаемыхъ учениками Толстого. Толстой—это колеблющійся „пророкъ“: онъ не останавливается ни на положительномъ утвержденіи, ни на рѣшительномъ отрицаніи, но говоритъ: „это вѣрно... по крайней мѣрѣ, это можетъ быть вѣрно... но нѣтъ, въ сущности, я увѣренъ, что это невѣрно“. А ученики, воспринимая такія слова, твердятъ отъ себя: „мы увѣрены, что это вѣрно, что это можетъ быть вѣрно и

что въ сущности все-таки невѣрно"... Какая благодарная ловля рыбы для нашихъ „освободителей“ въ столь мутной водѣ!.. И вотъ эти ловцы сбѣжались, было, и къ одру гр. Толстого, опутали его своими сѣтями покрѣпче, чтобы, чего доброго, въ послѣдній часъ онъ не вырвался изъ объятій ихъ „дѣлового компромисса“ и не подвелъ бы такого итога ихъ совмѣстной работы, отъ котораго бы они долго не пришли въ себя!.. Дѣльцы, дѣльцы,—гдѣ ваша совѣсть?! Утопили вы ее въ грязной пѣнѣ своихъ страстей!.. И этой пѣною гасите послѣднюю искру любви Божіей въ сердцѣ вами погубленнаго гр. Л. Толстого!.. Репетиція эпилога міровой трагикомедіи была послѣднимъ попустительнымъ предостереженіемъ Всевышняго Творца тому, кто получилъ отъ Бога тысячу талантовъ и употребилъ ихъ во зло Божьяго міра! Но не понялъ ея смысла гр. Л. Толстой и до конца оказался рабомъ заѣвшей его среды!.. Ему не дали „самому одному“ побыть въ послѣдніе дни съ са-
мимъ собой! Ему не дали *самому* подвести итогъ своей жизни и сказать *свое* послѣднее слово! Его снова втянули въ „дѣловой компромиссъ“!.. Жалкое время!
Пошлые люди!

II.

Церковь и гр. Л. Толстой.

„Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ,
не безчинствуетъ“ (1 Коринто., 13 гл., 4 ст.).

„Есть грѣхъ нѣ смерти, не о томъ глаголю, да молится“ (1 Ин., 5 гл., 16 ст.).

По смерти гр. Толстого повсюду шли усиленные толки о томъ, разрѣшилъ ли Святѣйшій Синодъ предать *не* въ Бозѣ почившаго гр. Л. Толстого церковному погребенію?..

Не было ни одного мало-мальски виднаго церковнаго дѣятеля, котораго бы ни осаждали съ этимъ вопросомъ газетныя осы... И замѣчательное явленіе наблюдалось даже при бѣгломъ взглядѣ на смуту вокругъ вопроса о погребеніи гр. Л. Толстого. Люди не только безразличные къ Церкви, не только не вѣрующіе въ спасительность ея молитвъ, но и рѣзко враждебные къ ней,—съ особеннымъ рвениемъ требовали церковнаго погребенія гр. Л. Толстого!.. Они прозрачно намекали даже на властное принужденіе, чтобы Св. Синодъ разрѣшилъ отпѣсть гр. Толстого по-церковному. Здѣсь уже они забывали и о „свободѣ религіозной совѣсти“, и о „независимости Церкви отъ государства“, и т. под., а вступали и другихъ толкали на осуждаемый ими же путь порабощенія Церкви государствомъ, путь дѣйствительнаго уже, а не мнимаго, какъ провозгласили, было, гг. Мережковскій и др., „паралича Церкви!..“

И, при видѣ этой фальши, невольно приходилось заключать, что всѣ подобные „оратели“ за церковное погребеніе гр. Толстого въ существѣ дѣла жаждали принизить Церковь, опозорить ее въ глазахъ и въ сердцахъ вѣрующей народной массы и тѣмъ подготовить торжество для своихъ „освободительныхъ идей“!.. Вѣдь если бы они искренно желали воцерковить прахъ гр. Толстого, то кто мѣшалъ имъ уничтожить, хоть въ послѣдніе дни жизни Толстого, преграду, отдѣлявшую его отъ Церкви, и сподобить его принятія святыхъ таинъ Христовыхъ?! А они что сдѣлали? Возвысили и укрѣпили эту преграду!.. Вырвали слабовольнаго и бѣжавшаго отъ нихъ старца изъ-подъ крова святыхъ обителей, окутали душу его самой ужасной предсмертной гордыней, увезли его въ непогоду и тамъ, въ степной глухи, превратили тѣло его въ безбожный прахъ!.. Забыли все: и Бога, и совѣсть, и даже простую поря-

дочность, когда съ бѣсовскою хитростью не допустили служителей Церкви къ смертному одру гр. Толстого, когда не прочли ему даже телеграммы предстоятеля Церкви!.. Некогда было,—надо было газеты читать!.. Надо было исполнять „завѣщаніе“ графа, которое явилось плодомъ возгрѣтаго ими же раздраженія по поводу отлученія графа отъ Церкви: „я дѣйствительно отрекся отъ Церкви, пересталъ исполнять ея обряды и написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ церковныхъ служителей и мертвое мое тѣло убрали поскорѣе“... Вмѣсто угашенія въ графѣ духа злобы, они раздули его.

А какимъ близкимъ казалось обращеніе гр. Толстого!.. „Можетъ-быть,—писалъ извѣстный писатель-психологъ Д. С. Мережковскій,—если бы мы больше любили и окружили, обступили его съ дѣйствительною мольбою къ нему, молитвою за него, съ дѣйствительною вѣрою въ невозможное—въ чудо его обращенія, то онъ не устоялъ бы, содрогнулся бы, что-то понялъ бы, по крайней мѣрѣ, что онъ чего-то не понимаетъ, что не все такъ просто, какъ ему кажется!.. Языкъ не повернулся бы у него... рука не поднялась бы до такого кровного оскорблѣнія Церкви... Нельзя было Церкви не засвидѣтельствовать обѣ отпаденій Л. Толстого, какъ мыслителя, отъ христіанства. Но, можетъ-быть, это не послѣднее слово Церкви о немъ; можетъ-быть, она когда-нибудь засвидѣтельствуетъ и то, что, подобно языческому слѣпцу „Омиру“, и этотъ новый слѣпецъ христіанства касается Духа Святаго, устремляется къ Слову, Богу славу поетъ, Христу плачетъ, себѣ невѣдомо, тайной житія своего совершая сіе“.

Не сбылось! Слѣпцы окружили слѣпца и увлекли его въ бездну съ хулою на Церковь Христову!..

Какъ же можно было вопить о церковномъ погребеніи!.. Церковь сдѣлала все... Свои материнскія ласки, мольбы, свое милосердіе она простерла до крайнихъ предѣловъ... Но ее грубо и съ демонской злобою оттолкнули!.. Такъ неужели она должна вмѣстѣ со своими хулиителями превратить христіанскую любовь въ безчинство и нераскаяннаго грѣшника „грѣхомъ къ смерти“ воцерковить?!

Я не буду говорить о томъ, что и св. евангеліе, и церковные каноны не дозволяютъ предать гр. Л. Толстого церковному погребенію,—это извѣстно и безспорно! Но я укажу на то, какой роковой соблазнъ произвело бы такое погребеніе въ средѣ вѣрныхъ чадъ Церкви и какое бы мощное оружіе оно дало врагамъ Церкви для борьбы съ нею!..

Къ великой радости православныхъ христіанъ, ничего подобнаго съ Христовой любовью не случилось. Она не была отдана на поношеніе враговъ Христа. Православная Церковь не разрѣшила воцерковленія нераскаяннаго грѣшника гр. Толстого! Это было сказано Св. Синодомъ давно, и только враги Церкви сдѣлали изъ этого якобы неразрѣшенный еще вопросъ!.. Въ своемъ опредѣленіи обѣ отлученіи отъ Церкви гр. Л. Толстого Св. Синодъ оповѣстилъ: „Церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею“. И первоіерархъ русской Православной Церкви на рѣзкое и полное невѣрія письмо къ нему графини С. А. Толстой отвѣчалъ: „Любовь Божія безконечна, но и Она прощаетъ не всѣхъ и не за все. Хула на Духа Святаго не прощается ни въ сей, ни въ будущей жизни (Мѳ., 12 гл., 32 ст.). Господь всегда ищетъ человѣка Свою любовью, но человѣкъ иногда не хочетъ итти навстрѣчу этой любви и бѣжитъ отъ Лица Божія, а

потому и погибаетъ. Христосъ молился на крестѣ за враговъ Своихъ, но и Онъ въ Своей первосвященнической молитвѣ изрекъ горькое для любви Его слово, что погибъ сынъ погибельный“...

„Когда, — продолжаетъ первоіерархъ, — газеты разнесли вѣсть о болѣзни графа, то для священнослужителей во всей силѣ всталъ вопросъ: слѣдуетъ ли его, отпавшаго отъ Вѣры и Церкви, удостоивать христіанскаго погребенія и молитвы?“ И Синодъ въ руководство священнослужителямъ „далъ и могъ дать только одинъ отвѣтъ: не слѣдуетъ, если умретъ, не возстановивъ своего общенія съ Церковью. Никому тутъ никакой угрозы нѣтъ, и иного отвѣта быть не могло“...

Мы знаемъ, что „иной“ отвѣтъ надобенъ былъ врагамъ Церкви... Имъ надо было сдѣлать Церковь посмѣшищемъ у народовъ и на церковныхъ развалинахъ создать свое богооборное царство,—царство лжи и потери въ человѣкѣ совѣсти... Только тогда они успокоятся, ибо уже ничто внутреннее не будетъ гладить ихъ за мерзость ихъ дѣлъ... Только тогда они надѣются создать свой человѣческий „миръ“ и свое человѣческое „братство“, въ которомъ они и все ихъ потомство захлебнутся грязной пѣнной бѣснующихся человѣческихъ страстей...

Но вѣрно слово Христа: „Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ей“.

III,

Л. Толстой и толстовцы.

Въ самомъ дѣлѣ Толстой самъ въ правду ли толстовецъ? (Кальдеронъ).

— Былъ Толстой, было и есть толстовство, но не было и нѣтъ толстовцевъ.

Уже при жизни Л. Толстого многіе весьма основательно утверждали, что у насть собственно нѣтъ „тол-

стовцевъ“ Тepерь же, когда надъ Толстымъ захлопнулась гробовая крышка, мы съ неоспоримою ясностью увидѣли, что, дѣйствительно; *былъ Л. Толстой, было и есть толстовство, но не было и нѣтъ толстовцевъ*“.

У гроба „міровыхъ свѣтиль“ не только мѣсто стенаній и плача ихъ учениковъ, но и смотръ ихъ „мірового наслѣдія“, плодовъ ихъ жизни и ученія!.. Здѣсь подводится итогъ міровой работы великихъ мужей, и какъ бы оставляется міру въ наслѣдіе ихъ закваска.

Но что же мы видѣли у гроба Л. Толстого? Кто эти, создавшіе міровой шумъ у его праха? Птенцы толстовского гнѣзда? Ученики, пламенѣющіе любовью къ своему учителю? Тѣ, кто воплотилъ въ своей жизни ученіе Толстого, кто отдался ему душою?

Нѣтъ!.. И... нѣтъ!.. Это все тѣ, кого всѣми фибрами своей души Толстой обличалъ, клеймилъ за ихъ внутреннее убожество, за мерзость ихъ жизни и ученія!.. Это тѣ, чье юбилейное „бѣснованіе“ онъ на склонѣ своихъ лѣтъ громко прервалъ воплемъ: „фальшивое кокетство“!.. Самъ, будучи не въ силахъ выполнить свое ученіе, Толстой все же *пытался* его исполнить. Жертва своей слабовольности, онъ весь погрязъ въ „дѣловыхъ компромиссахъ“, которые даже ему не дали возможности стать „толстовцемъ“!.. Но все же этого онъ хотѣлъ, къ этому стремился... Онъ съ горечью говорилъ: „Я человѣкъ совершенно слабый, человѣкъ съ порочными привычками, который желалъ бы служить Богу истины, но постоянно спотыкается“... Толстой „спотыкался“ и въ жизни, но особенно въ ученіи... Онъ заблуждался не только „практически“ или „житейски“, но и принципіально!.. Однако, на всемъ этомъ множествѣ случаевъ лежала печать *искренности*... Онъ злобствовалъ, онъ кощунствовалъ!.. Но онъ же не разъ и раскаивался за свои кощунственныя писанія... Снова кощунствовалъ и

снова плакался за паденіе!.. Сильный умомъ, до жалости слабый волею, онъ часто писалъ по наущенію своихъ „друзей“, а затѣмъ „горько плакался“, но не находилъ силъ избавиться отъ страшной для него „камарильи“!.. Величайшее изъ преступленій Толстого—это кощунственная глава о св. таинствѣ причащенія въ „Воскресеніи“ была имъ зачеркнута въ рукописи, но сдана въ печать его „злымъ опекуномъ“ Чертковымъ!.. Толстой весь сотканъ былъ изъ противорѣчій, весь былъ хаотиченъ!.. Но онъ *искалъ* .. искалъ часто искренно... падалъ... поднимался, чтобы снова пасть еще глубже... Злобствовалъ... обуревался непомѣрною гордыней... но и смирялся и т. д... и т. д... Мы видѣли душевную драму титана... Мы видѣли его заблужденія... Съ ужасомъ мы смотрѣли въ ту бездну, куда онъ ринулся самъ и куда увлекъ многихъ!.. Но мы, расходясь съ нимъ принципіально, не толкали его въ эту бездну грѣха и погибели, не воздымали его гордыни! Наказуя его, любя, мы ждали отъ него отрезвленія Савла... Онъ остался Савломъ,—не обновился въ Павла... И на склонѣ лѣтъ своихъ сталъ добычею „черныхъ вороновъ“!..

Едва запахло трупомъ, какъ стая „черныхъ вороновъ“ закружилась надъ гр. Толстымъ. Летѣли „вороны“ отовсюду... И прежде не разъ они пытались сдѣлать Толстого своею добычею... Но онъ до смерти все же кое-какъ отбивался отъ нихъ. Теперь же, кто только ратовалъ за новый строй государственной жизни Россіи, кто провозглашалъ народовластіе и „общечеловѣческій соціальный союзъ“ съ „всемірнымъ пролетарскимъ блокомъ“, кто обоготовлялъ „науку ради науки“, „искусство ради искусства“, кто подъ знаменемъ „свободы совѣсти“ гасилъ въ людяхъ послѣднюю искру совѣсти и изгонялъ отовсюду Бога, религію, запросы души человѣческой, кто обоготовлялъ золотого тельца, кто

превращалъ разсадники просвѣщенія въ вертепы разврата, какъ бы стирая различіе половъ учащихся, кто подъ знаменемъ „свободы, равенства и братства“ проводилъ въ жизнь ужасное рабство и нравственное одичаніе, кто требовалъ во имя „культта плоти“ освятить всевозможныя непотребства, — всѣ, какъ „черные вороны“, взвились надъ трупомъ Л. Толстого и подняли такое карканье, точно лишились „старшаго“ своей стаи!...

Съ трибунъ правителей, Государственной Думы и Государственного Совѣта, съ высотъ научнаго Олимпа, отъ всевозможныхъ „культурно-освободительныхъ“ обществъ и собраній, отъ „лѣвыхъ ословъ“ и „кадетскихъ мудрецовъ“, отъ жалкой душетряпичной прессы, отъ „дѣвъ сознатѣльныхъ“ и пышнаго бомонда, отъ „уличныхъ“ студентовъ и курсистокъ, отъ сытыхъ и голодныхъ — къ могилѣ Толстого полились рѣчи, полныя „горя“, „скорби“ и „стенаній“... И чувствовалось, что каждый вѣнокъ, и каждое слово, и каждая процессія этой стаи для Толстого точно клеванье ворономъ его закатившихся глазъ!.. Щли живого, силятся и мертваго съѣсть безъ остатка!.. Каждый спѣшилъ объявить Толстого „своимъ“!.. И кровожадные эсъ-деки, и упитанные кадеты, и барски-аршинные октябрьсты, и все, что только было наиболѣе противнаго Толстому, спѣшило сказать ему послѣднее: „ты — нашъ!.. И главное: „не мы — твои“, а „ты — нашъ“!.. Разница огромная!..

За послѣднія 30 лѣтъ Толстой только и кричалъ всѣмъ: „я — не вашъ“... А теперь надъ его трупомъ „почитатели“ его таланта устроили возмутительнѣйшій подлогъ, когда, „бѣснуясь“ на разные лады, кричали: „ты — нашъ!.. Да, Толстой имъ надобенъ!.. Онъ надобенъ имъ, какъ рыбаку червь для ловли рыбы... Имъ

они не только силятся прикрыть все безобразіе своихъ исканій, но и уловить въ свои сѣти неосмысленныхъ... „Ловись рыбка большая и маленькая“!.. Сорвалась „рыбка большая“!.. И какой неистовый ревъ раздался по адресу Св. Синода!.. А ужъ не ловцы ли гг. Стаковичи, Анрепы, Родзянки, Капнисты etc!..

Я не вашъ,—сказалъ Толстой Церкви... И Церковь, послѣ долгихъ и молитвенныхъ исканій этой заблудшой овцы, сказала: „Да, не мой!..“ Болѣе того, Церковь, побѣдивъ всѣ искушенія — мірскую власть, и славу, и „покой“,—сказала и главнѣйшее: „И я не твоя!.. А, между тѣмъ, взявъ Толстого въ „свои“, хотя и вопреки его волѣ, вся „освободительная“ стая „черныхъ воронъ“ стремилась чрезъ Толстого, хотя и подложнаго, плюнуть Церковь, ея святостью освятить всѣ свои мерзости, всю отраву своей „цивилизациіи“!.. Церковь тогда перестала бы быть „столпомъ и утвержденіемъ истины“, а явилась бы служанкою на посылкахъ у современной богооборной культуры и прочихъ „стихій міра сего“!.. Изъ двухъ мощныхъ враговъ жида-масонского соціализма — Церкви и государства, одинъ и самый мощный врагъ — Церковь, не только была бы низложена, а и направлена на разгромъ государства!.. Но... сорвалось! Вотъ почему шумитъ, „бѣснуется“ и не можетъ успокоиться революціонно-освободительная клика!.. Наконецъ, нашли какого-то таинственнаго,—пожалуй, и самозваннаго „попа“, „отпѣли“, зашумѣли на всю Русь, — но все не то: Церковь не признала „отпѣванія“,—а они этого то и домогались!..

Не лучше съ Л. Толстымъ поступаютъ и за границей. Извѣстный французскій писатель Леонъ Додэ такъ вскрываетъ секретъ вліянія и славы Л. Н. Толстого во Франціи;

„Наша эпоха, упразднивъ законы, Бога и традиціи,

преклоняется предъ глашатаями новыхъ идей, какимъ является и жестокій теоретикъ „Воскресенія“... *Евреи*, никогда не упускающіе случая прицѣпиться ко всему, что можетъ смутить спокойствіе страны и расшатать ея основы, съ особеннымъ восторгомъ усыновили Толстого. Нѣть такого сына или племянника жида-финансиста, который не быль бы готовъ проповѣдывать „Власть тьмы“ народу и объяснять ему значеніе новой религіи. Въ тотъ вечеръ въ „Одеонѣ“, когда среди роскошной филантропической обстановки князь Нехлюдовъ, терзаемый угрызеніями совѣсти, сомнѣніями и недоумѣніями, стремится спасти душу Масловой великолѣпными фразами и непримѣнимыми на практикѣ средствами, безчеловѣчными вслѣдствіе чрезмѣрной гуманности, я любовался *жидами*.

„Какъ расчувствовались наши крокодилы!

„Плакали юные завсегдатаи кулисъ съ козлинымъ или верблюжьимъ профилемъ, которые послѣ смерти своихъ папашъ будуть продолжать ихъ дѣло — разоренія Франціи. Рыдали почтенные представители правосудія, способствовавшіе бѣгству и безнаказанности столькихъ мерзавцевъ и мошенниковъ. Громко негодовали при видѣ непонятой проститутки торговцы живымъ товаромъ всего свѣта!..

„Быль тутъ и отпрыскъ извѣстнаго вора, пустившаго по міру великое множество семействъ. Съ азартомъ хватаясь за сѣдую голову, онъ, съ восторженностью духобора, объяснялъ своему сосѣду, давно потерявшему стыдъ и совѣсть сенатору, величіе міровой скорби, проповѣдуемой со сцены...

„Извѣстно, что израиль всегда стоитъ за идею равенства и братства, чтобы удобнѣе грабить названныхъ братьевъ, а изъ награбленныхъ миллионовъ удѣлить грошъ на свѣчу передъ алтаремъ всемірного союза...

„Во время представлениі „Воскресенія“ я понялъ таинственную причину современной моды на такихъ писателей, какъ Толстой. Непризнающіе родину космополиты черпаютъ изъ его ученія мнимо благородное оправданіе своей подлой трусости и эгоизма. Презрѣніе къ имуществу не можетъ не прельщать аферистовъ, падкихъ до чужого добра, которые набѣгутъ со всѣхъ сторонъ, чтобы захватить имѣнія и капиталы князей Нехлюдовыхъ. Жадные представители золотого Гетто всегда являются ярыми почитателями альтруизма. Въ непротивлениі злу насилиемъ, въ пышныхъ тирадахъ противъ милитаризма исконные враги арійскихъ обществъ усматриваютъ походъ къ разоруженію и апологію трусости. Въ кликѣ „Долой оружіе!“ имъ особенно нравится перспектива повышенія курса. Когда народы будутъ обниматься, какъ удобно будетъ опустошать ихъ карманы!

„И вотъ почему, когда Нехлюдовъ патетически клеймилъ условную ложь общества, я видѣлъ вокругъ себя еще гнуснѣйшую и преступнѣйшую ложь. Ту ложь, что пользуется чувствительностью сердца и святыми слезами состраданія, чтобы методически эксплуатировать простосердечіе и недомысліе.

Сквозь несомнѣнныій геній автора я прозрѣвалъ ясно современное лицемѣrie, находящее извиненіе своимъ мерзкимъ поступкамъ въ проповѣди милосердія, соболѣзнующей однимъ проституткамъ, мошенникамъ и нарушителямъ государственныхъ постановленій, устраивая шествія изъ плакальщицъ и почитателей вокругъ нравственныхъ уродовъ.

И уже всюду начинаютъ проявляться тлетворныя послѣдствія этого апоѳеоза паденія и преступленія: покидающее насъ мужество замѣняется сентиментальностью..

И вотъ стаи такихъ „черныхъ вороновъ“ слетѣлись, было, ко гробу Л. Толстого и возмутлии своимъ карканьемъ покой Россіи и всего міра!..—Это ли не „ученики“ Л. Толстого?!.. Это ли не наслѣдіе, оставленное имъ міру?!.. Это ли не закваска, которою Толстой мечталъ всквасить на весь міръ?!.. О, если бы онъ всталъ и посмотрѣль, что сдѣлали съ нимъ всесвѣтные лицемѣры, заполнившіе ряды его „учениковъ“, одѣвшіеся въ плащъ „толстовцевъ“!.. Въ безсиліи онъ замахалъ бы старческими руками, горько зарыдалъ бы и сказалъ: „Я этого не хотѣлъ!.. Все это мерзость запустѣнія!..“ А въ отвѣтъ бы услыхалъ: „Нѣтъ, мы — твои, мы — толстовцы“... И всѣ эти лицедѣи потянулись бы къ старцу съ лобзаніями...

Содрогнулся бы старецъ отъ такихъ плодовъ, отъ такого наслѣдія, оставленного міру его все разрушавшимъ „художествомъ“!.. И снова онъ попытался бы бѣжать и отъ этихъ „толстовцевъ“, и отъ своего „художества“... И снова „черные вороны“ хищно впились бы въ него своими клювами и когтями... И снова онъ беспомощно и горько простональ бы на весь міръ!.. Вѣчная трагедія!.. Вѣчная сумятица!.. Вѣчный хаосъ!.. И все это потому, что самое „художество“ гр. Л. Толстого носило въ себѣ сѣмена ужаснаго хаоса, ужаснаго разрушенія!.. „Разрушу все“, — сказалъ великій духъ Толстого... И вотъ предъ нимъ картина разрушенія, при видѣ которой онъ самъ пришелъ въ стенаніе и на вѣки сомкнулъ глаза!

И. Айвазовъ.

Христіанство, гуманизмъ и соціализмъ, какъ факторы истории*).

Бѣлка кружится въ колесѣ и, при всякомъ новомъ скачкѣ по его окружности, она проникается увѣренностью, что дѣлаетъ „шагъ впередъ“. Но въ дѣйствительности она занимается лишь самообманомъ и истощенiemъ своихъ силъ, приближающихъ ее къ смерти.

Не то ли происходитъ съ человѣчествомъ гуманистической формацией, оторвавшимся отъ Христа и попавшимъ въ свой „заколдованный кругъ“? — Поднимаясь до соціализма, оно, при шумѣ трескучихъ огней и... разрушительныхъ бомбъ, градомъ которыхъ разсыпается блестящій соціалистический фейерверкъ, падаетъ въ омутъ анархіи, на самое дно „зоологической-Ницшеанской морали и, замаскировавъ свое глубокое паденіе благовидной наружностью толстовицы, продолжаетъ, при помощи своихъ фальшивыхъ добродѣтелей и „непротивленія злу“, служить разрушительному дѣлу соціализма и подкладывать „горючій матеріалъ“ для истребительныхъ огней его.

„Просвѣщенное“ человѣчество хочетъ себя увѣрить въ прогрессѣ, въ своемъ побѣдоносномъ шествіи „впередъ“. Но не занимается ли оно самообманомъ бѣлки въ колесѣ и только истощенiemъ (особенно подъ „градомъ“ истребительныхъ бомбъ) своихъ силъ, приближающимъ его къ смерти? — И дѣйствительно: дыханіе смерти ясно чуется въ атмосферѣ духовной жизни „просвѣщенного“ человѣчества. Смѣртная тоска, *taedium vitae* становится обязательнымъ его спутникомъ и безъ счета уносить свои жертвы съ арены жизни... А какое

*.) Продолженіе.—См. „Г. Ц.“ мартъ м. 1913 г.

удручающее зрѣлище духовной гангрены даетъ, при ближайшемъ изслѣдованіи, внутреннее содержаніе души современной интеллигенціи, въ преобладающей массѣ, наполненной хаосомъ всяческихъ настроений и разъѣдаемой червоточиной мучительныхъ противорѣчій! — Въ самомъ дѣлѣ, что такое современный интеллигентъ того „счастливаго“ типа, который не омертвѣлъ еще до потери чуткости и интереса къ „жгучимъ“, но обязательнымъ для просвѣщенного сознанія „вопросамъ бытія“ и который еще не обратился въ „ходячій кусокъ матеріи“, движущійся на пружинахъ чисто животныхъ инстинктовъ... по образцу того же Ницшеанскаго „Сверхъ-человѣка“ (а сколько такихъ ходячихъ мертвѣцовъ!).

Что же представляеть изъ себя такой современный интеллигентъ гуманистической формациі со стороны своего внутренняго содержанія? А вотъ—что: I. въ христіанскаго Бога, Личнаго и Разумнаго, онъ не вѣритъ, но вѣрить въ бездушную матерію и слѣпую силу, подчиненная закономърности и цѣлесообразности; а откуда взялась сама матерія, равно какъ и сила, какова ихъ сущность и какимъ образомъ слѣпая сила можетъ проявлять себя въ матеріи закономърно и цѣлесообразно — интеллигентъ на это отвѣтить разумно не можетъ: здравая логика требуетъ признанія разумной причины для разумнаго слѣдствія, но „просвѣщенный“ интеллигентъ предпочитаетъ остаться при своемъ пародоксѣ, чтобы уклониться отъ такого вывода; въ крайнемъ случаѣ онъ отваживается отрицать вообще цѣлесообразность и разумность въ мірѣ, но такая „отвага“ ему обходится очень дорого и стоитъ потери „доброй репутаціи“, ибо, будучи самъ произведеніемъ „слѣпыхъ“, по его признанію, силь природы, онъ логически принуждается къ отреченію и отъ своей разумности и даже личной индивидуальности и попадаетъ, такимъ образомъ, въ разрядъ существъ, лишенныхъ разума и, стало-быть, всего менѣе „компетентныхъ“ въ рѣшеніи вопроса о разумности чего бы то ни было. II. При всемъ томъ увѣренность „просвѣщенного“ интеллигента въ господствѣ Разумнаго Начала во вселенной настолько велика, что онъ даже не сомнѣвается въ возможности изученія явлений міра по методамъ научнымъ, строго обоснованнымъ на требованияхъ именно разума—и не обманывается въ своей увѣренности! А какъ это можетъ произойти—онъ даже не задумы-

вается! III. Существование Абсолютной Истины интеллигентъ изслѣдуемаго типа попросту отвергаетъ, но признаетъ безконечный рядъ истинъ относительныхъ, которыя по существу своему ни чѣмъ инымъ быть не могутъ, какъ намеками на нее, отдаленными и несовершенными отраженіями; такимъ образомъ, имъя дѣло лишь съ намеками на истину, съ ея несовершенными снимками, и приближеніями къ ней, интеллигентъ признаетъ за ними самодовлѣюще значеніе, подлинникъ же и источникъ ихъ отвергаетъ. Почему?—Разумнаго отвѣта онъ дать не можетъ; поэтому „благоразумно“ помалкиваетъ и, молча, съ серьезнымъ видомъ продолжаетъ свою „научную экскурсию“ по безконечнымъ ступенькамъ (относительностей), упорно не замѣчая самой „лѣстницы“ и даже отвергая ея существование! IV. Но при такихъ условіяхъ онъ становится жертвой новаго „недоразумѣнія“; въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ эта „прогулка“ по безконечнымъ ступенькамъ, если „научное убѣжденіе“—таково, что искомаго все равно не отыщешь, что сколько бы ни шелъ, все равно до цѣли не дойдешь, что истина настоящая—неизмѣнная и вѣчная, „нефальшивая“ истина—никогда не будетъ познана и открыта. Спрашивается: зачѣмъ трудиться надъ отысканіемъ ея и сооружать грандиозныя построенія научныхъ системъ, разъ по существу своему они ничѣмъ не отличаются отъ карточныхъ домиковъ и расползаются отъ первого дуновенія новаго вѣтра, или, что—тожъ, отъ новаго откровенія „научной мысли“? Неужели занятія миѳическаго Сизифа столь увлекательны, что нельзя обойтись безъ подражанія ему?— Но Сизифъ работалъ по принужденію, а интеллигентный работникъ науки пользуется „свободой изслѣдованія“—что жъ его побуждаетъ къaprори—безнадежной работѣ?—Сегодня торжествуютъ „аллопаты“, завтра—„гомеопаты“! Сегодня все базируется на „атомахъ“, завтра они „проваливаются“ и вместо нихъ подставляются „электроны“ и т. д. Но сколько бы ни подставляли „игрековъ“ вместо „иксовъ“, ясно, что неизвѣстность не разсвѣтится. Хорошо это сознать научный работникъ, но работы не оставляетъ. Почему?—Онъ не отдаетъ себѣ въ томъ отчета, предпочитая оставаться жертвой „безотчетнаго“ влеченія, или тяготѣнія той Абсолютной Истины, Которую отвергаетъ и Которая, тѣмъ не менѣе, служить единственнымъ условіемъ, сообщающимъ осмысленность его

занятіямъ. V. Далѣе, тотъ же „просвѣщенный“ интеллигентъ, уважая научный авторитетъ Лавуазье и Гельмгольца, не смѣеть отрицать неуничтожимость матеріи и „законъ сохраненія силы-энергії“, но при всемъ томъ... отрицаеть безсмертіе своего личнаго „я“, своего сознанія, которое само по себѣ цѣннѣе въ безконечное число разъ всей бездушной матеріи въ совокупности со слѣпой силой; такимъ образомъ, онъ тутъ впадаетъ въ противорѣчіе съ закономъ цѣлесообразности, господствующимъ въ мірѣ; но это не все: направляя свое отрицаніе безсмертія на свое сознаніе, на тотъ факторъ, при помощи которого онъ только и узнаетъ о неуничтожимости или, что тоже, о „бесмертіи“ силы и матеріи (въ ея атомахъ), интеллигентъ допускаеть вопіющуя несообразность, отъ которой предостерегаль міръ еще Кузьма Прутковъ, незабвенный философъ, резонно поучавшій, что нельзя „совмѣстить несовмѣстимое“ и „объять необъятное“, ни тѣмъ болѣе... измѣрить безконечность при помощи карманного аршина, далеко несоответствующаго размѣру изслѣдуемаго объекта: этой несообразностью измѣренія „величинъ несознанія“ не смущается просвѣщенное сознаніе интеллигента! VI. Далѣе, разсуждая искренне, интеллигентъ не находить въ своей жизни самаго главнаго, т.-е., смысла, выдерживающаго критику его „просвѣщенного сознанія“, и если правда, что жизнь есть „даръ случайнаго, даръ напрасный“, или еще того хуже: „пустая и глупая шутка“, то спрашивается: возможно ли жить „просвѣщенному“ интеллигенту, для котораго безмыслица должна быть болынѣе физическихъ страданій? Во всякомъ случаѣ, еслиъ даже жизнь не была „шуткой“, а была тѣмъ, чѣмъ она есть по ходячему опредѣленію, а именно — „движенiemъ“, то, вѣдь, чтобы двигаться, нужно знать для просвѣщенаго ума не только направленіе, но и цѣль „движенія“, иначе неизбѣжно попадаешь въ комическіе герои дѣтской сказки, которые „идутъ туда—не знаютъ, куда“ и „ищутъ того — не знаютъ, чего“. Любой содержатель торговой лавочки, чтобы не обанкротиться, тонко обдумываетъ свое меркантильное „дѣльце“: жизнь — не въ примѣръ посерѣзнѣе торгового предпріятія, и непониманіе ея смысла равносильно банкротству просвѣщенія, которое тѣмъ сильнѣе роняетъ достоинство интеллигента, что онъ-то и считаетъ себя истиннымъ „свѣтоносите-

лемъ“, разсадникомъ просвѣщенія, между тѣмъ въ дѣйствительности, оказывается, не можетъ успешно выдержать аналогію даже съ ординарнымъ лавочникомъ! VII. Въ крайнемъ случаѣ „просвѣщенные банкроты“ для спасенія себя отъ нареканія... „общественного мнѣнія“, и ближайшимъ образомъ — собственной „трудно подавляемой“ совѣсти, цѣпляются за семью, общество, государство и служеніемъ имъ оправдываютъ свое существованіе, забывая, что эти коллективныя единицы состоять изъ такихъ же „я“, какъ у каждого „просвѣщенного банкрота“ и съ точки зрѣнія „просвѣщенного“ сознанія эти коллективныя единицы получаютъ видъ лишь количественно выросшей ошибки, или „абсурда“ человѣческаго бытія; стало-быть, этотъ аргументъ служить не въ пользу „просвѣщенныхъ банкротовъ“ и только дѣлаетъ очевиднѣе ихъ собственное банкротство... Но этимъ парадоксы изъ жизни духа „просвѣщенного“ человѣчества не исчерпываются; VIII. Обязательно исповѣдуя соціалистической „символъ вѣры“ относительно „человѣческаго равенства, свободы и братства“, обязательно исповѣдуя „гуманность“ и доходя до виртуозности въ исполненіи „правиль вѣжливаго обращенія“, „просвѣщенный“ интеллигентъ при всемъ томъ, подъ угрозой прослыть за обскуранта, чуждаго „свѣта науки“, поставленъ въ тяжелую необходимость законъ борьбы за существованіе и господство принципа эгоизма признавать единственнымъ объясненіемъ строя общественной жизни людей и... животныхъ, въ виду категорическихъ „предписаній“ на этотъ счетъ столь великихъ „свѣтиль“, какъ Дарвинъ — для естествознанія и Карль Марксъ, Лассаль и прочие „столпы“ соціализма и современные оракулы... IX. Далѣе, почитая „достоинство своей личности“ не подлежащимъ сомнѣнію и защищая его съ ревностю — до кровопролитія (въ дуэли), „просвѣщенный“ интеллигентъ, увы, не смѣеть отказываться отъ конфузнаго родства... съ Дарвиновой обезьянной всѣ подъ той же угрозой прослыть за обскуранта... X. Какъ бы въ насмѣшку наѣть соціалистическимъ „символъ вѣры“, обязательнымъ для всякаго „не-обскуранта“, какъ бы въ насмѣшку самымъ главнымъ „членомъ“ этого символа — относительно „свободы“ — научный детерминизмъ прѣподносить „просвѣщенному сознанію“ интеллигента безнадежное отрицаніе „свободы“ человѣческой воли — и онъ еще разъ вынуждается „совмѣстить несовмѣстимое“!..

Было бы, впрочемъ, напраснымъ трудомъ пытаться цѣликомъ исчерпать всѣ „несовмѣстимые“ парадоксы изъ жизни духа современной интеллигенціи. Сказанного однако вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, какъ велико сгущеніе сумбурнаго мрака въ потемкахъ интеллигентной души и какъ сильно напоминаютъ эти „потемки“ тюремную темницу... Но это не та темница, къ которой Шильенскій узникъ Байрона могъ привыкнуть до нежеланія съ ней разстаться—нѣть: она походитъ скорѣе на одно изъ мрачныхъ отдѣленій Дантовскаго ада, откуда заключенные жертвы безудержно стремятся вырваться, но, увы, безуспѣшно!—Безуспѣшно, ибо адъ гнѣздится въ нихъ самихъ, а можно ли убѣжать отъ себя?

Изобрѣтательность генія просвѣщенаго человѣчества направляетъ всяческія усилія, чтобы найти эту чудесную возможность, и даже слабый призракъ успѣха доставляетъ шумную радость изобрѣтателямъ и ихъ просвѣщенными поклонникамъ. Но увы!—„Призракъ успѣха“ достигается цѣнной духовнаго самоубийства во всевозможныхъ его видахъ, за которые цѣпляется интеллигенція единственно для того, чтобы не остаться наединѣ съ самимъ собой, со своими „потемками“, со своей „темницей“. Взгляните на modus vivendi, на строй жизни въ наиболѣе „культурныхъ“ центрахъ, считающихся гнѣздами цивилизаціи, просвѣщенія: развѣ не бросается въ глаза тенденція, какъ возможно, болѣе создать для человѣческаго духа поводовъ къ разсѣянію? Весь строй жизни разсчитанъ на то, чтобы человѣкъ былъ охваченъ „съ головы до ногъ“ потокомъ непрерывныхъ развлечений и не имѣть ни времени, ни желанія оглянуться на себя!—Жизнь изъ „внутреннихъ покоевъ“ души, гдѣ—я настояще мѣсто, выбрасывается наружу—въ буквальномъ смыслѣ—„на улицу“, на бульвары, въ театры, въ рестораны, въ клубы, на скачки и проч., и проч. Человѣчество рвется уйти отъ себя и закружиться до забвенія о себѣ въ „вихрѣ удовольствій“, со стоящихъ въ пріятномъ щекотаніи нервовъ зрительныхъ слуховыхъ и проч.—щекотаній, за которыми забываются насущныя потребности духа. Съ той же цѣлью человѣчество придается азарту подъ видомъ всевозможныхъ спортивъ: начиная отъ „не-виннаго“ картечного спорtsменства и кончая бѣшенными лошадиными скачками, на которыхъ нерѣдко вмѣсто „триумфального приза“ любители спорта находятъ

преждевременную и мучительную смерть. Азартъ переносится и въ дѣятельность общественную, политическую: тамъ тоже происходит погоня за „призами“ *sui generis...* Сплошь да рядомъ однако культурное человѣчество подходитъ къ цѣли самоубійства духа откровеннымъ „примкотъ“: для этого предается широкому разгулу съ попойками и развратомъ и нисколько не въ менышей мѣрѣ, чѣмъ отщепенцы культуры, „низовые элементы“ общества, лишенные всякаго „просвѣщенія“—разница только въ дороживаніи подобныхъ „занятій“, да въ обстановкѣ ихъ, которая для культурныхъ „избраниковъ“ украшается декораціями, вполнѣ удовлетворяющими ихъ изысканный „художественно-развитой“ вкусъ!

Но какъ бы ни было продолжительно опьяненіе, угаръ отъ него проходить—наступаетъ отрезвленіе, и тогда предъ просвѣщеніемъ сознаніемъ интеллигента опять открываются потемки его души, ея мрачная темница: онъ убѣждается, что не ушелъ изъ неї, что онъ къ неї прикованъ столь же крѣпко, какъ Прометей—къ скалѣ, и перспектива новаго томленія духа отъ гниущаго чувства пустоты бытія, ничѣмъ не оправдываемаго, перспектива страданій съ сознаніемъ ихъ неизбѣжности и, главное, безцѣльности наполняетъ его ужасомъ и отчаяніемъ... Что же онъ предпринимаетъ для своего спасенія? Обращается къ творчеству философскаго ума и тамъ-ли ищетъ выхода?—О, нѣтъ: онъ прекрасно извѣдалъ цѣну этого творчества—узналъ полное банкротство человѣческаго ума въ „компетентной“ ему области—въ философіи, послѣ того, какъ величайшия мыслители понастроили бездну философскихъ системъ, претендую, каждый по-своему, открыть обязательную для общаго признанія истину. Онъ понялъ „совершенство“ того логического аппарата, на которомъ работаютъ философы—его замѣчательную приспособляемость къ своему обладателю—въ такой мѣрѣ, что „аппаратъ“ этотъ, будучи безупреченъ не въ менышей степени, напримѣръ, у Гегеля, чѣмъ у Шопенгауера съ Гартманомъ, создалъ однako совершенно противоположныя системы воззрѣній, давши логически безупрочное оправданіе такимъ антиподамъ, какъ оптимизмъ и пессимизмъ. Это значитъ: „чего хочешь, того и просиши“! Если надоѣли жизнерадостныя арии Гегеля, претендующаго породнить тебя съ „истиной жизни“, то ступай къ Шопенгауеру—онъ накормить тебя

ядомъ тоски и отчаянія съ той же цѣлью—чтобы породнить тебя... съ „истиной жизни“...

Цѣну столь претенціозныхъ философскихъ измышленій просвѣщенный умъ интеллигента нынѣ хорошо понять, и, конечно, за помощью къ нимъ въ серьезныхъ случаяхъ жизни не обратится. Но вотъ чего не понять и понять не хочеть „просвѣщенный“ умъ интеллигента: той простой истины, что „сердцемъ вѣруется въ правду“—что сердце есть проводникъ истины, а разсудокъ обрабатываетъ лишь то, что попадаетъ въ сердце... А что же въ него попадаетъ, какъ не то, что пользуется его любовью?—Итакъ, любовь—вотъ настоящій ключъ къ познанію! да и можетъ-ли быть иначе? Вѣдь, только любовь рождаетъ „интересъ“, а интересъ возбуждаетъ и обостряетъ „вниманіе“. Безъ вниманія же—возможно-ли какое-либо „познаваніе“?—И христіанство, требующее для разумѣнія своей истины, прежде всего, всецѣлостной любви къ Богу въ Лицѣ Христа, не только не насиливъ „природы“ человѣческаго разума, но указываетъ ему надлежащи, нормальный путь для выполненія имъ своего назначенія: итакъ, прежде всего, пусть человѣкъ сердцемъ увѣруетъ въ правду, сердцемъ восприметъ христіанскую истину—тогда онъ и познаетъ ее! Такъ дѣлается вездѣ—даже въ математикѣ: тѣ изъ школьнниковъ, которые не имѣютъ сердечнаго расположенія къ математической истинѣ, навсегда останутся профанами въ ней, хотя бы дѣлали замѣчательные успѣхи въ другихъ областяхъ знанія.—Отсутствіе любви ко Христу, этому Величайшему Идеалу Святости и Совершенства,—вотъ что лишаетъ „просвѣщенное“ человѣчество ключа къ познанію и усвоенію христіанской истины: тѣ, которые не довели своего сердца до такого безнадежнаго оскудѣнія—тѣ нашли дорогу ко Христу, увѣрвали въ Него и познали Его, а между ними немало, вѣдь, есть и общепризнанныхъ „свѣтиль науки“: стоитъ вспомнить Ньютона, Паскаля, Кеплера, Коперника, Кювье, Агассиса, Франклина, Фаредея, Пастера, Пирогова, философа Соловьевъ и проч. и проч.—Кто посмѣть бросить имъ упрекъ въ недостаточной „просвѣщенности“? А между тѣмъ они были, прежде всего, христіане и только затѣмъ уже „ученые“... Современная же „просвѣщенная“ интеллигенція, воспитавшая себя по правиламъ культа самообожанія, развращенная

обольстительной гуманистической ложью, такъ пріятно тѣшащей эгоизмъ, отравленная сладкимъ ядомъ соціализма, нищчанства и толстовицны и исполненная не равнодушія только—нѣть: но сознательной ненависти ко Христу, съ Которымъ борется, какъ со своимъ Противникомъ и Котораго предаетъ издѣвательскому поруганію и въ жизни и въ литературѣ,—о, разумѣется, эта „сознательная“, „просвѣщенная“ интеллигенція не находить Христа въ Его подлинномъ Евангельскомъ образѣ, не сломить предъ Нимъ своей гордыни, не, приблизится съ покаяніемъ къ Нему и останется Ему чужда... Всѣмъ извѣстна психологія гордаго упрямства: оно всячески старается замаскировать свою несостоятельность и неправоту; когда же пораженіе его становится очевиднымъ, упрямый гордецъ предпочитаетъ „лучше умереть, чѣмъ уступить и сдаться“. Такъ именно и дѣлаетъ упрямое человѣчество, гордое своимъ „просвѣщеніемъ“: доведенное до отчаянія мракомъ потемокъ собственной души и сознаніемъ своей безвыходности, оно не къ подножію Животворящаго Креста, которымъ куплены наше спасеніе и возрожденіе къ жизни,—не туда несетъ свои страданія и муки безысходныя, а идетъ съ ними на обширное кладбище буддійской Нирваны, чтобы тамъ окончательно „ликвидировать“ свое бытіе, чтобы въ буддизмѣ довершить актъ сознательного самоубийства духа. Но это—не „толстовскій буддизмъ“, который, какъ и самъ Толстой, исполненъ глубокаго лицемѣрія и фальши и который позволяетъ своимъ поклонникамъ, хотя бы въ лицѣ самого Толстого, жить въ роскошныхъ палатахъ, обзаводиться многочисленной семьей, тратить на свое „пропитаніе“ по 60 тысячъ рублей въ годъ, тѣшить себя погремушкой всемірной славы и для той же тицеславной цѣли держать при себѣ даже „стенографовъ!—нѣть: въ своемъ гордомъ противленіи Христу, упрямое человѣчество дѣлаетъ нынѣ безумную попытку вычеркнуть изъ человѣческой исторіи всѣ двадцать вѣковъ христіанства, чтобы вернуться къ отдаленной дохристіанской эпохѣ—эпохѣ великаго отчаянія, возведенаго на степень религіознаго культа и выразившагося въ буддизмѣ съ его вожделѣніемъ для всѣхъ самоубійцъ финаломъ—Нирваной...

Замѣчательно: что же привело „просвѣщенное“ человѣчество на дно могилы буддійской Нирваны? Не оно-ли, это

„просвѣщенное“ человѣчество, въ теченіи всей длинной истории своего христоотступничества и „блужданія по пустынѣ“, только тѣмъ и было озабочено, чтобы послужить своему повелителю—эгоизму и устроить свою жизнь, свое счастье именно такъ, какъ онъ подсказываетъ? Не подъ этимъ-ли обольстительнымъ предлогомъ—устроить свое личное счастье и сохранить личную свободу—оно, просвѣщенное человѣчество, подъ диктовку все того же своего повелителя—эгоизма, и подняло когда-то знамя бунта и отреченія отъ Христа?—И что же этотъ „повелитель“ сдѣлалъ съ просвѣщенными своими поклонниками и „подданными“? Смѣшно и грустно сказать: онъ обратилъ ихъ въ рабовъ отчаянія и бросилъ въ мрачную бездну буддійской Нирваны, где тонетъ не только личное, эгоистическое счастье, такъ ревниво охраняемое и оберегаемое ими, но уничтожаются даже проблески всякаго личнаго, сознательнаго бытія—происходить раствореніе въ „ничто“, погруженіе въ „небытіе“! Тутъ буквально сбывается предостереженіе Христа: „кто хочетъ душу (жизнь) свою сберечь, тотъ потеряетъ ее“ (Ев. Мате. 16, 25). Но это не все: самый способъ достиженія такихъ губительныхъ для жизни результатовъ, какъ „потеря“ ея, цѣна, во что обходится просвѣщенному человѣчеству это достижениѳ, чрезвычайно назидательны, и о нихъ стоитъ обмолвиться.

Вѣдь, что такое буддизмъ? Развѣ по своей идеиной сущности онъ не напоминаетъ той самой висѣлицы, на которой несчастная жертва находить нѣбыстро наступающую смерть отъ мучительного задушенія, отъ насильственного подавленія самой насущной потребности живого организма—потребности дышать?—Это дѣйствительно такъ,—и въ то время, какъ вся природа включительно до микроскопической капли воды, въ которой открываются мириады живыхъ существъ, является великимъ глашатаемъ господствующаго принципа жизни, въ то время, какъ инстинктъ самосохраненія охватываетъ весь живущій міръ, а у человѣка достигаетъ высшаго выраженія въ формѣ неутолимой жажды жизни и потребности счастья,—буддизмъ леденящимъ дыханіемъ смерти хочетъ уничтожить всѣ проявленія жизни—стремится заглушить могучій голосъ самой природы, а человѣка обратить въ мертвца, подавивъ въ немъ и жажду жизни, и потребность счастья.... Между тѣмъ, въ христіанствѣ эти величай-

шіє стимулы находять себѣ полное оправданіе: тамъ для человѣческой жажды жизни и потребности счастья открывается безпредѣльный источникъ всесовершеннѣйшаго удовлетворенія съ перспективами блаженнааго бессмертія не только духовнаго, но даже и тѣлеснаго. Самыя страданія приобрѣтаютъ въ христіанствѣ глубокую осмысленность, какъ путь, какъ средства къ достижению безконечнаго счастья! И эта прекрасная христіанская правда, ея непререкаемая дѣйствительность засвидѣтельствована не туманными философскими измышленіями, изъ которыхъ буддизмъ черпаетъ свое содержаніе, а засвидѣтельствована безспорно историческими фактами Личности Христа и Его Воскресеніемъ, положившимъ начало вѣковому чуду христіанства, существующему и понынѣ, несмотря на „врата адовы“, какъ безспорный фактъ нашей современности. Что же предпринимаетъ, въ виду такой параллели, „просвѣщенное“ человѣчество?—А вотъ что: оно отвергаетъ христіанство и въ буквальномъ смыслѣ слова, „разсудку вопреки, наперекоръ стихіи“, льнеть къ буддизму, чтобы въ немъ, подъ бременемъ безмысленныхъ страданій, достигнуть еще болѣе нелѣпаго конца—уничтоженія бытія, противъ чего возстаетъ всѣмъ существомъ самая природа того же „просвѣщенаго“ человѣчества.—Цѣной отреченія отъ здраваго смысла, цѣной попранія и разума, и чувства, и инстинктовъ—вотъ какой цѣной достается духовное самоубійство „просвѣщенныхъ“ представителей человѣчества, „погружающихъ“ себя въ буддійскую „Нирвану“.—По истинѣ, „называя себя“ мудрыми, обезумѣли!..

В. Свѣтловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Наши новые законы и законо- проекты о свободѣ совѣсти*).

Въ проекѣтѣ второмъ—объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ Министерство старается выяснить измѣненія, какія должно повлечь за собой примѣненіе къ жизни принципа свободы совѣсти. Министръ заявляетъ прежде всего, что правительственное провозглашеніе принципа свободы совѣсти „не знаменуетъ непремѣнно отдѣленіе церкви отъ государства или безразличное отношеніе государства къ религії“. Государство не можетъ игнорировать религіозныхъ началь, которыми живеть народъ. Религія должна охраняться не только какъ важнѣйшее благо отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ церковныхъ общеній, но и какъ одинъ изъ главныхъ устоевъ общественной и государственной жизни. Поэтому и съ провозглашеніемъ свободы совѣсти должны у насъ остаться въ силѣ постановленія, карающія поруганіе и осмѣяніе церкви и религіозныхъ вѣрованій, включая сюда и возложеніе хулы на Господа Бога (ст. 73 Уг. Улож.), выраженіе неуваженія къ религії и предписаніямъ культа (ст. 74 и 76) и безчинства въ молитвенномъ домѣ (ст. 75 и 77). Подлежитъ также сохраненію и ст. 80 Уг. Улож., препятствующая стѣсненію отдѣльного лица во внѣшнемъ оказательствѣ своихъ религіозныхъ вѣрованій въ совершеніи требуемыхъ исповѣданіемъ или вѣроученіемъ богомолебныхъ дѣйствій, поскольку, конечно, совершение таковыхъ не воспрещено закономъ. —

*) Продолженіе.—См. „І. Ц.“ 1913 г. Мартъ м.

Потомъ признаніе государствомъ принципа свободы совѣсти не подразумѣваетъ вовсе совершенного одинакового отношенія законодательства ко всѣмъ, вѣроисповѣданіямъ. Иностранные государства, не смотря на широко проводимую ими свободу совѣсти, относятся далеко не одинаково къ признаннымъ въ этихъ государствахъ религіямъ. Напр. Прусская конституціонная хартія, выдѣляя христіанство изъ числа прочихъ допускаемыхъ въ государствѣ исповѣданій, устанавливаетъ, что христіанская религія служить основаніемъ для тѣхъ государственныхъ учрежденій, которыя имѣютъ религіозный характеръ. Равнымъ образомъ признаніе государствомъ за какой либо религіей особыхъ привилегій само по себѣ не можетъ быть признано противорѣчащимъ началамъ свободы совѣсти. Вообще „согласно наукѣ публичнаго права, одинъ изъ вѣроисповѣдныхъ обществъ могутъ быть *признанными со стороны государства*, другія *только терпимыми*. Признанными могутъ быть тѣ общества, которыя пользуются особымъ довѣріемъ со стороны государства, какъ благотворно вліяющія на убѣжденія и нравы народа и имѣющія особливое значеніе въ судьбахъ страны. Такое положеніе могутъ занимать и одно вѣроисповѣданіе и нѣсколько, по усмотрѣнію государства. Выборъ и выдѣленіе ихъ изъ числа другихъ религіозныхъ обществъ зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ и историческихъ условій, а также отъ свойства самихъ религіозныхъ обществъ, и есть дѣло государства. Вѣдь, необходимо имѣть въ виду, что нерѣдко народъ бываетъ исторически связанъ съ извѣстнымъ исповѣданіемъ, которое вошло, такъ сказать, въ его плоть и кровь, которое служить достояніемъ духовной жизни и однимъ изъ основныхъ началь его міросозерцанія. Такому исповѣданію, которому въ наукѣ даже присвоено особое наименованіе земской Церкви (*Landeskirche*), государство, отнюдь не измѣняя принципу свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, не только обязано дать свободно укрѣпляться въ населеніи, предоставляя ему въ самыхъ широкихъ размѣрахъ свободу дѣйствій, но можетъ дать и существенно другое положеніе сравнительно съ остальными вѣроисповѣдными обществами, поддерживая его миссіи государственною властію, требуя обязательнаго преподаванія въ школахъ его религіознаго ученія, привлекая представителей его къ участію въ дѣлахъ верховнаго управлениія и

пр. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что и наше законодательство, выдѣляя Православную Церковь изъ числа прочихъ признанныхъ въ Россіи вѣроисповѣданій, береть ее подъ особое свое покровительство. Нельзя забыть того значенія, которое православная вѣра имѣла съ отдаленныхъ временемъ Владимира Святого на самое образованіе русскаго государства, собирая русскихъ людей вокругъ престола Православныхъ Государей, которые въ представлениі народныхъ массъ являлись носителями не только идеи власти, но и национальной вѣры. Одними историческими заслугами не исчерпывается однако связь между православною Церковью и россійскимъ государствомъ. Православная Христіанская вѣра не только господствующая, но и болѣе распространенная въ Россіи, должна быть признана однимъ изъ главныхъ устоевъ русской государственности, такъ какъ, являясь соединительнымъ звеномъ, сплачивающимъ многочисленное населеніе Россіи, она придала нашему отечеству ту мощь, въ силу которой оно, не смотря на претерпѣваемыя испытанія, занимаетъ столь выдающееся въ средѣ современныхъ государствъ положеніе. Достаточно вспомнить, что и въ настоящее время девизъ огромнаго большинства русскаго народа—„За вѣру, Царя и отчество“, что во имя этого святого для него девиза русскій народъ совершаѣтъ и продолжаетъ совершать геройскіе подвиги на полѣ брани, — чтобы понять, какая огромная нравственная сила заключается въ единеніи русскаго государства съ православною Церковью, особливая защита коей безспорно должна быть признана актомъ государственной мудрости. Несомнѣнно поэому, что и съ признаніемъ у насъ свободы совѣсти за православною Церковью должно сохраниться первенствующее и господствующее положеніе, тѣмъ болѣе, что таковое признано Основными Законами, измѣненіе которыхъ не входитъ въ компетенцію Госуд. Совѣта и Госуд. Думы. Поэому, проводя неуклонно въ жизнь дѣйствіе Высочайше дарованныхъ узаконеній объ укрѣплении началь вѣротерпимости и свободы совѣсти, Министерство Вн. Д. обязано силой Основныхъ Законовъ неизмѣнно стоять на стражѣ правъ и преимуществъ Православной Церкви, какъ господствующей въ государствѣ. (Мис. Обозр. 1908, кн. 1, стр. 57—58).

Мы привели длинную выдержку изъ проекта Министер-

ства въ виду того, что въ ней выраженъ довольно обстоятельно взглядъ его по основному пункту въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ. Взглядъ этотъ вѣрно отражаетъ ученіе государственной науки и западно-европейского законодательства. Къ сожалѣнію, наши государственные мужи, изложивши это ученіе и законодательную практику, сейчасъ же отвертываются отъ приведенного примѣра, увлекаясь ходячими фельетонными мнѣніями о свободѣ совѣсти. Сказавши, что Министерство считаетъ себя обязаннымъ силою основныхъ законовъ не касаться правъ и преимуществъ Первенствующей Православной Церкви, оно сейчасъ же начинаетъ разглагольствовать вѣривъ и вкося отъ сказанного положенія. Изъ сказанного выше, говорить Министерство, вовсе не слѣдуетъ, чтобы за православною Церковью обязательно и полностю были сохранены всѣ предоставленные ей дѣйствующими законами преимущества. Почему? — Потому, что „нѣкоторыя изъ этихъ преимуществъ не являются вовсе прямымъ слѣдствиемъ господствующаго ея положенія, признаки коего къ тому же не опредѣлены точнымъ образомъ въ законѣ. Кроме того, известныя привилегіи Православной Церкви направлены собственно не столько къ упроченію первенствующаго ея значенія, сколько къ ограниченію правъ другихъ вѣроисповѣданій. Сохраненіе такихъ преимуществъ было бы безусловно не совмѣстимо съ понятіемъ свободы совѣсти, а потому отмѣна ихъ представляется совершенно необходимою“. Въ этой мотивировкѣ что ни слово, то фальшь или хитрый подвохъ. Составитель мотивировки указываетъ на неопределеннность въ законѣ признаковъ господствующаго положенія православной Церкви. Если бы и было такъ, то честному государственному мужу слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы восполнить замѣченный пробѣлъ въ законѣ и конечно не къ ущербу преимуществъ Прав. Церкви, а не пользоваться неопределенностью, чтобы отобрать отъ Церкви данная преимущества. Но ссылка на неопределенность закона не справедлива. Признаки господствующаго положенія въ государствѣ Православной Церкви указаны въ законѣ ясно и опредѣленно. Въ основныхъ законахъ положительно сказано, что правила охраненія вѣротерпимости и предѣлы ея подробно означены въ Уставахъ по принадлежности (ст. 68 Прим.). И такъ какъ сомнѣніе Министерства возбуждено на

счетъ исключительного права Православной Церкви привлекать къ себѣ послѣдователей изъ другихъ вѣръ, то обѣ этомъ правъ въ особенности прямо сказано въ законѣ, что въ предѣлахъ Россійскаго государства одна господствующая прав. Церковь имѣеть право убѣждать послѣдователей иныхъ Христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцевъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ. Духовныя же лица и свѣтскія прочихъ Христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцы строжайше обязаны не прикасаться къ убѣжденію совѣсти не принадлежащихъ къ ихъ религіи (Уст. Ин. Испов. ст. 4, Справ. 256, 779, 1102, 1110 того же устава). — Потомъ въ Министерской мотивировкѣ раздѣленіе привилегій православной Церкви на безобидныя и обидныя для другихъ исповѣданій также фальшивое. Всѣ привилегіи Прав. Церкви болѣе или менѣе соединены съ ограниченіемъ правъ другихъ исповѣданій; иначе онѣ и не были бы привилегіями православной Церкви. И это обстоятельство вовсе не даетъ основанія видѣть въ немъ необходимость ихъ отмѣны во имя свободы совѣсти. Вѣдь понятіе о свободѣ совѣсти совершенно условное; предѣлы свободы могутъ быть опредѣляемы на практикѣ шире или уже, смотря по обстоятельствамъ и различнымъ соображеніямъ. Эти то обстоятельства и соображенія и должны служить критеріемъ въ примѣненіи къ жизни принципа свободы совѣсти, а не наоборотъ. Обѣ этомъ ясно сказано въ 81 ст. Основ. Законовъ. Съ этимъ соглашается въ теоріи и само Министерство, когда говоритъ, что „признаніе государствомъ за какой либо религіей особыхъ привилегій само по себѣ не можетъ быть признано противорѣчащимъ началу свободы совѣсти“ и допускаетъ неравенство правъ у различныхъ религіозныхъ обществъ. Теперь же оно забываетъ свои же прежнія предпосылки и разсуждаетъ по другому, конечно въ ущербъ правды. Что касается въ частности исключительного права православной Церкви привлекать къ себѣ послѣдователей изъ другихъ вѣръ и исповѣданій, то его менѣе всѣхъ прочихъ привилегій можно было сочестъ отчуждаемымъ отъ православной Церкви. Наоборотъ съ самаго начала провозглашенія принципа свободы совѣсти прямо оговаривалось въ актахъ новаго вѣроисповѣднаго законодательства, что это не должно быть направлено къ „вящшему возвеличенію Православной вѣры“. И согласно этому поступало само правитель-

ство. Это видно, между прочимъ, изъ Выс. утв. 17 апр. 1905 г. Минінія Комитета Министровъ, въ которомъ прямо высказывается категорическое императивное положеніе о неизмѣнномъ сохраненіи за православною Церковію исключительно ей принадлежащаго права на свободное привлеченіе къ себѣ послѣдователей. Это постановленіе, конечно, должно быть обязательно и для Совѣта Министровъ. Да кромѣ того нужно замѣтить еще и то, что поднятіе вопроса объ отмѣнѣ приилегій Православной Церкви, признанныхъ Основными Государственными Законами, превышаетъ полномочіе Министровъ. Это знаютъ и признаютъ и сами министры, тѣмъ не менѣе не останавливаются даже предъ узурпацией полномочій, чтобы достигнуть своей желанной задней цѣли, которою проникнута большая часть узаконеній новаго обновленческаго направленія (*Подробнѣе объ этомъ вопросѣ у И. Аївазова: Новая вѣроисповѣдная система нашего государства. Миссіон. Обозр. 1908, кн. 7—8, стр. 1032—1050.*)

Какъ бы ни было, Министерство въ своемъ проектѣ усиленно старается доказать естественность и необходимость дозвolenія пропаганды всѣмъ исповѣданіямъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ не могутъ быть терпимы съ общественной точки зрењія. Не излишне познакомиться съ его соображеніями. „Каждое религіозное общество, говорить проектъ, имѣеть вполнѣ естественную тенденцію распространенія и расширенія. Считая именно себя носителемъ единой, абсолютной истины, а всѣ другія вѣроученія заблуждающимися, каждое общество почитаетъ своимъ первымъ долгомъ—долгъ проповѣди той истины, которую оно исповѣдуетъ. Стремленіе къ проповѣди своей вѣры является такимъ образомъ неизбѣжнымъ послѣствиемъ убѣжденія въ ея истинности и объясняется въ значительной степени чисто альтруистическимъ побужденіемъ—указать ближнему единственно правильный путь къ спасенію. Нельзя конечно признать, чтобы такое стремленіе само по себѣ было достойно порицанія и подлежало преслѣдованію „со стороны Государственной власти“ (Мис. Обозр. 1908. кн. 1. стр. 61). Подобное разсужденіе умѣстно въ Государствѣ, которое относится къ религіи безразлично. Въ Государствѣ же российскомъ, историческая судьба котораго тѣсно связана съ вѣрой православной, естественно отдается предпочтеніе предъ всѣми исповѣданіями

именно православной вѣрѣ, а вмѣстѣ съ предпочтеніемъ усвояется преимущественное право религіознаго просвѣщенія народа. Естественное право, какъ всегда и вездѣ, должно уступить мѣсто праву положительному.—Потомъ въ Министерскомъ проектѣ указывается на то, будто религіозная пропаганда тѣсно связана съ правомъ публичнаго исповѣданія вѣры. „При допущеніи въ странѣ публичнаго культа другихъ вѣроисповѣданій, говорится въ немъ, каждый представитель послѣднихъ невольно можетъ обратиться въ совратителя. Каждый воодушевленный, католической или протестантской проповѣдникъ можетъ, даже вопреки прямому своему намѣренію, подать поводъ къ совращенію. Его слово при публичности проповѣди доступно и православнымъ слушателямъ, а потому можетъ возбудить въ послѣднихъ мысли, которыя могутъ привести ихъ къ переходу въ католичество или протестантство. Даже простыя бесѣды о религіозныхъ вопросахъ оказываютъ иногда воздействиe на религіозныя убѣжденія собесѣдниковъ. Примѣръ родителей или супруга можетъ также имѣть вліяніе, а между тѣмъ было бы, очевидно, не справедливо признавать преступнымъ убѣжденнаго въ своей вѣрѣ отца или супруга или даже постороннее лицо за то только, что они искренно высказывали или обнаруживали свои религіозныя убѣжденія. Такимъ образомъ логически послѣдовательнымъ представляется только или совершенное воспрещеніе въ государствѣ всѣхъ не принадлежащихъ къ господствующей церкви вѣроисповѣданій или не преслѣдованіе совратителей, поскольку они не пользовались при совращеніи средствами, которыя сами по себѣ преступны (Мис. Обозр. 1908 кн. 1. стр. 64). Въ приведенныхъ словахъ Министерского проекта смѣшиваются двѣ разныя вещи—проповѣдь на религіозную тему, произносимая среди единовѣрцевъ главнымъ образомъ при богослуженіи съ цѣллю религіознаго просвѣщенія и назиданія ихъ, и проповѣдь, обращенная къ иновѣрцамъ съ цѣллю привлеченія ихъ къ тому исповѣданію, отъ имени котораго говорить проповѣдникъ. Съ публичнымъ исповѣданіемъ вѣры связана тѣсно только первого рода проповѣдь. Она не можетъ быть запрещена ни для одного изъ терпимыхъ исповѣданій, и не была запрещена по законамъ о вѣротерпимости. Что же касается до публичной проповѣди среди иновѣрцевъ съ цѣллю при-

блеченія ихъ къ своему исповѣданію, то этого рода проповѣдь не имѣеть тѣсной связи съ свободнымъ исповѣданіемъ вѣроученій, а есть особаго рода актъ религіозной ревности, имѣющій цѣлую нападеніе на иновѣрцевъ помимо ихъ желанія. Такого рода поведеніе иновѣрцевъ по отношенію къ членамъ Православной Церкви признается не допустимымъ и со стороны самого Министерства, признающаго необходимымъ сохранить въ Уголовномъ Уложеніи 90 статью, карающую за произнесеніе или чтеніе публично проповѣди, рѣчи или сочиненія, а также распространеніе или публичное выставленіе сочиненія или изображенія, возбуждающаго къ переходу православныхъ въ иное исповѣданіе, или ученіе или sectу, если дѣянія сіи учинены съ цѣлью совращенія изъ православія. Если же къ этому будутъ присоединены еще другія непозволительныя средства — насилие, угроза, обманъ, обѣщаніе выгоды и т. п., то это будетъ преступлениемъ, наказуемымъ уголовнымъ порядкомъ (Угол. Улож. 80—84). Такимъ образомъ въ проектѣ Министра все же предусматриваются известныя границы для веденія пропаганды, обусловливаемыя личною свободою и неприкосновенностью. И за это, конечно, обывателямъ нужно быть благодарными составителямъ проекта. Но если сравнить порядокъ вещей, рисуемый въ проектѣ, съ порядкомъ наблюдавшимся при вѣротерпимости, то нельзя не отдать преимущества послѣднему съ той же точки зрењія личной неприкосновенности. При вѣротерпимости нашъ законъ относился очень деликатно къ религіозному убѣждению лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ исповѣданіямъ, и старался оградить ихъ отъ посягательствъ дѣятелей пропаганды строгими предостереженіями. Онъ говорилъ: духовныя и свѣтскія лица христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцы обязаны не прикасаться къ убѣждению совѣсти не принадлежащихъ къ ихъ религіи (Уст. Ин. Исп. 4). Въ другомъ мѣстѣ: Члены евангелическо-лютеранской церкви въ имперіи должны тщательно воздерживаться отъ всякаго нарушенія надлежащагоуваженія къ другимъ свободно исповѣдуемымъ въ имперіи вѣрамъ (ст. 256. 1110). Такимъ образомъ по прежнему закону не одно физическое насилие, не одно грубое принужденіе, обманъ и другія нечистыя средства, но и хвастливое и назойливое охужденіе религіознаго убѣжденія другого признавалось дѣя-

ніемъ запрещеннымъ, нарушающимъ личную неприкосно-
веннность. Въ этомъ же духѣ должна была вестись и міссионерская проповѣдь Православной Церкви. Міссионеры православной Церкви не должны были позволять себѣ ии малѣйшихъ понудительныхъ средствъ при обращеніи послѣдователей иныхъ исповѣданій и вѣръ въ православіе, а напротивъ должны дѣйствовать поученіемъ, кротостю и болѣе всего добрыми примѣрами (Уст. о пред. и пр. пр. 70). Другимъ мотивомъ къ запрещенію прозелитизма, кромѣ охраненія личной неприкосновенности, должна служить съ точки зрењія интересовъ гражданскаго общества забота объ обеспеченіи гражданскаго мира между отдѣльными гражданами и общинаами разныхъ исповѣданій. Объ этомъ серьезно хлопочеть дѣйствующій законъ, запрещая словами или другимъ какимъ либо образомъ побуждать исповѣдующихъ другую вѣру къ переходу въ другое исповѣданіе (Уст. Ин. Исп. 779). Проектъ же Министерства и не думаетъ объ этомъ. Онь заботится объ одномъ,—чтобы дать какъ можно болѣе простора всякаго рода пропагандѣ всякихъ религіозныхъ учений за исключениемъ противообщественныхъ. Пусть плодятся всякаго рода лжеученія, пусть множится умственная разноголосица мнѣній и заблужденій, пусть ведутся религіозные споры, распри, столкновенія и всякаго рода волненія и движенія,—это не беспокоитъ Министерство. Оно твердо стоитъ на новомъ излюбленномъ принципѣ, не желая и подумать о томъ, къ чему можетъ привести его прямолинейное практическое примѣненіе. *Fiat justitia, periat mundus.* А между тѣмъ провозглашеніе свободы религіозной пропаганды дѣйствительно угрожаетъ даже на первыхъ порахъ страшной разноголосицей нравственно-религіозныхъ мнѣній, которая неизбѣжно должна отразиться и на соціальныхъ отношеніяхъ общества. А что будетъ далѣе? Во всякомъ случаѣ съ провозглашеніемъ полной свободы религіозной пропаганды состояніе религіознаго мира, о которомъ заботился прежній законъ, замѣнится состояніемъ, похожимъ на постоянную гражданскую войну каждого противъ всѣхъ.

На изложенныхъ основаніяхъ Министръ Вн. Д. въ заключеніе своего второго проекта предлагалъ отмѣнить дѣйствіе слѣд. статей Свода Законовъ: а) ст. 298 и 299 и п.п. 6 и 8 ст. 725 Общ. Губ. Учр. Св. Зак. т. II. изд. 1892. б) ст. 4, 253,

256, 259, 779, 1102, 1103 и 1110 Уст. Ин. Испов. Св. Зак. т. XI. ч. 1. изд. 1896. в) ст. 45, 63, 70, 77, 78, 81 и 88 Уст. о пред. и пр. пр. Св. Зак. т. XIV и г) ст. 82, 83, 86, 87 и 95 Выс. утв. 22 мар. 1903 г. Угол. Улож. Нельзя не обратить вниманія на то, что здѣсь, въ перечинѣ статей предлагаемыхъ къ отмѣнѣ, Министерство идетъ далѣе тѣхъ предѣловъ, какіе имъ же были намѣчены выше, въ его разсужденіяхъ. Тамъ Министерство допускало, согласно Угол. Улож., наказуемость совращенія изъ православія, колѣ скоро оно достигнуто посредствомъ обмана, угрозы, насилия. Здѣсь же Министерство предлагаетъ отмѣнить статьи 82, 83, 86 и 87 Угол. Улож., въ которыхъ предусматривается наказаніе за насильственное и обманное совращеніе. Такая перемѣна мнѣнія Министерства ничѣмъ не мотивирована. Что касается до прочихъ статей закона, обреченныхъ Министерствомъ на отмѣну, то онѣ пока всеѣ остаются въ Сводѣ Законовъ на своихъ мѣстахъ, съ незначительными поправками и дополненіями въ редакціи, согласно Выс. указу 17 апр. 1905 и указу 17 окт. 1906 года.

Въ третьемъ проектѣ¹⁾ Министерства Вн. Д. говорится „о разрѣшениі совершенія инославныхъ и иновѣрныхъ богослуженій и богомоленій и сооруженія, устройства, возобновленія и починки инославныхъ и иновѣрныхъ молитвенныхъ домовъ“. Право молиться Богу по обрядамъ своей вѣры, по мнѣнію Министерства, составляеть одно изъ наиболѣе существенныхъ правъ, вытекающихъ изъ свободы совѣсти и свободы исповѣданія. Богомоленіе можетъ носить частный и публичный характеръ. Частное богослуженіе, совершающееся въ дому не приспособленномъ къ богослуженію и въ тѣсномъ домашнемъ кругу, должно быть свободно и не подлежитъ правительенному надзору. Публичныя собранія для совершенія богослуженія могутъ происходить: 1) въ специальныхъ молитвенныхъ домахъ, 2) въ помѣщеніяхъ, не предназначенныхъ специально для богослужебныхъ цѣлей и 3) наконецъ, на открытомъ воздухѣ. Богослужебныя собранія въ храмахъ считаются разрѣшеными уже вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ постройки храма, и потому не нуждаются во вторичномъ раз-

1) Полного текста этого проекта въ Миссіон. Обозрѣніи не напечатано. У насъ подъ руками одинъ краткій текстъ.

рѣшеніи со стороны правительственної власти. Собранія же богослужебныя второго и третьаго рода должны быть подчинены закону 4 марта 1906 года о публичныхъ собраніяхъ съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, вытекающими изъ самого характера богослужебныхъ собраній, именно должны происходить одни по заявлению о томъ мѣстной административной власти, другія съ разрѣшеніемъ этой власти, испрашиваемаго каждый разъ. Съ совершеніемъ общественнаго богослуженія тѣсно связано публичное оказательство вѣроученія. Оно проявляется: а) въ совершении крестныхъ ходовъ и публичныхъ процессій вообще съ нопшениемъ различныхъ священныхъ изображеній и пѣніемъ на улицахъ и площадяхъ, б) въ употребленіи внѣ частныхъ домовъ и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія и монашескаго и священническаго одѣянія и в) въ открытомъ приглашеніи къ богослуженію въ видѣ колокольного звона, молитвы муэдзиновъ и пр. По мнѣнію Министерства, публичное оказательство вѣроученія должно быть дозволено только тѣмъ вѣроисповѣданіямъ, уставы которыхъ утверждены въ законодательномъ порядке, а остальнымъ вѣроученіямъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это право оговорено въ ихъ специальныхъ уставахъ, утвержденныхъ правительственною властію. Въ огражденіе этого постановленія о публичномъ оказательствѣ вѣроученія должна быть возстановлена 92 ст. Угол. Улож., отмѣненная закономъ 14 марта 1906 года, которую положено наказаніе за недозволенное закономъ публичное оказательство вѣры. По отношенію къ вопросу о сооруженіи молитвенныхъ зданій для неправославныхъ исповѣданій Министерскій проектъ полагаетъ, что существующія правила о необходимости предварительного согласія на это православнаго епархиального Начальства, и о построеніи молитвенныхъ зданій въ опредѣленномъ разстояніи отъ православныхъ Церквей должны быть отмѣнены, согласно закону 17 апр. 1905 года объ укрѣплениіи началъ вѣротерпимости. Но на тотъ случай, если бы обстоятельствами дѣла несомнѣнно было установлено, что сооруженіе инославнаго или иновѣрческаго храма въ извѣстномъ мѣстѣ предпринимается съ очевидною цѣлію унизить достоинство православной вѣры, правительству должна быть предоставлена возможность недопущенія такой постройки. Это право можетъ быть усвоено

Министерству Вн. Д. (стр. 12—14). Точнѣе, предположенія третьяго Министерскаго проекта формулированы въ слѣд. положеніяхъ: 1) Частными молитвенными собраніями почитаются собранія, устраиваемыя въ частныхъ домахъ, хотя бы и въ особо приспособленныхъ, къ тому помѣщеніяхъ (часовнѣ, молельни и т. п.) и на которыхъ собирается опредѣленное число молящихся, лично извѣстныхъ хозяину помѣщенія. Такія собранія, если хозяинъ помѣщенія и участвующія въ нихъ лица принадлежать къ одному изъ признанныхъ или допущенныхъ въ законномъ порядкѣ вѣроученій, дозволяется свободно устраивать безъ заявленія и испрошеннія разрѣшенія правительственной власти. 2) Всякія иныя молитvenные собранія, устраиваемыя хотя бы въ частныхъ домахъ, но изъ неопределенного числа лицъ, или, хотя бы и определенного, но лично неизвѣстныхъ хозяину помѣщенія, или въ помѣщеніяхъ, специально предназначенныхъ для общественныхъ собраній, или отдаваемыхъ для этой цѣли въ наемъ, или же въ публичныхъ молитvenныхъ зданіяхъ, а также подъ открытымъ небомъ, признаются собраніями публичными, 3) Молитvenные собранія, въ специально предназначенныхъ къ тому зданіяхъ и помѣщеніяхъ совершаются безъ разрѣшенія и заявленія правительственной власти. Всѣ остальные публичные молитvenные собранія, а равно частные домашнія молитvenные собранія, въ коихъ какъ хозяинъ помѣщенія, такъ и участвующія лица не принадлежать къ одному изъ признанныхъ или допущенныхъ въ законномъ порядкѣ вѣроученій, подлежать дѣйствію Правилъ 4 марта 1906 года о публичныхъ собраніяхъ,—разд. III ст. 1, 2, 5—6, 8, 9—15, 18—21. 4) Устройство публичныхъ молитvenныхъ собраній, внѣ предназначенныхъ специально къ тому зданій и помѣщеній на разстояніи полуверсты, а подъ открытымъ небомъ—на разстояніи двухъ верстъ отъ мѣста дѣйствительного пребыванія Его Императорскаго Величества или отъ мѣста засѣданій Государственного Совѣта и Государственной Думы, во время ихъ сессій, допускается лишь съ разрѣшеніемъ начальника мѣстной полиціи. 5) Устройство религіозныхъ процессій и паломничествъ свободно дозволяется послѣдователямъ всѣхъ признанныхъ закономъ исповѣданій, а также тѣхъ допущенныхъ въ законномъ порядке вѣроученій, для которыхъ право сіе предусмотрѣно специальными

ихъ уставами, но съ тѣмъ, чтобы въ городахъ устроители таковыхъ увѣдомляли заблаговременно мѣстную полицейскую власть о времени и мѣстѣ предполагаемыхъ процессій или паломничества. 6) Употребленіе колокольного звона и иныхъ способовъ призыва молящихся, а также повсемѣстное ношеніе духовными лицами церковнаго облаченія и монашескаго и духовнаго одѣяній, соотвѣтственно правиламъ ихъ вѣроученія, дозволяется всѣмъ признаннымъ закономъ исповѣданіямъ, а изъ допущенныхъ въ законномъ порядкѣ вѣроученій тѣмъ, коимъ право это предоставлено ихъ специальными уставами. 7) Сооруженіе и устройство новыхъ молитвенныхъ зданій и помѣщеній, предназначенныхъ для постояннаго или временнаго (каптораты, подвижные престолы и т. п.) совершенія въ нихъ публичныхъ инославныхъ или иновѣрныхъ богомоленій, а также перестройка существующихъ и возобновленіе существовавшихъ, если этимъ достигается возможность вмѣщенія зданіемъ большого числа молящихся, разрѣшается губернаторомъ при условіи: а) согласія на постройку со стороны подлежащаго инославнаго или иновѣрнаго духовнаго начальства, б) согласія подлежащей религіозной общины тѣхъ вѣроученій, которыя не имѣютъ установленнаго закономъ или разрѣшенного специальными уставами юрисдикційного у устройства и в) соблюденія техническихъ требованій, а равно ст. 78 стр. Устава. 8) Въ случаѣ отступленія отъ указанныхъ въ ст. 8 условій, а также, если губернаторъ признаетъ производство предполагаемой постройки молитвеннаго зданія не соотвѣтствующей интересамъ мѣстнаго населенія или общегосударственнымъ пользамъ, онъ представляетъ все дѣло вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ на усмотрѣніе Министра Вн. Д., который разрѣшаетъ или запрещаетъ постройку. Распоряженіе Министра можетъ быть обжаловано въ общемъ порядкѣ въ Правит. Сенатъ. 9) Перестройка, возобновленіе и ремонтъ инославныхъ и иновѣрныхъ молитвенныхъ зданій и помѣщеній, не соединенныхъ съ увеличеніемъ размѣра оныхъ, производится безъ особаго на сіе разрѣшенія градоначальской власти съ соблюдениемъ техническихъ требованій и ст. 78 Стр. Устава. 10) Сборъ пожертвованій на постройку и ремонтъ инославныхъ и иновѣрныхъ молитвенныхъ зданій и помѣщеній производится съ разрѣшенія подлежащаго духовнаго начальства

въ предѣлахъ подвѣдомственной послѣднему территоrіи, а по тѣмъ вѣроученіямъ, у которыхъ не имѣется разрѣшенаго въ законномъ порядкѣ іерархического устройства,—съ разрѣшенія губернскаго начальства въ предѣлахъ губерніи или области. Въ остальныхъ случаяхъ сборъ пожертвованій разрѣшается Министромъ Вн. Д.

Всматриваясь ближе въ разсужденія третьаго Министерскаго проекта и въ положенія на нихъ построенныхъ, мы находимъ нужнымъ отмѣтить слѣд. пункты, какъ заслуживающіе вниманія. Въ разсматриваемомъ Министерствомъ проектѣ допускается публичное оказательство старообрядческихъ и сектантскихъ вѣроученій въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ установлено въ указѣ 17 апр. 1905 г. „Объ укрѣплении началъ вѣротерпимости“. Въ поименованномъ указѣ вовсе не упоминается о дозволительности старообрядцамъ и сектантамъ крестныхъ ходовъ и публичныхъ процессій, за исключеніемъ погребальныхъ. Въ разсматриваемомъ же проектѣ эти процессы допускаются имъ безъ всякаго ограниченія. Въ указѣ 17 апр. 1905 года (ст. 10) предусматриваются случаи запрещенія въ законѣ духовнымъ лицамъ старообрядческихъ толковъ и сектантскихъ согласій надѣвать священнослужительское облаченіе. Въ разсматриваемомъ же проектѣ употребленіе духовенствомъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій церковныхъ облаченій и монашескихъ и священническихъ одѣяній признается дозволительнымъ безъ всякихъ ограниченій, т.-е. повсемѣстно. Въ указѣ 17 апр. 1905 г. присвоено духовнымъ лицамъ, избираемымъ общинами старообрядцевъ и сектантовъ для отправленія духовныхъ требъ, наименование „настоятелей и наставниковъ“, съ правомъ обозначать въ выдаваемыхъ имъ паспортахъ сего званія, но безъ употребленія православныхъ іерархическихъ именованій (ст. 9). Въ разсматриваемомъ же проектѣ объ этомъ ограниченіи замолчано.

Наконецъ, едва ли была настоительная надобность предлагать отмѣну всѣхъ постановленій дѣйствующихъ законовъ, охраняющихъ подобающую честь православныхъ храмовъ при построеніи храмовъ иновѣрческихъ, напр., закона, запрещающаго близкое сосѣдство храма иновѣрческаго съ храмомъ православной Церкви. Подобныя ограниченія относительно постройки храмовъ иновѣрческихъ никакъ не противорѣ-

чать свободъ совѣсти. Кромѣ подобающаго уваженія къ Церкви, господствующей въ государствѣ, эти ограниченія могутъ быть мотивированы заботой объ общественномъ благоустройствѣ и обеспеченіи религіознаго мира.

Въ заключеніе третьяго Министерскаго проекта предлагаются отмѣнить слѣд. статьи законовъ: 1) ст. 48⁵ Устава о наказ. нал. мир. суд. 2) ст. 278 Угол. Улож. (о не допущеніи общественнаго богомоленія евреевъ въ частномъ домѣ безъ разрѣшенія начальства), 3) ст. 124 п. 6 Уст. Ин. Испов. 4) ст. 140, 148 и прим. къ ст. 145, 151 и 158 Уст. Строит. Всѣ эти статьи остаются въ Сводѣ Законовъ доселѣ. Только ст. 140 Уст. Стр. въ продолженіи 1906 года дополнена слѣд. примѣчаніемъ 2: Выс. указомъ 17 апр. 1905 г. постановлено, что для разрѣщенія постройки, возобновленія и ремонта церквей и молитвенныхъ домовъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій необходимо: 1) согласіе духовнаго начальства, подлежащаго инославнаго исповѣданія, 2) наличность необходимыхъ денежныхъ средствъ, 3) соблюденіе техническихъ требованій сего устава. Изъятія изъ сего общаго правила, если таковыя будутъ признаны для отдѣльныхъ мѣстностей необходимыми, могутъ быть установлены только въ законодательномъ порядкѣ.

Въ четвертомъ законопроектѣ Министерства Вн. Д. „Объ инославныхъ“ и иновѣрныхъ религіозныхъ обществахъ говорится не объ однихъ вѣроисповѣдныхъ обществахъ, но еще и объ обществахъ религіозно-просвѣтительныхъ, благотворительныхъ и о религіозныхъ братствахъ. Рѣчь объ обществахъ второго рода мы опускаемъ, такъ какъ они не имѣютъ ничего общаго съ вопросомъ о государственномъ положеніи вѣроисповѣданій.

По вопросу о вѣроисповѣдніяхъ въ проектѣ Министерства сначала, въ Отдѣлѣ носящемъ заглавіе „Изложеніе дѣла“, приводятся и объясняются дѣйствовавшія до 1905 года постановленія о религіозныхъ обществахъ. Во главѣ всѣхъ инославныхъ и иновѣрныхъ религіозныхъ обществъ, упоминаемыхъ въ дѣйствующихъ законахъ, стоять т. наз. исповѣданія. Къ числу ихъ принадлежатъ: I. Христіанскія церкви— 1) римско-католическая, 2) евангелическо-лютеранская, 3) евангелическо-аугсбургская, 4) евангелическо-реформатская и 5) армяно-григоріанская. II. Нехристіанскія исповѣданія: 1) ка-

раимское, 2) іудейское, 3) магометанское и 4) латинско-буддійское. Всѣмъ этимъ вѣроисповѣданіямъ присвоено въ законѣ значеніе государственныхъ учрежденій. Неприкоснovenность ихъ правъ и свободы охраняется администрацией (ст. 681 п. 4 т. II Св. Зак.). Всѣ эти исповѣданія, кромѣ іудейского, имѣютъ свое іерархическое устройство, признанное государствомъ. Духовныя лица упомянутыхъ исповѣданій считаются состоящими на государственной службѣ. Всѣ эти исповѣданія имѣютъ свой духовный судъ по отношению къ духовнымъ и свѣтскимъ членамъ даннаго вѣроисповѣданаго общества.

На ряду съ перечисленными крупными вѣроисповѣдными обществами дѣйствующіе законы предусматриваютъ существование отдѣльныхъ (?) вѣроученій или сектъ. Къ числу ихъ принадлежать протестантскія секты—1) Секта Шотландскихъ колонистовъ въ Каррасѣ, 2) Секта Базельскихъ колонистовъ въ г. Шушѣ. 3) Секта меннонитовъ и 4) Секта баптистовъ. Всѣмъ имъ предоставлено право отправленія вѣры по уставу, ученію и обрядамъ, въ ихъ обществахъ существующимъ. Избранные ими наставники утверждаются въ семъ званіи губернаторомъ. Метрическія записи браковъ, рождений и смерти ведутся мѣстными гражданскими властями.

Къ этого рода сектамъ нужно причислить, по мнѣнію Министерскаго проекта, и отдѣлившуюся отъ католичества секту маріавитовъ, признанную по закону 29 ноября 1906 г. законно существующею, подъ охраною закона. Послѣдователемъ ея предоставлено безпрепятственно исповѣдывать свое вѣроученіе и исполнять свои обряды, совершать общественное богослуженіе въ храмахъ и молитвенныхъ домахъ, сооружать храмы и молитвенные дома, съ разрѣшеніемъ губернатора устроить отдѣльные кладбища. Духовныя лица маріавитовъ избираются ими самими съ утвержденія губернатора. Веденіе метрическихъ книгъ возлагается на мѣстная гражданская власти. Маріавитамъ дозволяется учреждать церковные общины, на основаніи отдѣльныхъ для каждой общины уставовъ, утверждаемыхъ Министромъ Вн. Д., по соглашенію съ Министромъ Юстиціи. Къ числу подобныхъ же признанныхъ закономъ сектъ должны быть, по мнѣнію проекта, отнесены также и старообрядческія согласія и сектантскіе толки, отправившіе православія. Правила обь образованіи и дѣй-

ствіі этихъ согласій и толковъ уже изложены выше. Наконецъ къ сектамъ, по мнѣнію проекта, должны быть причислены и отдельныя (?) языческія вѣроученія, о которыхъ говорится въ Уставѣ Ин. Испов. ст. 1697—1702 (Мис. обозр. 1908, кн. 5 стр. 693—697).

По поводу изложенной выше министерской группировки вѣроисповѣданій считаемъ нужнымъ замѣтить, что она не вполнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ законамъ. Въ законахъ нашихъ различаются: 1) Первенствующая православная вѣра и 2) иностранныя исповѣданія—христіанскія и иновѣрныя, называемыя терпимыми. Всѣ терпимыя исповѣданія—христіанская и иновѣрныя, крупныя и мелкія—всѣ подводятся подъ одну рубрику, хотя и не всѣ пользуются одинаковыми правами и преимуществами (Уст. Ин. Исп. ст. 1—4, 7, 8, 15. Уст. о пред. и пр. пр. 65, 69, 77, 82). Выдѣленные въ проектѣ въ качествѣ особыхъ сектъ баптисты, меннониты и др. стоять въ Уставѣ Ин. Исп. также въ ряду исповѣданій и нѣкоторые (меннониты) числятся прямо въ особомъ исповѣданіи (Уст. Ин. Исп. ст. 1105). Потомъ, въ Министерскомъ проектѣ всѣ иностранныя и иновѣрныя исповѣданія, предусмотрѣнныя въ Уставѣ иностранныхъ исповѣданій, называются признанными исповѣданіями (Мис. Обозр. 1908, кн. 5 стр. 699—701, 709). Это терминъ новый. Въ законахъ упомянутыя исповѣданія всѣ безъ различія называются терпимыми, что согласно съ системой вѣротерпимости, господствовавшей въ законахъ до послѣдняго времени. (Уст. Ин. Исп. 6—8, 11 Уст. о пред. и пр. пр. 77, 84, 85). Только въ одной статьѣ законовъ, сколько намъ известно, именно въ 681 п. 4 Св. Зак. т. II онъ названы признанными правительствомъ. Министерскій проектъ замѣняетъ прежній терминъ новымъ не случайно, а примѣняясь къ терминологіи Западнаго законодательства,—основанного на новомъ началѣ свободы совѣсти. Министерскій проектъ жалуется на то, что въ нашемъ законѣ нѣть точныхъ указаний на право и порядокъ образованія и признанія государствомъ новыхъ исповѣданій и вѣроученій (Мис. Обозр. 1908, кн. 5 стр. 700). Этотъ пробѣлъ въ законѣ совершенно естественъ въ виду запрещеній прежней системой вѣротерпимости всякой тайной пропаганды со стороны терпимыхъ исповѣданій. Среди православныхъ также не позволялось заводить или распространять какія либо ереси (Уст. о пред.

и пр. пр. 53). При ней приращение новыхъ иностранныхъ исповѣданій совершалось главнымъ образомъ путемъ при соединеній къ россійской имперіи нового населенія, имѣю щаго свое особое исповѣданіе. Этотъ порядокъ, по выражению Министерского проекта, „составлялъ своего рода переводъ различныхъ исповѣданій въ пантеонъ русскихъ государственныхъ религій“ (Мис. Обозр., 1908, кн. 5 стр. 700). Сравненіе не совсѣмъ удачное; такъ какъ, строго говоря, въ россійской имперіи одна только государственная религія—это православіе. Терпимая религія не можетъ считаться государственной въ собственномъ смыслѣ. Но при всемъ нерасположеніи нашего закона къ поощренію религіознаго прозелитизма, онъ не хотя все-таки предусматриваетъ возможность появленія новыхъ сектъ среди иновѣрного населенія, напр. среди евреевъ (Уст. Ин. Исп. ст. 1303). Дозволеніе новой сектѣ или толку молитвенныхъ собраній предоставлено Министру Вн. Д., который прежде разрѣшенія сего обязуется изслѣдовать, чѣмъ новый толкъ различается отъ обыкновеннаго ученія еврейской вѣры и удостовѣриться въ безвредности его для нравственности и общественнаго спокойствія. Однако же Министерство стѣснялось примѣнить это правило къ другимъ сектантамъ кромѣ тѣхъ, которые появились бы въ еврейской средѣ. По его заявлению, когда къ нему обращались новые сектанты съ просьбой объ утвержденіи для нихъ уставовъ, опредѣляющихъ ихъ устройство и порядокъ управлениія дѣлами, то оно отвѣчало имъ отказомъ. Единственно, что допускало оно имъ,—это устройство молитвенныхъ собраній съ вѣдома мѣстнаго гражданскаго начальства, и съ обязательствомъ; чтобы при этихъ собраніяхъ не происходило ничего незаконнаго и противнаго нравственности и общественному порядку. На такомъ именно положеніи находятся въ настоящее время слѣд. секты протестантскаго происхожденія: Ирвингіане, свободная реформатская церковь, имѣющая своихъ послѣдователей въ Петроковской губерніи, Общество Иисуса Христа въ Курляндской губерніи, Общество методистовъ въ Шанцахъ Ковенской губерніи, Сепаратисты-коло нисты въ области Войска Донскаго и въ Таврической губерніи, Эстонская Община евангелическихъ христіанъ въ С.-Петербургѣ и др. Извѣстенъ еще случай возникновенія новой секты въ нѣдрахъ магометанства—бабидовъ, живущихъ

въ Асхабадѣ и въ Тифлісѣ. Имъ также разрѣшено администрациєю собираться съ вѣдома мѣстной власти и подъ отвѣтственностью какого-либо старѣйшины въ особомъ помѣщеніи для совершенія по ихъ обряду общественного богоомоленія (Мис. Обозр., 1908, кн. 5 стр. 700—703). Эти свѣдѣнія о новыхъ сектахъ интересны. Указанныя новыя религіозныя общества дѣйствительно должны быть зачислены въ особую группу вѣроисповѣдныхъ обществъ—частнаго характера, о которыхъ ниже.

Всегда за приведенными свѣдѣніями, имѣющими характеръ справки изъ дѣйствующей практики, идутъ въ проектѣ „Соображенія Министра Вн. Д.“. Въ нихъ прежде всего констатируется опять, что по нашимъ законамъ вѣроисповѣдныя общества представляютъ собою два вида—исповѣданія или религіи и вѣроученія или секты. За первыми дѣйствующей законъ признаетъ значеніе государственныхъ учрежденій, а вторыя носятъ характеръ обществъ терпимыхъ, существованіе которыхъ допускается государствомъ, но которыхъ не пользуются никакимъ особымъ покровительствомъ съ его стороны. Организація и дѣятельность исповѣданій опредѣляются особыми законоположеніями, нашедшими себѣ мѣсто въ XI томѣ Свода Законовъ. Образованіе же сектъ и признаніе ихъ со стороны государства происходитъ также въ законодательномъ порядкѣ по прежнему, но иногда допускается и въ порядкѣ административномъ. Замѣтимъ, что и здѣсь опять Министерство называетъ терпимыми обществами только секты незначительныя, вновь возникающія, вопреки закону, который усвояетъ название „терпимый“ всѣмъ вѣроисповѣднымъ обществамъ безъ различія ихъ происхожденія и достоинства.

Затѣмъ въ Собранияхъ Министра Вн. Д. ставится вопросъ: представляется ли необходимымъ и сообразнымъ съ началами свободы совѣсти сохраненіе различія между отдельными вѣроисповѣдными обществами въ отношеніи объема ихъ правъ и значенія въ государствѣ. Министръ склоняется къ положительному решенію этого вопроса, состоящему въ томъ, что государство можетъ и имѣть право давать отдельнымъ религіознымъ обществамъ особое положеніе и права публично-правового учрежденія, если то или другое религіозное общество обнимаетъ значительную часть подданныхъ государства или оказываетъ сильное вліяніе на народную жизнь.

Это подтверждается практикой. „Вездѣ, гдѣ не послѣдовало отдѣленія государства отъ Церкви изъ среды религіозныхъ союзовъ, обычно, выдѣляются въ особую группу величія историческая вѣроисповѣдная общество, какъ христіанская, такъ и нехристіанская. Государственное положеніе ихъ характеризуется главнымъ образомъ тѣмъ, что государство признаетъ духовная полномочія, которыя усвояетъ себѣ духовная власть того или другого исповѣданія по отношенію къ подчиненнымъ ей членамъ общества, на основаніи его правилъ и уставовъ. Въ силу такого признанія духовная власть становится властью публичнаго характера, подобно власти государственной. Изъ этого общаго начала вытекаютъ слѣд. выводы. Во-первыхъ, изъ признанія за извѣстнымъ исповѣднымъ обществомъ значенія государственного учрежденія слѣдуетъ, что государство вмѣстѣ съ этимъ признаетъ и существующее іерархическое устройство. Поэтому если рѣчь идетъ напр. о католической церкви, то и для государства, какъ и по церковнымъ правиламъ этой церкви, папа является первою и высшою духовною властью. Опъ, а также и другіе органы управлениія католической церкви, могутъ свободно отправлять свои обязанности, налагаемыя на нихъ церковными правилами, по отношенію къ членамъ церкви, находящимся на территории данного государства, въ предѣлахъ предоставленныхъ государственною властію. При соблюденіи послѣдняго условія со стороны церковныхъ властей, государство не вмѣшивается въ исполненіе ими своихъ обязанностей. Во-вторыхъ, вслѣдствіе признанія за извѣстнымъ исповѣданіемъ значенія государственного учрежденія, нормы его духовно-общественной дѣятельности получаютъ въ глазахъ государства значеніе самостоятельного объективнаго права, примѣняемаго съ соизволеніемъ государства въ особой сфере отношений, пользующейся правоспособностію благоустроить свой внутренній порядокъ (Мис. Обозр. 1908, кн. 5 стр. 710—11).

По мнѣнію Министра Вн. Д., существующее различіе между вѣроисповѣдными обществами въ отношеніи объема предоставленныхъ имъ правъ должно быть сохранено и на будущее время. Признаніе со стороны государства за извѣстнымъ исповѣднымъ союзомъ значенія исповѣданія должно совершаться въ порядке законодательномъ. Для признания закон-

наго существованія сектъ достаточно разрѣшенія административной власти въ лицѣ Министра Вн. Д. Явочный порядокъ учрежденія исповѣдныхъ обществъ не удобенъ для государства. Государство не можетъ относиться безучастно къ образованію вѣроисповѣдныхъ обществъ, такъ какъ въ числѣ сектантскихъ вѣроученій могутъ оказаться такія, которыхъ содержать что нибудь противное общественному порядку, или принципамъ морали, охраняемой государствомъ. Тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи о безучастномъ отношеніи государства къ возникновенію вѣроисповѣдныхъ обществъ, принадлежность къ которымъ наказуется уголовными законами (тамъ же стр. 712—14).

Прежде чѣмъ допустить открытие какого нибудь вѣроисповѣдного общества, Министръ Вн. Д. долженъ ознакомиться съ руководящими принципами нарождающагося общества. Въ этихъ видахъ слѣдуетъ вмѣнять въ обязанность лицамъ, ходатайствующимъ о признаніи секты, одновременно съ прошеніемъ о легализаціи секты представлять Министру проектъ Положенія, въ которомъ должны заключаться данныя, достаточные для характеристики секты. Въ проектѣ должно содержаться изложеніе вѣроученія секты въ главныхъ чертахъ. Если новообразующаяся секта представляетъ лишь уклоненіе отъ догматовъ одного изъ признанныхъ исповѣданій, то въ этомъ случаѣ достаточно указать въ Положеніи пункты отличія ея вѣроученія отъ догматовъ оставленного исповѣданія. На ряду съ изложеніемъ существа вѣроученія въ проектѣ положенія вновь образуемой секты должны быть указаны главныя основанія совершенія религіозныхъ обрядовъ и духовныхъ требъ, особенно тѣхъ, съ которыми сопряжены юридическая послѣдствія въ гражданскомъ быту. Должно быть также обрисовано въ общихъ чертахъ въ проектѣ устройство внутренняго управлениія секты и порядокъ назначенія духовныхъ лицъ (тамъ же стр. 716—720).

Указаніе вѣроисповѣдныхъ основъ новообразующейся секты въ проектѣ Положенія ея требуется, конечно, главнымъ образомъ для того, чтобы предотвратить разрѣшеніе сектъ, опасныхъ и вредныхъ для государственныхъ и общественныхъ интересовъ. Этимъ средствомъ устраняются также случаи разрѣшенія сектъ, ученіе которыхъ противорѣчитъ охраняемымъ государствомъ нравственно-юридическимъ нормамъ,

напримѣръ разрѣшеніе секты, допускающей заключеніе брака на извѣстный срокъ, проповѣдующей свободу брачныхъ разводовъ и т. п. Кромѣ этого Министръ Вн. Д. при разрѣшенніи законнаго существованія секты долженъ обращать вниманіе и на то, есть ли достаточное основаніе къ признанію за самостоятельное исповѣданіе секту, отпадающую отъ другого признаннаго исповѣданія. При семъ имѣются въ виду такие случаи, когда новое вѣроисповѣдное общество, не представляя въ своемъ вѣроученіи никакого отличія отъ догматовъ признаннаго исповѣданія, желаетъ отдѣлиться отъ послѣдняго единственно съ цѣллю устранить свою зависимость отъ существующей въ семъ исповѣданіи іерархіи или освободиться отъ имущественныхъ обязанностей, связанныхъ съ принадлежностю къ данному исповѣданію. Въ подобныхъ случаяхъ, по мнѣнію Министра Вн. Д., Министерство обязано оградить интересы признаннаго исповѣданія отъ нарушенія ихъ выдѣленіемъ части ея членовъ и не давать легализаціи отдѣляющемуся обществу. Въ спорныхъ случаяхъ изъ области догматики (или церковной дисциплины) можетъ иногда потребоваться сношеніе съ духовнымъ начальствомъ оставляемаго сектантами исповѣданія, которое является, конечно, наиболѣе компетентнымъ въ вопросахъ подобнаго рода. Этого образа дѣйствій держалось Министерство и доселѣ. Напримѣръ въ недавнее время Министерство сочло возможнымъ признать за маріавитами право на самостоятельное существованіе въ качествѣ особой секты лишь послѣ того, какъ маріавиты были объявлены со стороны папскаго престола отпавшими отъ римско-католической церкви (5 апр. 1906).

Съ правомъ легализаціи новооткрывающихся вѣроисповѣдныхъ обществъ тѣсно связано право правительства объявлять противозаконными и закрывать тѣ общества, которыя, по исходатайствованіи надлежащаго разрѣшенія, будутъ уклоняться отъ цѣли ихъ учрежденія или окажутся вредными для государства благоустройства или общественной нравственности (ст. 124 п. 4 Угол. Улож.). Равнымъ образомъ на правительство лежитъ обязанность наблюдать, чтобы лица, избираемые въ духовныя должности, дѣйствительно удовлетворяли законнымъ условіямъ. Если бы оно замѣтило, что представляемые на его утвержденіе въ должности духовныя лица не удовлетворяютъ законнымъ требованіямъ, то оно

должно наложить свое властное veto на назначение недостойного избранника. Равнымъ образомъ правительству должно быть предоставлено временно удалять отъ должностей впредь до рѣшенія суда духовное лицо въ случаѣ, если бы впослѣдствіи съ нимъ случилось обстоятельство, лишающее его права исполненія обязанностей духовнаго наставника. Если же дѣятельность духовнаго лица оказалась бы вредною для государственного порядка или для мирнаго теченія религіозной жизни среди мѣстнаго населенія, то правительство обязано отрѣшить такое лицо отъ должности (тамъ же, стр. 721, 724—5, 733—4).

Относительно наименованія сектантскихъ требоисправителей Министръ Вн. Д. обращаетъ вниманіе на различіе наименованій въ законодательныхъ памятникахъ послѣдняго времени. Такъ въ законѣ 26 ноября 1906 года Маріавитскіе духовные лица названы священниками. Духовные лица у баптистовъ именуются старшинами, учителями, проповѣдниками. Наконецъ законоположеніе 17 окт. 1906 г., касающеся старообрядческихъ согласій и отдѣлившихся отъ православія сектантовъ, говоритъ о духовныхъ лицахъ, наставителяхъ, наставникахъ. По мнѣнію Министра Вн. Д., послѣдней редакціи нужно отдать предпочтеніе, такъ какъ она не вводить въ законъ понятіе „священнослужителей“, предполагающее преемственное возложеніе благодати священства, а съ другой стороны обнимаетъ собою и это понятіе, предоставляя духовнымъ лицамъ пользоваться среди своихъ единовѣрцевъ тѣмъ положеніемъ, которое присваивается имъ религіознымъ обществомъ и связаннымъ съ этимъ положеніемъ наименованіемъ. Не маловажное обстоятельство, говорящее въ пользу этой терминологіи, составляеть и то, что именно эта терминологія нашла себѣ мѣсто и въ Новомъ Уголовномъ Уложеніи 1903 года (тамъ же стр. 725—6).

Професоръ И. Бердиниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русская гражданская исторія въ жашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Преподаваніе русской гражданской исторіи въ напихъ учебныхъ заведеніяхъ является однимъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ текущаго времени. Послѣ долгаго западно-революціоннаго и соціалистически-конституціоннаго засилья у насъ снова громко заговорили о русской самобытности, о русскомъ націонализмѣ, и снова ярко проявилось стремленіе повернуть нашъ государственный корабль въ самобытно-русское русло. Отрадное отрезвленіе! Но не смоетъ ли его первый прибой западно-европейской волны? И не захлестнетъ ли эта волна мутью пѣнящихся своихъ гребней проблеска русского самосознанія? Вѣдь не разъ Русь созерцала подобныя картины! Развѣ на смѣну мощнаго русскимъ духомъ прошлаго царствованія не явилось гремящее иноземными побрякушками наше время?!. И когда видишь, что, наконецъ, эти побрякушки бросаются, что уже многіе даже изъ имущихъ власть сознаютъ, что негоже рядить Русь въ щутовской колпакъ,—невольно спрашивашь: надолго ли?.. И здѣсь нашъ взоръ обращается съ отцовъ на дѣтей. Чѣмъ подарить наѣ наше поколѣніе? Какой танецъ отпляшеть оно на скорбной сценѣ Русской Земли? Пойметъ ли оно уроки прошлаго и ошибки своихъ отцовъ?

Всегда, какъ только возникаетъ подобный вопросъ,—поднимается другой, стоящій въ тѣсной причинной связи съ нимъ,—это вопросъ объ изученіи нашею молодежью русской гражданской исторіи. Вѣдь исторія—учительница народовъ. Только на историческомъ фонѣ прошлаго можно оцѣнить настоящее и провидѣть будущее. И вотъ особенное вниманіе обращаетъ на себя преподаваніе русской гражданской исторіи

въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ, такъ-сказать, складывается духовный обликъ будущихъ гражданъ Россіи.

Какія задачи долженъ преслѣдоватъ преподаватель русской гражданской исторіи въ средней школѣ? Этотъ вопросъ съ особенною силою вновь выдвинутъ нашимъ временемъ. „Какова молодежь, такова и страна“,—справедливо говорятъ янки. Ну, а молодежь въ средней школѣ—развѣ не глина въ рукахъ преподавателей. Что же должны лѣпить изъ нея эти горшечники? Какъ они должны вести преподаваніе русской гражданской исторіи въ средней школѣ? Поставленный вопросъ имѣеть огромную литературу. О немъ писали и историки, и педагоги...

Всѣ единогласно намѣчаютъ для преподавателей русской гражданской исторіи въ средней школѣ двѣ задачи, это: *образованіе* и *воспитаніе* учащихся. Но одни выдвигаютъ на первое мѣсто историческое образованіе, а другіе—историческое воспитаніе. Первые совѣтуютъ, чтобы преподаваніе было честнымъ и вѣрнымъ, чуждымъ тенденціозности (Грановскій—„Вѣстн. Евр.“, Дистервегъ—„Методика Исторіи“, Соловьевъ, Погодинъ и Трачевскій). Вторые же, частью—какъ Карамзинъ, также не признаютъ тенденціозности („Вѣстн. Евр.“—юбилей Карамзина); но другіе изъ этой категоріи, напротивъ, настаиваютъ, чтобы въ историческое воспитаніе была введена „патріотическая тенденція“, во имя которой надлежитъ выставлять національныя доблести въ самомъ яркомъ свѣтѣ и на первомъ планѣ (проф. Еленевъ)...

Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, задачи преподавателя русской гражданской исторіи въ средней школѣ ясно опредѣляются какъ самимъ предметомъ преподаванія, такъ равно и слушателями. Предметъ преподаванія указываетъ на то, что преподаватель долженъ читать именно *русскую* гражданскую исторію, а слушатели ясно заявляютъ о своемъ желаніи получить именно *русское* историческое образованіе. Правда, преподаватель *русской* гражданской исторіи не можетъ совершенно замалчивать исторію западно-европейскихъ государствъ. Но онъ долженъ касаться этой исторіи лишь съ момента соприкосновенія ея и въ мѣстахъ ея сплетенія съ русской исторіей. Этой границы ему нельзя перейти безъ сильного ущерба для преподаванія собственно русской исторіи. Однако, на дѣлѣ это *очень часто* происходитъ, особенно

подъ вліяніемъ политіко-соціального міровоззрѣння преподавателя.

Далѣе. Преподаватель долженъ дать своимъ слушателямъ возможно полное *русское* историческое образованіе. Это образованіе состоить въ *знаніи и пониманіи* русской исторіи и въ *стремленіи*, при помощи этого, быть *истинныиъ русскимъ гражданиномъ*.

Но что значить—*знать и понимать* русскую исторію? Это значитъ—*знать и понимать Россію*. Россія—огромный и сложный организмъ. Надо много труда для того, чтобы изучить даже главнѣйшія функції этого организма. Безъ такого же изученія немыслимо знаніе и пониманіе Россіи, невозможна, собственно, и сознательная принадлежность къ гражданамъ Россіи. Вотъ почему преподаватель прежде всего долженъ ознакомить учащихся съ тѣмъ, какъ русское государство зародилось, какъ оно постепенно росло и ширилось и какъ приняло современный видъ. Онъ долженъ основательно ознакомить своихъ слушателей съ вицѣнше-былевой и бытовой исторіей Россіи, удѣляя главное вниманіе тѣмъ явленіямъ, которыя наиболѣе способствовали развитію исторической жизни Россіи. При этомъ преподаватель долженъ научить своихъ питомцевъ *понимать* русскую исторію. Иначе, по мѣткому выражению Шопенгауера, „наши знанія будуть расползаться въ ширину и длину, а не углубляться“. Необходимо открыть *внутреннюю основу* каждого исторического явленія, чтобы вполнѣ понять его и его отношеніе къ другимъ явленіямъ. Если не будетъ вскрыта внутренняя связь между историческими явленіями, то наши историческая знанія, связанныя только вицѣншею связью, при которой вся цѣль историческихъ явленій рассматривается какъ рядъ причинъ и слѣдствій, улетучатся, и мы забудемъ свое прошлое, потеряемъ свой исторический обликъ и очутимся въ положеніи зрячаго въ кромѣшной тьмѣ. Для предотвращенія этого преподаватель долженъ указать каждому историческому явленію его истинныя причины, которыми оно вызвано и которыя въ бытовой исторіи часто становятся и содержаніемъ бытовыхъ явленій. Напримѣръ, не изображеніе Перуна вызвало въ народѣ вѣру въ него, а религіозное міровоззрѣніе народа породило Перуна и въ немъ же само вылилось. Костомаровъ говорить: „Явленія общественной и домашней жизни все голосъ церкви.

енце — виѣшніость; за нею кроется потребность уразумѣнія народнаго духа, какъ причины и содержанія этой виѣшности".

Вотъ эти-то внутреннія причины и надо отыскать для пониманія историческихъ явленій,—будутъ ли ими сами явленія быловой или бытовой исторіи, или дѣятельность одного лица или власти, или историческія явленія—результатъ свободной физической или моральной силы народа. Такою связью и надо объединить наши историческія знанія; надо тщательно прослѣдить тѣ причины, которыя дѣйствовали на развитіе исторической жизни русскаго народа, и указать, какъ подъ вліяніемъ этихъ причинъ формировалась и вылилась въ современную форму вся многообразная жизнь Россіи. Только въ такомъ случаѣ питомцы средней школы являются исторически образованными и сознательными гражданами Россіи. Они не выйдутъ изъ школы безоружными. Для нихъ будетъ понятно, при свѣтѣ прошлыхъ судебъ Россіи, и все то, что свершается теперь въ ея политической и общественной жизни. Они поймутъ и то, что клонится ко благу Россіи и что грозитъ ей исторической катастрофой.

Гибельные плоды незнанія и, главное, *непониманія* исторіи Россіи сказывались, да и теперь рѣзко сказываются, особенно въ высшихъ слояхъ русскаго общества, а нерѣдко и въ правящихъ сферахъ Россіи. Проводимыя ими въ жизнь русскаго государства мѣры часто приносили государству непоправимый вредъ. Забвеніе и даже незнаніе исконнаго русла русской исторіи, особенно въ періоды экстаза всяческихъ реформъ, когда на фонѣ государственной жизни Россіи появлялись безчисленные „калифы на часъ“, изъ которыхъ каждый мѣтилъ „въ Наполеоны“ или въ „руssкіе Гладстона“,—часто бросало русскій государственный корабль о подводные камни и песчаныя отмели, причиняло ему сильную аварію и надолго простоянавливало ходъ исторіи русскаго государства. Вспомнимъ, напримѣръ, какъ невѣдѣніе и непониманіе исторіи Россіи отразилось на участіи Западнаго края ея, гдѣ вслѣдъ за смертью Екатерины II было допущено полное ополяченіе населенія, продолжавшееся вплоть до послѣдняго шляхетско-ксенджовскаго мятежа 1863 года. Да и теперь на проектѣ введенія земства въ Западныхъ губерніяхъ развѣ не отразилось роковое для Россіи непониманіе нашими правящими сферами духа русской исторіи

Проектъ обосновался на какомъ-то неконфесіональному русскомъ націонализмѣ, какого не знаетъ русская исторія и какой не можетъ быть въ русскомъ государствѣ творческой силой. То, что древніе греки называли: „динамисъ“, т.-е. внутренняя сила или душа русского націонализма — Православная Вѣра осталась совершенно въ сторонѣ отъ проекта. Оттого-то и жалкою, болѣе того — чреватою своими послѣдствіями будетъ новая реформа, т.-е. введеніе земства въ западныхъ губерніяхъ.

Вспомнимъ, далѣе, и тотъ неоспоримый фактъ, какъ непониманіе и незнаніе основныхъ чертъ характера и природы русского народа, развивающихся въ полной красѣ и силѣ въ ходѣ его національной исторіи,—словомъ, незнаніе и непониманіе самихъ себя побуждало нашихъ предковъ, стоящихъ на верхахъ государственной и общественной жизни Россіи, пренебрегать своею самобытностью и рабски стѣдовать за Западомъ, сшивать свое міровоззрѣніе изъ обрывковъ, а нерѣдко даже изъ пережитковъ и отбросовъ разныхъ западныхъ политico-соціальныхъ теорій и утопій. Подобное явленіе мы созерцаемъ и теперъ вотъ уже болѣе пяти лѣтъ! И лишь въ послѣдніе дни стало замѣтно нѣкоторое отрезвленіе отъ рабски-подражательного кошмара.. Но опять за отрицаніемъ подражательной работы не видно пока самобытнаго творчества, и это потому, что нашимъ правящимъ верхамъ и передовымъ слоямъ русского общества, въ массѣ, суждены лишь благіе порывы, которымъ сбыться не суждено, за отсутствіемъ знанія и, главное, пониманія русской исторіи. Вотъ почему надо всегда съ тревогою ожидать момента, когда вершители судебъ Россіи снова сердцемъ уйдутъ изъ Россіи и будутъ искать добра не у себя, въ своей землѣ, а „подъ тропиками Рака или Козерога“, какъ мѣтко выразился Погодинъ.

Отвѣтственность за „блудныхъ сыновъ“ Россіи, конечно, падаетъ, главнымъ образомъ, на нашу школу, на преподавателей въ ней русской исторіи. Кто же, если не они, обязаны были дать русской молодежи знаніе и пониманіе русской исторіи, раскрыть предъ будущею надеждою и оплотомъ Россіи красу и величіе русской самобытности.

Но много ли у насъ такихъ преподавателей, и многіе ли изъ нихъ такъ понимаютъ свои задачи?.. Ко многимъ ли

изъ нихъ можно приложить къ перефразѣ слова Карамзина: „Я преподавалъ съ любовью къ отечеству, ко благу людей въ гражданскомъ обществѣ и къ святымъ уставамъ нравственности?..“ Многіе ли изъ нихъ научали своихъ питомцевъ,—какъ говорить Грановскій,—судить о русскомъ „съ русской точки зрѣнія и въ русскомъ духѣ?..“ На всѣ эти вопросы, переживаемые нами, „освободительное время“ даетъ рѣзкоотрицательный отвѣтъ. Что же удивительного въ томъ, что мы съяли вѣтеръ и теперь пожинаемъ бурю?.. Что удивительного въ томъ, что и доселѣ передовая Русь,—правящая и интеллигентная, смотрѣть на благо Россіи „не съ русской точки зрѣнія и не въ русскомъ духѣ?..“ Что же удивительного въ томъ, что нашей интеллигенціи по душѣ не Хомяковы и не Аксаковы, а Энгельсы и Марксы, а наши правящія сферы все силятся „подъевропейться“, только бы не походить на русскихъ... Оттуда, изъ Европы, они взялъ на прокатъ все и послѣднее изобрѣтеніе: „внѣконфессиональный национализмъ!.. Попробуйте поговорить съ нѣкоторыми изъ высшихъ у насъ правящихъ сановниковъ о значеніи Православія въ государственномъ строительствѣ Россіи,—и вы услышите: „Да, вѣдь, это—клерикализмъ!.. Жалко смотрѣть на духовное убожество такихъ сановниковъ, а, между тѣмъ, изъ боязни пресловутаго русского „клерикализма“ они провалили представительство духовенства—Церкви въ западныхъ земствахъ!.. Страшно за Русь, больно за русскій народъ!.. Но и этотъ страхъ и эту боль стараются заглушить современные барабанищики и литаврищики канцелярскаго национализма!.. Благо теперь „посуль“—всесиленъ!..

Съ историческимъ образованіемъ неразрывно связано историческое воспитаніе, *особенно при изученіи народомъ своей национальной истории*. Отдѣлить здѣсь воспитаніе отъ образованія такъ, чтобы заняться исключительно или хотя бы преимущественно послѣднимъ,—значить убить въ сердцѣ слушателей национальное чувство и тѣмъ обратить націю въ мертвый трупъ. Да, строго говоря, историческое воспитаніе и неотдѣлимо отъ образованія. Оно какъ бы таится въ образованіи, въ приемахъ и методахъ сообщенія знаній. Посему оно и само содѣйствуетъ образованію, когда помогаетъ учащимся сердцемъ уловить и понять ту сокровенную силу, которая порождаетъ и осмысливаетъ тѣ или другія явленія

въ исторической жизни Россіи. Отношеніе исторического воспитанія къ образованію можно уподобить дѣятельности ума и сердца. Какъ только та-истина полна, прочна и плодо-творна, которая усваивается не только теоретически — разумомъ, но и воспринимается сердцемъ, такъ и историческое образованіе только то истинно, которое захватило и умъ и сердце человѣка, т.-е. является одновременно не только обогащающимъ умъ человѣка знаніями, но и воспитывающимъ его волю. Только изъ исторически образованнаго такимъ путемъ человѣка можетъ выйти настоящій государственный мужъ, настоящій радѣтель о благѣ своего отечества и народа.

Между такимъ государственнымъ дѣятелемъ и русскимъ народомъ не будетъ непроходимой бездны расхожденія въ пониманіи вопросовъ: политическихъ, общественныхъ, бытовыхъ и религіозно-нравственныхъ. Такой государственный мужъ будетъ для русского народа „своимъ“, и нѣтъ такихъ ошибокъ, которыхъ бы русскій народъ, движимый любовью, не простиъ ему. Вспомнимъ тотъ несомнѣнныи исторический фактъ, что „грознаго“ царя Ioанна русскій народъ неподлѣльно любилъ, а „благословеннааго“ Императора Александра I, въ лучшемъ случаѣ,—не понималъ!.. Первый былъ для русского народа „своимъ“, и въ своемъ величинѣ и въ своемъ паденіи, а второй,—„чужимъ“, котораго „идейные“ порывы и скитанія, переносимые въ самыя нѣдра жизни Россіи, народъ отвергалъ. Вспомнимъ историческій обликъ Царя-Миротворца,— какъ обаятельна была Его личность и какъ велика была любовь къ Нему русского народа. И это потому, что Царь-Миротворецъ былъ также „своимъ“ для русского народа; что онъ не искалъ для себя идеала подъ троихъ Козерога, а мыслилъ и жилъ по-русски, на все смотрѣлъ „съ русской точки зрѣнія“ и все рѣшалъ въ „русскомъ духѣ“.

Говоря о совмѣстности исторического образованія съ воспитаніемъ, мы имѣемъ въ виду осмысленное патріотическое или национальное воспитаніе, чуждое пристрастія къ своему и оцѣнивающее явленія по ихъ достоинству. Преподаватель долженъ вести свое дѣло „честно и вѣрно“, — какъ справедливо замѣчаетъ Грановскій. Это важно и для науки, требующей исторической справедливости, и для общества въ лицѣ учащихся. Быть рабомъ какихъ либо тенденцій и во

имя ихъ превращать исторію изъ жрицы иправосудія въ прав-
ственно разлагающее начало, воспитывать на лжи молодыя
поколѣнія—въ высшей степени преступно! Особено препо-
даватель долженъ быть чуждымъ тенденцій политическихъ,
дѣлающихъ изъ исторіи политическое орудіе, поддѣлываю-
щихъ факты по заказу или въ угоду политическимъ вла-
стямъ данного времени. Только честное и правдивое изло-
женіе исторіи предупредить и развитіе въ учащихся гибель-
ного духа недовѣрія къ преподавателю, и хожденіе ихъ за
исторической правдой на сторону, гдѣ они легко попадаютъ
въ сѣти разныхъ искусствъ птицелововъ, въ родѣ „исто-
рика“ Шишко и т. п.!..

Мы живемъ не при великой „Московской разрухѣ“, а во
время „Петербургскаго куража“. Наши прадѣды силою своей
русской души стерли „Московскую разруху“, а мы, расточивъ
наслѣдіе отцовъ,—потерявъ русскую душу и засоривъ источ-
никъ ея моці—св. Церковь Православную,—безсильны спра-
виться съ „Петербургскимъ куражомъ“. Остается одна на-
дежда — на наше поколѣніе. Но оно дастъ намъ то, что по-
лучить отъ школы. Не даромъ еще Писаревъ сказалъ: возь-
мите школу въ свои руки, и „тараканъ будетъ пойманъ“...
Кто же возьметъ школу — гг. Шишко, Кизеветтеры и т. п.,
или историки съ русскимъ духомъ и съ русской точкой зрѣ-
нія—покажетъ недалекое будущее. Сейчасъ мы переживаемъ
время какой-то „идейной“ заминки, если только не компро-
миссовъ. Но, вѣроятно, скоро уже мы сможемъ рѣшительно ска-
зать: и: „Печально я гляжу на наше поколѣніе“... А пока эти
слова поэта пусть будутъ лишь грознымъ предостереженіемъ...

И. Айвазовъ.

Голосъ Церкви.

Въ дни смуты и волненія
Когда всѣмъ тяжко дышится,
Одно мнѣ утѣшеніе,
Что Голосъ Церкви слышится.

Онъ слышенъ въ храмахъ Божіихъ,
Въ святыхъ словахъ Писанія,
Въ дѣлахъ (а что дороже ихъ)
Любви и покаянія.

Ему внимая, вѣрится:
Минуетъ жизнь позорная
И, точно дымъ, развѣется
„Свобода“ наша вздорная.

Что вѣра Православная
Затмить ученья ложныя,
И Русь Самодержавная
Забудетъ дни тревожные.

Какъ солнце въ небѣ ясное
Все доброе возвысится,
А пошлое и грязное
Замретъ или понизится...

И что у насъ погублено,
Иль временемъ утрачено,—

Все снова будетъ куплено,
Все будетъ намъ заплачено...

Да, Голосъ Церкви слышится
Мнѣ, полный утѣшенія,
И съ нимъ вольготнѣй дышится
Въ дни смутнаго броженія!

Іеродіаконъ Евсимиі.

Геєсимапскій скитъ,
близъ Лавры пр. Сергія.

На 1913-й годъ

Открыта подписка

на новый ежемесячный церковно-общественный и миссионерский журналъ:

„Голосъ Церкви“.

Журналъ: „ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ“, вступая во **второй годъ** своего изданія, имѣть цѣлью освѣщать и разрѣшать въ строго-православномъ церковномъ духѣ всѣ вопросы Вѣры и Церкви, а также и вопросы государственной, общественной, семейной и личной жизни и мысли, въ границахъ соприкосновенія ихъ съ ученіемъ Православной Вѣры и съ жизнью Православной Церкви.

Посему въ „ПРОГРАММУ“ журнала входятъ:

Отдѣль I: 1) Душеполезное чтеніе, т. е. статьи, дневники, письма, наблюденія и воспоминанія, а также и прочіе труды религіозно-назидательного содержанія. 2) Вѣроученіе и правоученіе Православной Церкви, въ научно-популярномъ изложеніи и въ удовлетвореніе запросовъ нашего времени. 3) Церковная проповѣдь на жгучіе вопросы современности. 4) Церковное управление. 5) Вопросы современного пастырства и церковный приходъ. 6) Церковная школа. 7) Внѣшняя и заграничная православная миссія. 8) **Внутренняя миссія.** 9) **Русское сектантство**, соціализмъ, современный атеизмъ и спиритуализмъ. 10) Православная церковь за границей. 11) Инославіе и иновѣріе.

Отдѣль II: 12) Церковь и Государство. 13) Церковь и Общество. 14) Церковь и семья. 15) Церковь и личная жизнь человека. 16) Церковь и современная пресса. 17) Церковь и современная мысль. 18) Библиографія и критика. 19) Политическое обозрѣніе. 20) Стихотворенія. 21) Почтовый ящикъ: отвѣтъ на запросы читателей по программѣ журнала.

Въ журналъ **принимаютъ участіе:** просвѣщеннѣйшіе іерархи и пастыри Церкви, миссионеры, мужи богословской и свѣтской науки и литературы, а равно и видные дѣятели на поприщѣ церковной, государственной и общественной жизни.

Журнальный итогъ

„ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ“, съ Божьей помощью, блестяще закончили **первый годъ** своего существованія. Численность **подписчиковъ** превзошла **самая смѣлья редакціонныя ожиданія**, хотя Редакція и получила возможность публиковать о выходѣ журнала только на исходѣ подписанного сезона. Составъ **сотрудниковъ** журнала не только многочисленъ, но и своимъ качествомъ вполнѣ гарантируетъ въ дальнѣйшемъ еще большее достижениe журналомъ своихъ цѣлей, на что и будутъ направлены усиленія Редакціи въ 1913 году.

— Въ истекшемъ 1912 году въ „Гол. Церкви“, между прочими печатались статьи: Московскаго Митрополита **Владиміра**, Архієписк. Антонія Волынскаго, Архієп. Николая Варшавскаго, Архієп. Арсенія Псковскаго, Еписк. Гермогена (б. Саратовскаго), Еписк. Димитрія Таврическаго, Епискона Никона (б. Вологодскаго), Еписк. Василія Можайскаго, Еписк. Митрофана Гомельскаго, Архим. Димитрія, Архимандр. Арсенія, Іером. Николая, П. Мансурова, В. Кожевникова, М. Новоселова, И. Айвазова, доц. Моск. Д. Акад. В. Троицкаго, профес. Казан. Д. Акад. Іером. Гурія, профес. Нѣжин. Инст. свящ. Н. Боголюбова, законоуч. ПБ. Женск. Педагогич. Инст. П. Аникиева, К. Меркурьева, члена Г. Думы Г. Шечкова, проф.-члена Г. Совѣта Т. И. Буткевича, профес. ПБ. Дух. Акад. А. Бронзова, инспект. гимназії А. Гораина, доктора В. Николаева, и. д. доцента Кіев. Д. Акад. Н. Фетисова, Е. Воронца, Свящ. Н. Колосова и мн. др. Въ редакціонномъ портфель на 1913 г. им'ється вес. цѣнныій матеріаль по жгучимъ вопросамъ Церкви и Государства, принадлежащій перу извѣстныхъ ученыхъ, какъ напр. професс.-канониста **И. С. Бердникова**, проф.-канониста **А. И. Алмазова** и мн. др.

===== Печатавшіяся въ „Гол. Церк.“ за 1912 г. важнѣйшія статьи изданы Редакціей *отдѣльными брошюрами*, каковыя и можно получать въ Редакціи за вес. умѣренную цѣну. Съ цѣлью дать духовную пищу и простому народу, Редакція „Гол. Церкви“ издаётъ „Лепту Обители Святителя Алексія“, религіозно-просвѣтительныя и місіонерскія брошюрки. Цѣна за сотню 50 коп., съ пересылк. 75 коп. =====

КЪ СВѢДѢНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ и СОТРУДНИКОВЪ:

1) **Годовая цѣна журнала ЧЕТЫРЕ руб., за $\frac{1}{2}$ года 2 руб.;** съ дост. и перес. За границу **ПЯТЬ** руб. Деньги адресовать: „**Москва. Кремль. Чудовъ монастырь. Въ редакцію „Голоса Церкви“.** Подписка принимается и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ, а также и въ „**Конторѣ Объявленій и Подписки Н. Н. Печковской. Москва. Петровскія Линіи**“.—За перемѣну адреса подписчики вносятъ **25** коп.

2) **Плата за объявленія** на послѣднихъ страницахъ: 1 стран. 20 руб., $\frac{1}{2}$ стр. 10 руб., $\frac{1}{4}$ стр. 5 руб., $\frac{1}{8}$ стр. 3 руб. При печатаніи много разъ дѣлается уступка по соглашенію.

3) **Литературный** матеріалъ для „Голоса Церкви“ надлежить направлять и за справками обращаться по адресу: „**Москва. Большая Тверская-Ямская, д. 48. Телеф. 172-76. Ивану Георгіевичу Айвазову**“. Статьи для журнала надо писать четко и на одной сторонѣ листа.

Редакторы „Голоса Церкви“: Намѣстникъ Чудова монастыря архимандритъ **Арсеній** и и. д. доцента Московск. Духовн. Академіи

Москов. епарх. місіонеръ **Иванъ Айвазовъ**.